

уральский

следопыт

№ 11 *** 1982

ВСЕГДА С ПАРТИЕЙ

Шесть лет назад весь миллионный Свердловск отмечал 90-летие этой женщины. Анна Николаевна Бычкова, ветеран партии с 1906 года, была «мэром» города. Города, в котором прошла ее молодость, в котором она получила закалку и опыт партийной работы.

Есть судьбы, которые словно вынесены на гребень эпохи, есть жизни, которых с лихвой хватило бы на десятилетия.

Анна Николаевна Бычкова всегда на партийной работе. В ее судьбе «уместились» три революции, ссылка, эмиграция, работа по восстановлению народного хозяйства. В ее судьбе отразилась судьба целой страны.

Семьдесят шесть лет из своих девяноста шести она — коммунист. Вся ее жизнь, полная событий и бурь, состояла и состоит из горячих минут. И сегодня, как всегда, каждый день ветерана партии расписан по минутам... «Кипучка», — как сказала бы сама Бычкова...

О таких, как Анна Николаевна Бычкова, говорят: «живая история».

Фото А. Нагибина
Оформление С. Мальшева

В номере:

Д. Лившиц, А. Поляков ПО ДОРОГАМ ИДУТ КАМАЗЫ	2
Л. Дмитерко, В. Бровченко, М. Братан, В. Корж СТИХИ	6
И. Плотников ПАВШИЕ ОСТАЮТСЯ МОЛОДЫМИ	8
М. Секрет ХЛЕБ И ФРОНТ	10
Н. Широкова «ПОМЕРИТЬСЯ В НАУКАХ ГОРНЫХ...»	15
К. Трифонов СЕРПАСТЫЙ, МОЛОТКАСТЫЙ	16
В. Анпилов НАЗАРИХА	18
Л. Голубев КАРАСИЙ КОЛОДЕЦ	25
СПАСУТ ПРИРОДУ ЗАВОДЫ	26
Н. Андреева РОЖДЕННЫЙ БУРЕВЕСТИКОМ	31
О. Капорейко РЯДОМ С СОВАМИ	33
А. Барков АНДРЕЙКИНЫ РАССКАЗЫ	36
А. Власов УБОРЩИЦА И ГАЯНЭ	40
Е. Зонова СТИХИ	55
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	56
С. Другаль ОСОБАЯ ФОРМА	60
ВЕСТИ ИЗ КЛФ	62
В. Пашин КНИГА ДЕКАБРИСТА	72
В. Могиляницкий АВТОГРАФ ШОЛОХОВА. ПИСЬМО ФАДЕЕВА	74
С. Черных ЖУРНАЛ «РАБОЧИЙ ОТДЫХ»	76
С. Ипполитова БЫЛ ТАКОЙ ГОРОД — ПЛЕСНЕСК	78
Л. Глазунова ТОЛЬКО МОРЕ, ТОЛЬКО ВЕТЕР...	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
 2 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 6 Муса ГАЛИ,
 Спартак КИПРИН,
 8 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 10 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного редактора),
 15 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 16 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 18 Константин СКВОРЦОВ,
 Владимир СТАРИКОВ
 (ответственный секретарь)

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 33 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219.
 Свердловск, ГСП-033,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 30.07.82.
 ЛС 11458.
 Подписано к печати 24.09.82.
 Бумага 64x108/16.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,0.
 Тираж 255 000.
 Заказ 420.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На первой странице обложки — рисунок Е. КРУТСКИХ

© «Уральский следопыт», 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

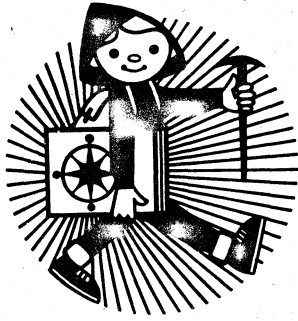
ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№11 * 1982

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

По дорогам

Давид
ЛИВШИЦ,
Анатолий
ПОЛЯКОВ

Когда решалось, где быть, где встать-подняться будущему автомобильному гиганту-автограду, выбор пал на Татарию. Республике отдали предпочтение перед другими районами страны не случайно. Здесь, на берегах Камы и Волги, наиболее удачно сочетаются важные факторы — развитая нефтедобывающая промышленность, дешёвые водные пути; рядом — источники электроэнергии: Куйбышевская ГЭС, Заинская ГРЭС, строящаяся Нижнекамская ГЭС; есть ресурсы рабочей силы и само положение республики в центре страны — как говорится, на семи ветрах — как бы подсказывало место закладки нового автогиганта.

Годы после Октября преобразили все отсталые в прошлом районы страны. На примере Советской Татарии это хорошо видно. В старые времена здесь не знали ни шоссейных дорог, ни машин, не было электростанций и заводов-гигантов. Был отсталый край России, схожий с другими национальными окраинами. Лишь время от времени здесь происходили события, вселявшие надежду, что когда-нибудь Татария увидит иную жизнь...

В 1758 году в Казани была открыта первая провинциальная гимназия Российской империи. А через полвека родилась и первая в России провинциальная газета. Один из первых провинциальных университетов тоже возник здесь. Теперь это знаменитый Казанский, где преподавал Лобачевский и учился Ленин. Известна была Татария кожевенным промыслом, стеариновыми и мыловаренными заводами, значит — свечами и мылом, а еще мелкими фабриками кустарного и полукустарного свойства, смолокурением, плетением кружев и лаптей и производством повозок.

Но разве тьму рассеять свечами, а пространства покорить повозками!

Жизнь края преобразила Революция.

Татарская АССР сегодня — один из высокоразвитых промышленных и сельскохозяйственных регионов страны. Республика на Волге в наши дни делает самолеты, вырабатывает синтетический каучук, выпускает компрессоры, сборные железобетонные конструкции, часы и газовую аппаратуру, насосы и моторы, шины — всего не перечислить. И вот теперь в Татарии делают знаменитые на всю страну КамАЗы — тяжелые грузовые автомашины тридцати модификаций. Автогигант намного увеличит производственный потенциал республики.

Что такое автомобиль? Не правда ли, странный вопрос для нашего времени! И все же... Самодвижущая повозка. Техническое определение дают словари: автомобиль — транспортная безрельсовая машина с гибким образцом, на колесном ходу, приводимая в движение собственным двигателем. Но это определение не совсем точно. Автомобиль — экономичный и культурный вид транспорта, способный в хозяйственной и культурной жизни перевозить до трех миллиардов тонн грузов и до сорока миллионов пассажиров перевезли автомобили страны за один год — канун пуска камазовского конвейера!

ИДУТ КАМАЗЫ

Превратить СССР в автомобильную державу — не простое дело. Нужна для этого не только индустриальная база, нужны и специфические отрасли промышленности. Появление автомобиля вызвало бурный рост качественной металлургии, резиновой промышленности, заводов, выпускающих лакокраски, электрооборудование, специальное стекло. И одновременно развитие этих предприятий, необходимых автомобильной промышленности, буквально упирались в развитие транспорта.

7 ноября 1924 года по Красной площади прошли первые советские грузовики.

Через три года ЗИЛ выпустил... 425 машин.

В 1976 году, накануне открытия XXV съезда КПСС, по Красной площади прошла колонна КамАЗов — первые 16 машин. Проектная же мощность завода-гиганта — 150 000 автомобилей и 250 000 двигателей в год.

Корреспондентам нашего журнала довелось побывать в Набережных Челнах в разное время строительства автограда¹.

Набережные Челны. Прямая, как стрела, бетонная автострада, связывающая старый город с новым, с самим заводом. Непрерывный поток мчащихся машин — не перебежать пути!

Дорога главная КамАЗа,
Как фантастическая трасса,
Строчит трассирующим жалом
Грузовиков и самосвалов.

Удивительным казалось сочетание индустриальной мощи новостройки с поэтическим обликом старинного города на берегу реки, нежно трогало слух старое название Челнов — Бережные. Название, которое само просилось в стихи, и написано их было поэтами множество.

Что за прелесть русское слово,
Что за зудо — русская речь...
Вот опять несусь, как обнову,
Это древнее слово —
«беречь».

Тихий плес крутояр огибают,
Белым стражем дома взнесены,
Это Каму оберегает
Город — Набережные Челны.

Есть края, где всегда так просто
Сберечь для души озон!
Вот — дорога, а вот — колеса:
Доставай рукой горизонт!

...Если б мы, аскеты ненабожные,
Для себя выбирали сны,
Я б хотел, чтобы снились мне Набережные
— До конца моих дней —
Челны.

И снова мы в Набережных Челнах. Шесть лет прошло с тех пор, как были здесь в последний раз. Много ли это — шесть лет? Смотря что измерять годами. В Набережных Челнах год — не год, здесь они, года, шагают широко.

Самолет приземлился в аэропорту Бегишево. Сразу с удовлетворением делаем запись в блокнотах: построено новое большое, удобное и красиво оформленное здание аэровокзала.

Впрочем, пока нам не до красот этого первого на нашем пути, пусть и уютного, дома в Набережных Челнах. Ведь самолет-то прилетел сюда глубокой ночью: как всегда и как почти всюду, теперь подвел Аэрофлот. А мы рассчитывали прилететь в первой половине дня, успеть зайти в городской или заводской комитет комсомола, представиться, получить места в гостинице или в общежитии хотя бы.

— По какой причине головы опустили? Надо уши шапок опускать — и смело на мороз: сейчас будет последний автобус, я узнал, — это подошел Виктор, знакомый по аэрофлотскому несчастью, сосед в самолете, парень из Набережных Челнов.

Узнав, чем мы озабочены, он подумал минуту и говорит:

— Едем. Я вам помогу. Здесь, смотрите, и сесть-то негде.

— Чем же и как ты сможешь нам?

— Думаю, все будет о'кей. Пошли.

На ходу, на площади в ожидании автобуса Виктор рассказал нам, что работает слесарем-сантехником в управлении жилищно-коммунального хозяйства, случается бывать ему и в гостиницах по аварийным делам, там он всех знает, там, он надеется, ему не откажут устроить нас.

В гостинице, конечно же, висела грустная табличка — «Мест нет». Сонная регистраторша и говорить с нами не стала — только показала пальцем на нее и развела руками. Однако она еще не видела нашего ходатая, он уже входил, улыбаясь, в ее закуток... Через минуту-две слышим:

— Где вы там, из Свердловска? Ваши паспорта! Утром залишу вас и рассчитаемся, — и хозяйка гостиницы дает бумажку на право ночевать.

Виктор поднялся с нами в номер, покурить, мол. Помолчал минуту и говорит:

— Я-то еду из отпуска от тещи, еды мне надавала в дорогу — за пять суток не съешь. А вы не ужинали, видел. Вот курица, сыр, сало, хлеба, правда, мало...

¹ Очерки о строительстве автогиганта на Каме, о людях стройки печатались в «Уральском следопыте» в № 8 за 1972 год и в № 8 за 1978 год.

Мы не успели толком и поблагодарить доброго человека — он ушел.

Весь следующий день, буквально весь, с утра до вечера, мы были на колесах. Старое — новое, знакомое — незнакомое.

Нижнекамская ГРЭС уже дает электроэнергию, монтируются ее последние агрегаты, скоро она полностью войдет в строй. Перекрыта Кама — будет большой мост через реку. Строится железная дорога до станции Агрыз, она свяжет город с магистральной линией. Тогда Набережные Челны не будут тупиком, тогда сюда не только самолетом можно будет долететь.

Издали виден стеклянный куб 24-этажной гостиницы «Татарстан». Оригинален по конструкции Дворец культуры. Вот гигантский кинотеатр «Россия», здание политехнического института, а это, легко можно догадаться, — торговые центры, новые школы, спортивный зал... А рядом, кругом, вблизи, вдали, куда ни посмотри, — жилые дома, дома, дома...

Все-таки удивительное это место на карте нашей страны — город Набережные Челны и Камский автомобильный комплекс заводов в нем. Бываешь тут — и тебя не покидает ощущение сказочности, не верится, что такой город и семь таких заводов, 4,5 миллиона квадратных метров жилья воздвигнуто по сути дела за две пятилетки! Но ведь не по щучьему велению и не по мановению волшебной палочки появилось это чудо. Трудом советских людей, по воле партии создан гигантский автоград на Каме.

Нам довелось видеть, как пошли с конвейера первые автомашины, первые считанные единицы. Теперь грузовики с пометкой на лбу «КамАЗ» известны каждому, во всех уголках страны: только в 1981 году с конвейера сошли десятки тысяч автомобилей.

К XXVI съезду КПСС была сдана в эксплуатацию вторая очередь КамАЗа. Началось ее освоение. К концу пятилетки автогигант на Каме заработает на полную мощность.

К концу пятилетки приостановится, как предполагают экономисты и социологи, и бурный рост народонаселения города. Сейчас в нем живет без малого 400 тысяч человек. Из них более 70 тысяч камазят — таким забавным именем называют здесь детей, родившихся в Набережных Челнах.

Ничего нет удивительного в том, что 10 лет назад город был самым молодым в стране: большая стройка — дело молодежи. Но и сейчас Набережные Челны — город молодых, хотя работают заводы, хотя ко многим новоселам приехали родители и даже дедушки и бабушки. Средний возраст всех работающих на КамАЗе всего 27 лет — на 10 лет меньше, чем на любом автомобильном заводе.

Камазята задают трудные задачи. Им нужны ясли и сады. Поэтому в Набережных Челнах так много крупных детских комбинатов — 107. Камазята гурьбой пошли учиться. В Набережных Челнах 37 средних школ — больших и современных, на 1000 и более учащихся каждая, но бывало, что в иной год некоторым школам приходилось работать в две смены, потому что первоклашек набиралось... 12—17 классов.

В Набережных Челнах заводы отделены от города широкой зеленой зоной — особенно зеленой, правда, она станет в недалеком будущем. Так вот здесь будут построены комплексы оздоровительных учреждений. Сначала, пока город переполнен камазятами, здесь разместятся детские сады и ясли, а потом, когда погаснет демографический взрыв, здесь откроются дома отдыха, однодневные профилактории для рабочих заводов Автограда.

Общественный транспорт в Набережных Челнах работает хорошо. За полчаса можно добраться куда надо, хотя город очень разбросан и вытянут на 20 километров. Удивило нас обилие автобусов на просторных улицах и на дорогах к заводам, они идут буквально один за другим. Но как транспорт перегружен в часы пик! Кажется, все сто тысяч человек, все работающие, вышли на оста-

новки, заполнили трамваи и автобусы и едут... А небось пятьдесят тысяч из них едут не одни, а с детьми, до сада или яслей, чтобы потом снова сесть в другой автобус и ехать дальше, до работы.

Зато вечером, когда закрываются магазины, на улицах, особенно в Новом городе, пустынно, даже страшно-вато становится: безлюдье. В Набережных Челнах нет пока театров, не хватает кинозалов, мало других мест, где можно было бы провести часы досуга. Вот люди и не выходят из благоустроенных квартир до завтрашнего рабочего дня.

Конечно же, это социальная проблема. Довольно типичная для строящихся городов и одна из острых, ждущих решения.

Не суждено было встретиться нам со старыми знакомыми. Кто перешел на другую работу, кто в отпуске оказался, кто получил квартиру, а адреса в общезнании не оставил... С трудом узнали адрес Володи Косова, шофера из АТХ-6.

Вечером идем к Косовым. Стучим — не открывают, стучим — опять за дверью тишина. Значит, нет никого дома...

На этаж поднялся парень с двумя буханками хлеба под мышкой. Остановился возле соседней квартиры, смотрит на нас этак подозрительно. Стало неловко. Говорим, как бы давая ему понять, что мы не кто-нибудь.

— К Косовым мы пришли, а их, видно, дома нету. Вы не знаете, когда они приходят?

— К каким Косовым? — спрашивает.

— К Володе, он шофером в АХТ-6, и к Лиде, его жене...

— А вы кто, если не секрет? — спрашивает уже вежливо.

Называемся:

— Из «Уральского следопыта».

— О, знаю! Он давал мне журнал, где про него написано, — человек с буханками под мышкой открыл дверь и звал нас к себе домой. — Заходите-заходите, все расскажу про Косова.

Так мы оказались в доме у Владимира Григорьева, соседа и друга Володи Косова, тоже шофера.

Про Косова узнали такую историю. Работал хорошо, получил квартиру. У них с Лидой родился сын, уже десять лет ему. И вдруг Володя уволился, уехал на самый север Тюменской области. Лида с сыном пока здесь живут, но сейчас, в каникулы, улетели к главе семейства — посмотреть-поглядеть, где предстоит им жить.

— Почему же уехал? Такой был патриот города...

— За романтикой поехал, — отвечает Григорьев. — Он у нас такой. Говорит: «Здесь мне больше нечего делать, все сделано. Поеду-ка...»

Пока мы разговаривали, в дом Григорьевых пришли гости: молодая мама с дочерью, молодая бабушка, стеснительный парень и веселая девушка — супружеская пара. Володина жена Зоя заставила стол посудой. Нам не дали ни одеться, ни распрощаться.

— Что вы, что вы — так нельзя, — сказал хозяин. —

Оказались в гостях — оставайтесь до конца. У меня сегодня праздник возвращения.

В Набережных Челнах создано Камское автотранспортное предприятие по перегону автомобилей. В нем работает около 800 шоферов, один из них — наш новый знакомый, гостеприимный Владимир Григорьев. Понятно по названию предприятия, чем занимается армия шоферов — своим ходом доставляет камские грузовики адресатам. Наш Володя самолично перегнал почти 200 КамАЗов, исколесил всю страну. Сейчас он вернулся из Прибалтики. Вот и собрались отметить его возвращение друзья. Нет только Саши Касимова: он тоже перегонщик и уехал в Семипалатинск.

За столом разговор шел, как бывает всегда в таких случаях, «за жизнь», в самом широком смысле — от «чего

нет в магазинах» и до футбольных проблем, но больше о главном — как им живется и работает. И выяснили: работает хорошо, жить в Набережных Челнах нравится.

— А ты бы, Женя, помолчал при таком-то разговоре, — Зоя не дала открыть рта стеснительному парню, мужу веселой девушки.

Вроде бы и с юмором, но такие слова сказала она. Почему? И узнали мы биографию Евгения Алсуфьева.

В 1975 году, сразу после армии, помор Женя Алсуфьев приехал в Набережные Челны. Специальности у него были самые подходящие — бульдозерист и экскаваторщик. С тех пор он и работает в Автограде на нулевом цикле — роет котлованы под здания. Гостиница «Татарстан», кинотеатр «Россия», плавательный бассейн, универсамы, школы, десятки жилых многоэтажек — все это объекты, которые он вправе считать своими — он их поставил на землю. В прошлом году Алсуфьев женился на Лене Платоновой, сестре Зои Григорьевой.

— Полгорода, считай, построил, а для себя ничего: в вагончике на курьих ножках живет, — подытожил разговор Григорьев.

— Ну, пока живем, потом дадут ведь... — вставил слово Женя.

— Пока... Дадут... Жди!.. Ты же не просишь, — наступали на Женю женщины.

— Ладно вам... — только и ответил Алсуфьев, чтобы отвлечь, наконец, внимание от своей персоны.

По дорогам страны идут КамАЗы... Всюду их теперь много — они стали привычными, знакомыми всем и каждому. Ранним летним утром встретилась нам колонна запыленных камских грузовиков с прицепами на улицах Свердловска. Видно было, что они пришли издалека, да и номера чужие, не местные. Подошли. В кабине одной из шести машин сидят четверо парней — все молодые, улыбчивые, охочие до разговора.

— Откуда и куда держите путь? — спрашиваем.

— Из-за тридцати земель и к вам на седой Урал, — отвечает один.

— Где же ваше тридцатое царство и тридцатое государство находится?

— На Алтае, в нестольном граде Бийске. Слыхали о таком?

— Да, слышаны, но не бывали там...

Вот, оказывается, откуда прибыл в Свердловск им грузом и за другим товаром караван из шести Зов. Четверо суток добирались до Урала шоферского управления транспортно-экспедиционных перевоз Валерий Иконников, Сергей Бережной, Анатолий Кофеев и Сергей Крючкин. (Еще двоих их напарников мы не стали — они ушли разыскивать в гостинице бийского телекача-снабженца и адрес конторы, где надлежало получить товар).

«За жизнь» мы поговорили с ребятами хорошо. Все они, как на подбор, — добрые молодцы, почти одноклассники.

— Специально, что ли, молодых парней в такие рейсы подбирают?

— Может, и специально, — отвечает за всех Иконников. — Шофер-то в годах не больно охоч ездить за тридцать земель, да им и не выдержать таких поездок. А мы — как солдаты. Армейскую школу прошли, кроме Сереги-маленького.

Маленький — это Крючкин, парень совсем скромный. Поинтересовались мы, почему он, почти двадцатилетний, не служил в армии еще, почему такую нелегкую работу выбрал?

— А кормилец я, — говорит Крючкин. — В армию ведь не берут, пока кормилец...

Двадцати нет парню... В жизни беда хоть и незваная, да нередкая гостья. Погиб отец. Вдруг умерла мать. А их трое: Наташа малолетняя, старенькая бабушка Анисья Васильевна да сам Сергей, вчерашний школьник, а теперь уж глава семьи. Выучился на шофера, пошел на грузовик,

чтобы побольше зарабатывать, чтобы все дома были сыты-обуты...

— Хоть и молод, а парень что надо, — подвел итог разговору Иконников.

Мы, как частые гости Набережных Челнов, спросили, естественно, у новых своих знакомых о машинах, на которых они работают. И не подозревали, что затронули самую излюбленную тему для шоферов.

И начали ребята наперебой высказываться:

— Первые машины, семидесятых годов выпуска, были лучше.

— Кабина прекрасна, мотор хорош, коробка передал — еще лучше. Едешь — и радуешься. Но мосты, особенно редукторы, не годятся.

— Колес много, а резина...

— Ну хватит, хватит, ребята, — говорим им. — Мы же не рекламу на КамАЗ пришли составлять к вам. Мы хотим только дополнить положительный очерк...

— Все, что мы говорим, — очень даже положительное, — отвечает за всех Иконников.

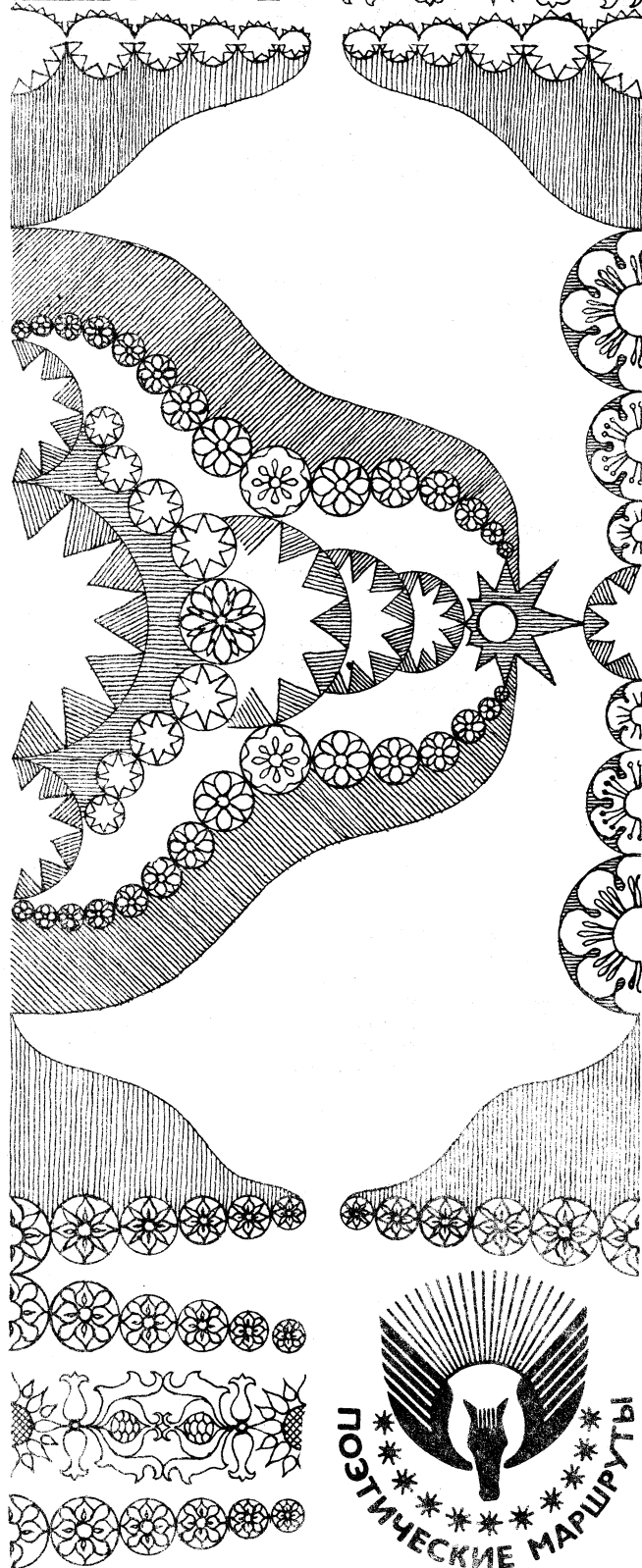
А он, небось, и прав: действительно положительное и делу пойдет только на пользу.

Символами побед Страны Советов, маяками социалистической индустриализации стали Магнитка и Уралмаш, Днепрогэс и Атоммаш, Волгоградский и Челябинский тракторные заводы, Комсомольск-на-Амуре и Братск, Турксиб и БАМ, Волжский и Камский автомобильные заводы. Слово это, «КамАЗ», золотыми буквами вписано в летопись страны. Грузовики с этим гордым именем разнесли славу о трудовом подвиге советского народа по всей планете, и слава эта — немеркнущая.

Фото А. Нагибина

60
ЛЕТ
СССР

Украина — родная сестра России. Издавна кровные узы связывали наши народы. Несть числа историческим примерам нашей общности, взаимовыручки, поистине безграничной дружбы. Все это с особой силой проявилось в годы гражданской и Великой Отечественной войн, в трудные послевоенные годы, когда вся страна, и прежде всего Россия, помогала Украине восстанавливать города, поселки, деревни, все хозяйство, варварски разрушенное немецко-фашистскими захватчиками. Сегодня Украинская Советская Социалистическая Республика — это мощная промышленность и высоко-развитые сельское хозяйство, наука, культура. В преддверии большого праздника — 60-летия СССР мы предоставляем слово украинским поэтам.

**Любомир
ДМИТЕРКО**

Письмо

Письмо в планшете. Милое до слез.
Полуистлели буквы на конверте.
Но это он когда-то мне принес
Любовь, что сберегла меня от смерти.

Ты, ты писала. То твоя рука,
Родная и знакомая такая.
Пусть годы проплывают, как река,
Ведь нас с тобой они не разлучают.

Мы равнодушие гоним за порог,
Как прежде, до конца с тобою дружим.
Ты сберегла любовь,
И я сберег
Ее и от измены, и от стужи.

Письмо я это детям передам,
Оно не зря овеяно боями,
Оно легко
Мостком между сердцами,
Дорогу к счастью указало нам!

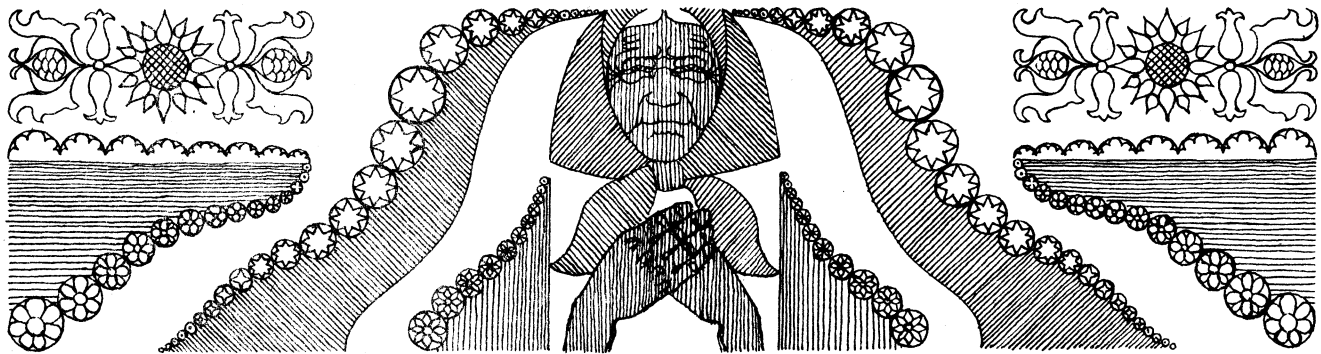
**Владимир
БРОВЧЕНКО**

Думы

И сегодня океан угрюмый
Катит волны, будто валуны.
Быстрокрылые, как прежде, думы
И сегодня отгоняют сны.

Переделать хочется, поправить,
И перебороть, и утвердить.
Лишь тогда мы, мой ровесник, вправе
С чистою душой на свете жить.

Пусть не покидает нас тревога
Неспокойных дум и трудных дел...
Есть одна лишь легкая дорога —
Та, что ты вчера преодолел.

Микола БРАТАН

Мороз такой, что леденеют зори;
Медведицей блуждает ночь в полях,—
Испуганная клетотом в моторе,
Застыла от дороги
в двух шагах.

Дрожат огни то там, где туч громада,
А то в полях... Их сосчитать невмочь.
Куда плывут? Чего им вечно надо?
Всего понять никак не может ночь.

А им светить в десятый раз и в сотый,
Светить над белой скатертью полей,
Ведь их ведут всегдашние заботы...
И в жизни — я один из тех огней.

Виктор КОРЖ

Баллада о профессиональной боли

Знаю — снова и снова сердце замрет просительно,
к осени той потянется: с нею не в силах врозь.
Там допоздна сидел я
за красным столом президиума
в праздничном клубе колхозном, праздника этого гость.

Покуда вручались грамоты, премии, вымпелы,
покуда слова благодарности
взвивались куда ни кинь,
дальними зорями очи женщины выплыли
из-под косынки яркой,
цветом в степную синь.

Женщина... рядом хлопчики, видимо, внуки,
щеки ее в морщинах, в них — прошедшего мгла,
тихо она сидела,
к сердцу прижавши руки
бережно и сторожко, будто они из стекла...

А потолок качался ветром рукоплесканья —
величали ударников,
тихо сидела она,
руки к груди прижимая, все приложив старанья —
будто разбить боялась,
так и сидела, скромна.

И красота лица ее,
сдержанность взгляда, восторга
да и сиянье ордена
были тут ярче всего.
Мне выступить — я выступил;
после спросил парторга
и взволновался, выслушав поясненья его.

«Руки? Да как сказать вам...
это признак профессии...
Это ведь наша доярка... ходила в передовых...
часто писали в газетах... ну, а теперь на пенсии...
руки — болезнь доярок,
отзвук забот трудовых...»

Руки! Свое отлетали! И, зачарованный ими,
я на районном «газике»
мчался сквозь дождь и град,
думал: нашему брату на поэтической ниве
тоже порой достаётся,
да не свернешь назад.

Знаю — снова и снова сердце замрет просительно,
к осени той потянется,
к блеску сентябрьских зорь.
Там когда-то сидел я
за красным столом президиума,
Впервые чувствуя в сердце
профессиональную боль.

*Перевел с украинского
Михаил Найдич*

*Рисунки
В. Меринова*

В 1918—1919 годах уральские города оказались во власти Колчака. И с первых же дней оккупации здесь начали свою подпольную деятельность союзы социалистической рабочей молодежи (ССРМ). Они организовывали стачки, устраивали побег заключенным, писали и расклеивали листовки, добывали оружие, совершали диверсии, вели подрывную работу в колчаковской армии, организуя массовое дезертирство солдат.

ПАВШИЕ ОСТАЮТСЯ

МОЛОДЫМИ

**Иван
ПЛОТНИКОВ**

*Рисунок
А. Банных*

На Среднем Урале наиболее сильным и хорошо организованным было комсомольское подполье в Екатеринбурге. Летом 1918 года на подпольной работе были оставлены молодые большевики Илья Дукельский, Аркадий Бригинский, со специальными заданиями — Василий Еремин, Владимир Мельников. В городе, не успев эвакуироваться, осталось немало комсомольцев, в том числе лежавший в больнице руководитель ССРМ на «Монетке» (железнодорожные мастерские) Василий Самодуров. Все они включились в работу. Наиболее активной она стала с января 1919 года, когда в город прибыл опытный революционер А. Я. Валек и подпольные группы были объединены в единую организацию во главе с общегородским комитетом. В качестве связной действовала беспартийная активистка — гимназистка Соня Морозова. Большую помощь оказывали отважные девушки Таня Чирухина, Валя Попова и Рита Полежаева. Они помогли группе большевиков совершить побег с

Верх-Исетской гауптвахты, но сами были схвачены колчаковцами и замучены. Погибли в неравной борьбе И. Дукельский и С. Морозова.

Ответственное задание выполнял молодой коммунист Владимир Мельников. Он хранил склад оружия, созданный при отступлении из Екатеринбурга Красной Армией. Но врагам стало известно о поручении, полученном Мельниковым, и его арестовали 30 февраля 1919 года. Его пытали жестоко, зверски: кололи ножом, били палками, мучили голодом, сажали в каменный «мешок», где в сырости и холоде он коченел, не имея возможности ни есть, ни лечь. Арестовали его мать и били ее на глазах сына. Герой перенес все пытки, но впоследствии лишился рассудка и умер в колчаковской тюрьме. Место склада он не выдал.

Чрезвычайно важную подпольную разведывательную работу в Екатеринбурге вел Василий Еремин — секретарь Уральского обкома ССРМ. Ему удалось устроиться на работу в профсоюзе, а затем

вступить «добровольцем» в белогвардейскую армию. Еремин добился назначения на должность писаря разведотделения штаба Сибирской армии.

В конце июня 1919 года В. Еремина арестовали. На квартире у него были найдены секретные штабные документы. Более десяти дней его жестоко пытали. Василий Еремин был расстрелян перед самым освобождением Екатеринбурга Красной Армией.

Много подростков, даже детей, работало в большевистском подполье. В Троицке замечательным связистом был Ваня Ефимов, который вместе с матерью подпольщицей Натальей Лазаревной выполнял поручения, причем в вечернее и ночное время, когда улицы города усиленно патрулировались и его мог застрелить любой солдат. Другой паренек — Вася Подгорбунский (кличка Шура), определившийся служащим в железнодорожную контору, по вечерам печатал на машинке листовки по поручению большевика-подпольщика И. Ф. Тарасова, собирав сведения о передвижении колчаковских войск.

Группа комсомольцев Екатеринбургa в момент бегства из города белогвардейцев с помощью подростка Шуры Воронина освободила из второй городской тюрьмы около тридцати коммунистов, которых должны были расстрелять. Вместе с подпольной партийной организацией комсомольцы готовились к вооруженному восстанию, многие раздобыли оружие, даже сумели достать два пулемета.

Подпольщики-комсомольцы Челябинска в одну из июльских ночей 1919 года провели дерзкую операцию по разоружению белогвардейской роты в районе Кузнецовской дачи, в трех километрах от города. Боевую группу из 17 человек возглавляли Г. Чикишев и А. Прилепских. Оружия было мало — на всех только десять револьверов. Миновали многочисленные патрули, они поодиночке выпли в поле, собрались в условленном месте и стали ждать. Рота солдат проследовала во двор дачи. Расположилась на ночлег: одни солдаты сложили винтовки в кучу во дворе, другие оставили при себе. Когда все заснуло, подпольщики сняли часового, захватили винтовки и разоружили офицеров. Солдат заперли в доме и объявили им, что вокруг будет поставлена охрана, она и сдст утром роту представителям Красной Армии, которая будет бы только что освободила Челябинск...

Нагруженные винтовками и патронами, они направились обратно в город. По дороге наткнулись на два белогвардейских патруля, уничтожили несколько офицеров.

Все захваченное оружие — около 90 винтовок, револьверы, патроны — доставили в надежный тайник у подпольщика И. Т. Данилова.

Но, пожалуй, самой грандиозной операцией комсомольского подполья тех лет был поход отряда из 170 молодых рабочих через тылы врага для воссоединения с регулярными частями Красной Армии.

Из нескольких городов и поселков Челябинской области собирався нелегально этот отряд. К походу долго готовились: самп тайно делали лыжи, собирали теплую одежду и продукты.

Командиром отряда стал К. М. Туманов, а комиссаром — В. И. Грачев. Примерно каждый второй боец имел винтовку, а некоторые были вооружены револьверами, гранатами. Многие бойцы, рассчитывая на быстрый и легкий переход через линию фронта, взяли еды только на 1—2 суток. В конце февраля 1919 года отряд тронулся в путь.

Но с погодой сразу не повезло. Вначале стояла оттепель, беспрерывно шел мокрый снег. Пробираясь на лыжах по бездорожью, по глубокому снегу, в обход сел и деревень, бойцы вымокли. При подъеме в гору самодельные лыжи приходилось то и дело снимать, идти пешком, проваливаясь в снег по колено, а порой и по пояс. И тут ударил 40-градусный мороз. Одежда лыжников покрылась ледяной коркой. Мороз сковывал дыхание, коченели руки и ноги, сводило суставы. Все промерзло до костей, не спасала и быстрая ходьба. Да на пее уже не хватало сил: шли несколько суток, не заходя в деревни, не отдыхая. На третий день похода кончились продукты. Положение отряда стало катастрофическим.

В районе деревни Теракы авангардная группа отряда неожиданно наткнулась на белых. Начался неравный бой. Некоторые бойцы, изможденные и замерзшие, не в состоянии были даже снять с плеча винтовку. Двигаясь за товарищами в состоянии полузабытья, теперь они просто падали в снег, теряя сознание. Так несколько человек попало в плен, остальным удалось скрыться. Услышав шум боя, отряд свернул в сторону и избежал столкновения с белогвардейцами...

За неделю, в невероятно трудных условиях, промерзшие и голодные люди преодолели путь в сто двадцать километров!.. Долгожданная встреча с войсками 5-й армии произошла 4 марта в селе Никольском, юго-восточнее Уфы, в которой в это время находилось Сибирское бюро ЦК ВКП(б). Во фронтовой сводке за этот день по 5-й армии отмечалось, что из Миньярского завода перешел вооруженный отряд рабочих в 150 человек. Реше-

нием ЦК он предназначался для действий в тылу противника, но, поскольку Колчак неожиданно 6—8 марта развернул мощное наступление, спецотряд под командованием С. Д. Павлова пришлось тут же использовать в боях. Неся большие потери, он упорно сдерживал врага. И весной, и летом 1919 года молодые мишьярцы отважно воевали на фронте. На тачанках героически сражались даже те бойцы, у которых в марте были ампутированы отможенные ступни...

На всей территории Среднего и Южного Урала к лету 1919 года действовали десятки партизанских отрядов. Они совершали налеты на вражеские обозы, разоружали и обезвреживали карательные группы, помогали красноармейцам нападать на врага в самых неожиданных местах, выводили из строя средства связи, готовили крушения воинских эшелонов. Многие заводы, которые колчаковцы не успели основательно разрушить, увезти сырье и топливо, снова начинали в кратчайшие сроки работать на Советскую власть именно благодаря расторопности, мужеству и смелости партизан.

Грандиозным было восстание рабочих при активнейшем участии комсомольцев в Челябинске и на Челябинских копях в ночь на 24 июля 1919 года. По размаху, особенно по своему значению, оно было наиболее выдающимся в колчаковском тылу. В это время Колчак обладал еще огромной военной мощью, тогда как силы Красной Армии на этом участке фронта были невелики. Отчаянно смелые ночные действия партизан, принятые врагом за действия прорвавшихся в тыл красноармейских частей, позволили разбить врага, освободить город и удерживать его. В руки Красной Армии попали большие трофеи: два бронепоезда, 32 паровоза, три тысячи вагонов с углем, военным имуществом, оборудованием, подготовленным к эвакуации, около 1500 пленных. За героизм Челябинские копни (ныне Копейск) были награждены орденом Красного Знамени.

Урал к концу лета 1919 года был освобожден Красной Армией при самом активном участии народа. В июле 1919 года В. И. Ленин писал: «Красная Армия, героически продвигаясь на Урале при помощи восстающих уральских рабочих, приближается к Сибири...»

ЖЛЕБ И

**Михаил
СЕКРЕТ**

*Рисунки
А. Банных*

Сначала несколько документов:
«Оренбург. 31 января 1919 года.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, СВЕРДЛОВУ, ЛЕНИНУ.

Оренбургский губисполком только что вернулся на свой пост. До сих пор находившийся в полном составе в рядах Туркестанской армии и вместе с ней вошедший в Оренбург, приветствует ВЦИК и Совнарком и выражает уверенность, что он, умудренный опытом семимесячной борьбы с врагом, слотивший за этот период вокруг себя целую армию, овладевший совместно с другими войсками Оренбургом — ключом к Туркестану, будет представлять всегда самую надежную опору рабоче-крестьянской власти.

По просьбе губисполкома
ТЕОДОРОВИЧ».

«Оренбург 29 марта 1920 года.

В. И. УЛЬЯНОВУ (ЛЕНИНУ).

Дорогой Владимир Ильич!

Ваши набатными призывами пробужден был и оренбургский пролетариат к новой жизни и борьбе за нее. В период господства лакеев буржуазии он начал строить свою Красную гвардию для завоевания власти рабочих и крестьян. Под Вашим руководством российский пролетариат, а также оренбургский, победил. Много борьбы, лишений и страданий пришлось вынести оренбургскому пролетариату и как части его тем пролетариям, которые входили в 438-й Оренбургский рабочий полк, ныне 3-й Крепостной полк. Не одну темную ночь пришлось нам пережить, и в эти, казалось, беспросветные ночи ярким лучом, путеводной звездой светило нам Ваше имя. Оно воодушевляло нас на нечеловеческую борьбу, оно вело нас по тернистому пути к прекрасному будущему.

Скоро год, как мы объединились для борьбы в этот полк. И мечтой каждого из нас является иметь Вас в числе почетных красноармейцев нашего полка. Это залечило бы наши раны, это облегчило бы наши страдания. Вы хоть незримо, но еще более чем раньше

ШРОИТ

будете в наших рядах, и мы приложим все силы для того, чтобы оказаться достойными этого.

Мы просим Вас принять звание почетного красноармейца нашего полка.

Да здравствует мировая коммунистическая революция и ее вождь товарищ Ленин!»

Этот адрес был направлен Ленину бойцами и командирами 3-го Оренбургского Крепостного полка.

Недавно мне удалось отыскать изданную на простенькой грубой бумаге книжечку под названием «Орлес на страже революции». Она напечатана в незабываемый 1924 год. Листая ее, я с понятным волнением обнаружил вот этот документ:

«Из протокола общего собрания красноармейцев и комсостава 3-го Оренбургского Крепостного полка.

Оренбург 12 марта 1920 года.

СЛУШАЛИ:

2. О выборах почетных красноармейцев. С докладом по этому вопросу выступает комполка тов. Дронов, указывающий, что в связи с приближением годовщины существования полка и боевыми заслугами его в деле обороны Оренбурга и разгрома Колчака в среде красноармейцев выросло желание избрать почетных красноармейцев полка...

Тов. Данилов от имени комячейки говорит, что этот вопрос комячейка рассматривала и разрешила его положительно, причем наметила почетных красноармейцев — вождей мировой революции и Красной Армии т. Ленина, председателя ВЦИК т. Калинина...

ПОСТАНОВИЛИ:

2. Единогласно избрать почетными красноармейцами полка тт. Ленина, Калинина...

СЛУШАЛИ:

3. Выборы делегатов для вручения мандатов почетным красноармейцам. От имени комячейки т. Данилов предлагает избрать делегацию в составе тт. Ритмана,

Данилова, Машкова, Болбышева для вручения мандатов ингородским почетным красноармейцам...

ПОСТАНОВИЛИ:

3. Единогласно избрать делегатов, предложенных коммунистической ячейкой.

Собрание закрывается пенем «Интернационала».

Председатель З. РИТМАН.
Секретарь БУТОВ».

Как говорят исследователи, это была крепкая нить. Предстояло искать начало, чтобы рассказать о конце.

И вот, совсем неожиданно, в ответ на одну из моих просьб из Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма прислали совсем не ту копию документа, которую я просил. Однако прислали то, что заставило срочно забросить начатую работу и отыскивать старые блокноты с текстами переписанных туда телеграмм, приведенных выше. Вот еще один документ:

«РСФСР
КОМАНДИР
3-го
Крепостного
полка
Оренбургского
пункта
29 марта 1920 г.
№ 2811
гор. Оренбург

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. В. Ульянов (Ленин) есть действительно почетный красноармеец 3-го Крепостного бывш. 438 рабочего Оренбургского полка, что подписью и приложением печати удостоверяется.

Политначальник.
Командир полка.
Адъютант».

На фотокопии этого документа ясно видна подпись командира полка Дронова. Подпись адъютанта тоже видна четко, но вязь несколько сложна, и, чтобы расшифровать фамилию, нужно отыскать список личного состава полка того времени, выяснить, кто был адъютантом.

Но прежде следует привести еще несколько документов, характеризующих обстановку того времени.

28 ноября 1919 года уполномоченный Оренбургского губпродкома, намявшись в холодном и голодном рязанском вокзале, выкурив сто первую сигарку, решительно направился к окошку телеграфа.

— Мне срочно нужен Ленин!

На телеграфиста смотрел обросший, с покрасневшими от бессонницы глазами человек.

— Да где я его возьму? — испугался телеграфист. — Ведь он-то далеко, у себя сидит... Нету его тут...

— Я тебе говорю — давай Ленина... У тебя вот штука стоит, с пушечкой. Нажимай и давай Москву...

— Не могу, тут только важные бумаги...

— А ну открой дверь...

— Нельзя, говорю!

Обросший щетиной задохнулся:

— Как это нельзя, едрена феня!.. Я хлеб везу... Понимаешь — хлеб! А меня не пускают в Москву, к голодным рабочим, разные сволочи. Ты сам вон с голодухи опух и другим зла хочешь... Прошу тебя, дай Ленина! Хотя на минутку!

Телеграфист вынул воды, дрожащими руками поставил стакан на подоконник, подумал и решительно направился к двери.

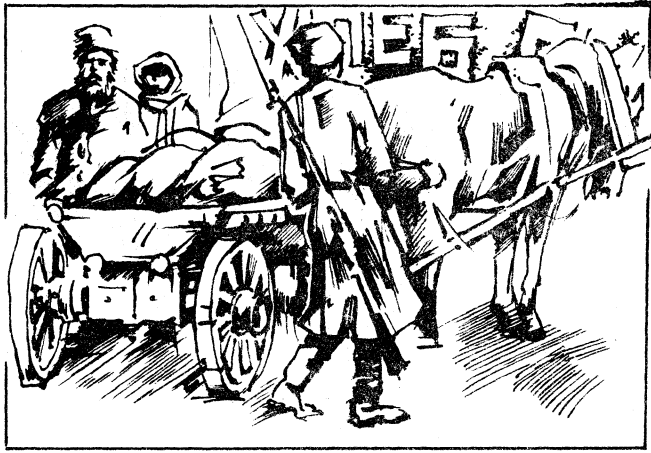
— Заходи. Ежели начальство нагрянет, ты им наглом пригрои, а то заругают... Давай бумагу!

— Какую? — не понял обросший, в сожженной на нет пинели и в казачьей папахе человек.

— Да я и не могу тебя прямо с Лениным соединить... Я только так, точками могу разговаривать...

— Давай хоть точками... Стой, вот напишу сейчас на бумаге...

На стол Ленина положили телеграмму, полученную из Рязани. Он быстро пробежал ее глазами:

«Прошу вашего срочного распоряжения о движении маршрутного поезда № 59, идущего в Наркомпрод с пшеницей со станции Акбулак Оренбургского губпродкома, который задержан в Рязани. Следование 29 суток. В продовольствии острый кризис, содействие никто не оказывает».

Ленин поставил на телеграмме два восклицательных знака, написал «Маркову», рядом — «неужели?». И чуть ниже — «Цюруне для сведения». И в скобках, в двойных скобках, слово «вернуть».

Стране нужен был хлеб. И Совет обороны 21 апреля 1920 года постановил принять особо интенсивные меры к выполнению плана снабжения республики зерном и фуражом. Требовали: «...В порядке боевого приказа в течение 24 часов по получении на местах настоящей телеграммы образовать на время вывоза хлеба из внутренних сыпных пунктов к железнодорожным станциям комиссии-тройки под личным председательством губпродкомиссара...»

«В порядке боевого приказа». И только так! Ведь над полями России гремели орудия гражданской войны. Ведь не ранее как 29 мая 1919 года Ленин в шифровке С. И. Гусеву, М. М. Лашевичу и К. К. Юреневу пишет:

«Симбирск

Реввоенсовет Востокфронта

ГУСЕВУ, ЛАШЕВИЧУ, ЮРЕНЕВУ

«...Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной. Напрягите все силы...»

Март 1920 года был в Оренбуржье вьюжным. Снег забил дороги, насытил балки, и в солнечный день можно было видеть окрест на десятки верст, глаз не останавливался ни на деревце, ни на строении каком, ни на путнике, выбравшемся в столь глубокие снега в дальнюю даль. Померкло в белом, затуманилось Оренбуржье. Лишь редкие дымки по долинам рек и речушек могли напомнить, что жизнь не замерла, идет.

Рыскали по оренбургским хуторам, деревням, аулам белоказахы банды, грабили, жгли, убивали. Именно тогда и произошло событие, глубоко взволновавшее оренбургских казаков. Задумались казаки, закружила головы новость — в Москве состоялся съезд трудовых казаков.

— Да видано ли? — дивились станционные.

— Ведь Сашка-то Дутов сказал всенародно, что Советская власть исказит всех казаков за их неповиновение...

Задумались казаки. И было о чем подумать. Вот что рассказывал мне при встрече В. Т. Обухов, Герой Советского Союза, генерал-полковник, коренной оренбургский казак, которому в прошлом пришлось работать в казачьем отделе ВЦИК:

— После разгрома Колчака и Юденича решили в феврале двадцатого созвать первый Всероссийский съезд трудовых казаков. Я тоже там был. Нас собралось 466 человек, в основном фронтовики. Доклад сделал Калинин. А первого марта Колонный зал Дома Союзов забушевал — появился Ленин. Мы бросали от избытка чувств шапки, кричали, смеялись. Но вот зал замолк, и мы услышали Владимира Ильича Ленина. Он говорил о политике Советского правительства по отношению к трудовому казачеству, о задачах, которые стоят перед страной, особо подчеркнул необходимость защиты социалистического отечества. После закрытия вечернего заседания казаки долго не расходились, окружили Ленина и забросали его вопросами. Ленин беседовал с нами просто, быстро отвечал, улыбался. В перерывах между заседаниями Ленин постоянно был среди казаков, расспрашивал их о жизни, о настроении на местах. Такое внимание вождя к нам, рядовым казакам, до глубины души взволновало... Мы даже сумели сфотографироваться с Лениным, эту фотографию я бережно храню всю жизнь.

Да, было над чем подумать оренбургским казакам. Знали, конечно, они и о приеме, который состоялся ночью с 21 на 22 сентября 1919 года в поезде «Октябрьская революция» в Оренбурге. Калинин принимал 80 офицеров, перешедших на нашу сторону из частей Оренбургской казачьей дивизии.

Наше вступление несколько затянулось, но без него нельзя представить ту обстановку, в которой родилась идея избрать Ленина и Калинина почетными красноармейцами Третьего Крепостного полка. Казаки лицом неворачивались к России, поверили в силу новой власти, в справедливость ее.

Передо мной разматывает пленку репортерский магнитофон. Слышу живой голос ушедшего из жизни человека. Эту пленку я недавно отыскал в архиве. Это голос полковника Н. И. Данилова. Помните, бойцы избрали делегацию к Ленину, чтобы вручить ему обмундирование, документы и эшелон хлеба? Так вот это тот самый Данилов.

А вот письмо А. И. Машкова. Помните, его тоже избирали...

А вот письмо П. И. Волкова. Помните? Тоже из 3-го Крепостного полка.

Итак, начнем сначала.

В декабре 1919 года 438-й Оренбургский стрелковый полк был поднят по тревоге. Судя по всему, путь предстоял долгий. Иначе зачем бы ротные командиры приказали забирать из кашеток вещмешки, для чего это к казарме подтащили сразу две полевые кухни, а там, у оружейных складов, храпели лошади, вытаскивая на узкую городскую улочку пулеметные тачанки?

— Что-то будет! — вздохнул пулеметчик Грицук, стоявший в строю рядом с командиром батальонной пулеметной команды Петром Волковым. — Не иначе, Сашка Дутов со своими дружками вновь объявился.

— Да нет, тут посерьезнее дела, — засомневался Волков, который уже слышал в штабе о том, что полку предстоит днями долгий путь. А куда — никто пока не знал.

Оглядев строй бойцов, командир полка сказал: — Мировая контра никак не может успокоиться. Война продолжается. Мы отстояли красный Оренбург, передаем его другому полку, где стоят на службе многие раненые наши товарищи, пожилые, а сами пойдем на помощь Чапаеву. В сторону Уральска...

Полк шел по заснеженным просторам Урала, безмолвный, тяжелый, позвякивая оружием, изредка вспыхивали цыгарки и, словно глаза голодной волчицы, тут же гасли. Изредка попадутся зимовки кочевников, дров-

ние мазанки, проскрипит журавель над срубом замкнутого на замок колодца...

Полк совершал трудный 120-километровый бросок к точке, определенной на командирской карте. То была деревенька Чинки, где был обещан привал, настоящий отдых бойцам. В кожаном чехле, лежавшем на одной из пулеметных тачанок, покоилось красное знамя, трижды пробитое в боях...

Оренбургский стрелковый полк был образован 15 апреля, то есть на четвертый день после того, как Ленин написал тезисы в связи с положением на Восточном фронте. Полк насчитывал в первое время 700 человек. В его распоряжении было 13 лошадей с полной упряжью, несколько телег и экипажей, медицинские принадлежности и денежные средства.

«Красный май» — так называют ветераны полка май 1919 года. На Восточном фронте решалась судьба революции. Волнующую страничку в эту эпопею вписал и Оренбургский стрелковый полк.

Особенно жестокой была схватка под Меновым Двором, буквально на пороге Оренбурга. Белоказаки теснили бойцов, напхали, жили уже тем вечерним часом, когда должны были ужинать в казачьем форштадте города. Полк не позволил дутовцам войти в город. 300 красных орлов революции легли в сражении.

13 мая белоказаки решили взять город в районе железнодорожного моста через Урал. Красноармейцы разгадали замысел противника и решили сжечь мост. Вспыхнули доски, облитые керосином, рванулось чадное пламя, и мост, некогда гордость Оренбурга, остался стоять на свежем ветру, словно скелет чудовищного животного. Теперь противнику здесь не пройти. Но разведка вскоре сообщила о том, что казаки начали подвозить доски и бревна и делать настил. Штаб принимает смелое решение — бить в лоб. 22 мая 1919 года батальоны ринулись в атаку, ошеломив белоказачков этой дерзостью. Артиллерия перенесла огонь в расположение огневых точек белоказачков, пулеметчики прижали противника к земле, не давая ему поднять головы.

Ветеран полка А. И. Машков вспоминает:

— В конце 1919 года по приказу командования наш полк выступил в направлении Уральска для помощи Чапаевской дивизии. В метель и холод за два дня мы прошли 120 километров. В деревне Чинки остановились на отдых. Тут прошло совещание, где мы узнали, что обстановка изменилась и помощь чапаевцам не требуется. Но мы время даром не теряли, каждый из нас стал агитатором. Агитатором за Советскую власть. Мы разъясняли крестьянам цели и задачи борьбы за Советскую власть, рассказывали о Ленине. Это сблизало нас с населением. И тут родилось решение собрать хлеб для голодающих рабочих Москвы, Петрограда и других городов России.

Итак, деревня Чинки. Декабрьский полдень. Пронизывающий ветер развеивает алое, трижды простреленное знамя полка. У деревни, там, где летом был выгон для скота, выстроился личный состав полка. Впереди, на мощном коне — командир. Выждав, когда собравшиеся селяне успокоятся, он громко произнес:

— Прошу внимания, товарищи! Возвращаясь в Оренбург, командование решило обратиться к вам с просьбой передать лишний хлеб рабочим. Хлеб в Чинках и близлежащих деревнях имеется в большом количестве. Вы скармливаете его свиньям, перегоняете на самогон. А рабочий класс Москвы, Питера не получает иной день осмушки хлеба...

— Ишь чего захотел... раздался чей-то скрипучий голосок.

— Мы можем отдать лишний хлеб, — перебили старшину, — но ведь его надо вывезти...

— У крестьян хлеб заберете, а вот зажиточные наверх хлеба-то не отдадут — они попрятали его.

— Отыщем!

— Я тебе отыщу! Только подойди к моей хате, вилами заперю.

— Ничего не сделаешь, я знаю, куда ты пшеницу осенью свез...

И снова командир полка привстал на стременах:
— Хлеб будем брать за деньги!

— Не надоть твоих денег. Я дарю десять мешков пшеницы на день рождения Ильича, — вышел вперед старичок в лисьем малахае. — Идемте ко мне в хату и берите хлебушек...

— Каждый давал сколько мог, — вспоминает А. И. Машков. — Кто мешок, кто три... Зерно свозили на полковых лошадях к железной дороге.

Через две недели загрохотал в оренбургской ночи поезд — хлебный подарок столице.

Оренбургский пролетариат спасал от голода революционную Россию. Как руководство к действию восприняли оренбуржцы телеграмму, подписанную Лениным и Цюрупой, направленную в Оренбург 30 сентября 1919 года. В этом году удался неплохой урожай, и в губернии создавалась реальная возможность увеличить отправку хлеба в центр страны. И в этой телеграмме говорилось: «Москва, Петроград, рабочие центры задыхаются от голода, армия переживает жестокий продовольственный кризис, связывающий ее и тормозящий ее операции. Губернии производящие обязаны изъять излишки у производителей, сжав до последней степени внутреннее потребление, обеспечить в кратчайший срок голодных хлебом».

Ленинская телеграмма была отпечатана в местной газете «Коммунар», издана отдельной листовкой и отправлена во все райпродкомы.

11 октября 1919 года газета «Правда» сообщала, что «сыска хлеба в Оренбургской губернии значительно увеличилась. Население охотно сдает хлеб на сыпные пункты».

История сохранила эти факты. Например, крестьяне Нижней Павловки вывезли 10 230 пудов хлеба, станицы Кардаилловской — 1065 пудов. Казаки станицы Демократической Орского уезда собрали для рабочих и моряков Кронштадта 2 тысячи пудов пшеницы.

Осенью 1919 года по дорогам Оренбуржья прошли миллионы подвод, запряженных лошадьми, быками, верблюдами. Из Оренбурга, Акбулака, Сары, Новосергиевки и других станций к Центру уходили один за другим тяжело груженные составы. 21 ноября «Правда» отмечала: «Оренбург. В первые десять дней ноября в сыпных пунктах губпродкома сыпано пшеницы 245 650 пудов, ржи — 15 711, овса — 2235, ячменя — 14 746, дроса — 38 823, муки — 38 573, пшеница — 5183. Отправлено пшеницы Наркомпроду в Москву 48 500 пудов, Петрокомпроду — 61 200, в Вологод — 800 пудов».

По просьбе Оренбургского губкома РКП(б) Ленин

и Цюруна выделили губпродкому грузовые автомашины для ускорения вывозки хлеба к железнодорожным станциям. К 25 декабря 1919 года в губернии было заготовлено 2,5 миллиона пудов хлеба. Более 818 тысяч пудов было отправлено эшелонами в промышленные города страны, в адрес Красной Армии.

Активно шла заготовка хлеба и в начале 1920 года, в тот период, о котором мы рассказываем в этом очерке. В феврале — марте 1920 года в губернии прошла неделя хлеба и фуража, в течение которой было заготовлено 914 тысяч пудов хлеба.

И как награда за этот подвиг было приветствие Ленина, направленное в Оренбург зимой 1920 года. 10 января 1920 года в Оренбурге состоялось городское собрание, посвященное итогам работы VII Всероссийского съезда Советов. В начале собрания председатель губпродкома делегат съезда И. Д. Мартынов передал личное приветствие Ленина оренбургскому пролетариату.

А. И. Машков рассказывает:

— И вот мы в пути. Провожали нас с музыкой, папужетвицами. Каждый знал, что мы едем не в обыкновенную поездку, а к Ленину. Дорога была нелегкой, бушевали маргзовские бураны, путь заносило снегом. В голове эшелона — платформы с пшеницей. Самарский элеватор пшеницу заменил на муку.

И вот мы в Москве. Ночевали в эшелоне. Утром Данилов позвонил товарищу Дзержинскому и сообщил о прибытии эшелона с хлебом и о том, что мы желаем вручить документы почетным красноармейцам. Дзержинский на вокзал приехал лично, на автомобиле. Мы и поехали в Кремль. Настроение у всех было праздничное. Я держал на коленях заветный сверток с обмундированием для Ленина.

Дзержинский представил нас коменданту Кремля товарищу Малькову, который провел нас на третий этаж в приемный зал. Там нас усадили на диваны, попросили подождать. Здесь же сидели две группы ходяков. Бойко, увидев ходяков, приветствовал:

— Пожалуй, тут мы просидим до вечера. Большая очередь!

Данилов подбадривает:

— Ничего, почитай месяц ехали, дождемся!

В дверях покачалась Л. А. Фотиева — секретарь Владимира Ильича, спрашивает о нашем руководителе делегации. Данилов выстул вперед, подал документы.

— Можно ли нам побыстрее Ленина увидеть? — вставил свое слово нетерпеливый Бойко. Фотиева улыбнулась и снова скрылась за дверью. Через минуту вышла и обратилась к ходякам:

— Товарищи, Владимир Ильич обязательно примет всех, но в первую очередь к нему пройдут военные товарищи с фронта.

Нас она предупредила:

— В вашем распоряжении пять-семь минут, укладывайтесь, пожалуйста, он очень занят и болен.

Когда мы вошли в кабинет, Владимир Ильич сидел за письменным столом, просматривая бумаги. Он встал, быстро подошел к нам, приветливо поздоровался, энергично, обеими руками пожал каждому из нас руку. Стал пододвигать нам венские стулья в белых чехлах. Мы опешили: как же сядем на мистые чехлы в своем одеянии? Тут он осторожно дотронулся до моего плеча (я стоял к нему ближе) и сказал:

— Садитесь, садитесь, товарищи, не стесняйтесь!

Самой сел напротив и приготовился слушать.

П. И. Волков:

— Наш руководитель П. И. Данилов вручил Ильичу удостоверение. На это Ленин сказал, что очень радуется такой чести. Началась беседа. Владимир Ильич задавал краткие и ясные вопросы о положении в Оренбурге, мы отвечали. Потом Ленин обратился ко мне и спросил, что меня заставило защищать русскую революцию. Я растерялся, но ответил, что я такой же бедняк, как и те, что рядом со мной, и что дело у нас общее.

— Это правильно, дорогой товарищ! — сказал вождь.

Ленин поинтересовался, какое настроение у бойцов полка, в чем они нуждаются. Мы могли говорить прямо и честно, даже о своих нуждах. У меня осталось большое впечатление от встречи с Лениным. Он викиал во все, чем жила страна, что делалось на фронтах, но не забывал о нуждах простого человека.

Ленин стал задавать вопросы, а мы впятером еле успевали ему отвечать. Время бежало исключительно быстро. Я глянул на часы — прошло уже 10 минут. Я поднялся со стула, но Владимир Ильич жестом приказал мне сесть. Беседа продолжалась. Он интересовался настроением красноармейцев, командиров, рабочих, крестьян; как с питанием, одеждой, обувью, сколько времени заняла дорога, много ли потеряли хлеба в пути и т. д.

Я посмотрел на часы и увидел, что прошло 15 минут. В это время дверь приоткрылась и появилась товарищ Фотиева. Я вскочил и заявил:

— Владимир Ильич, мы израсходовали времени в три раза больше, и это не порядок. Мы любим дисциплину!

Ленин улыбнулся и сказал:

— Вот видите, я говорил, что вопросов много и все интересные. Но что делать, коль время истекло. У меня к вам последний вопрос — кто из какой местности?

Н. И. Данилов:

— Когда мы сказали, кто из какой местности — один с Украины, другой — волжанин, Волков-Франц из Югославии, Ленин оживился:

— Ну, у вас почти полный интернационал. Передайте привет и лучшие пожелания красноармейцам, командирам, рабочим, работницам, крестьянам и скажите им: Советская власть растет и крепнет, победа будет за нами!

П. И. Волков:

— Я скажлив, что наш полк и все мы, делегаты к Ленину, оправдали высокую честь быть ленинскими однополчанами. Полк закончил свой победный путь на польском фронте, где проявил большой героизм. В его рядах я дошел до Вислы. Там получил ранение, меня отправили в лазарет. После лазарета меня послали в отдельный Владимирский эскадрон. С эскадроном я отправился воевать против Врангеля, но в Кременчуге узнал, что врангелевского фронта уже не существует. Воевал с бандами Хмары, стал командиром эскадрона, а в 1921 году вновь вернулся в Оренбург.

А. И. Машков:

— Пробыли мы в Москве месяц. Получили обмундирование, целый вагон литературы для полка, махорку, карманные часы для награжденных отличившихся в боях. Читателя, видимо, интересует судьба действующих лиц этого повествования. Недавно умер в Москве полковник Н. И. Данилов, в Казахстане на станции Чинли проживает Петр Иванович Волков, Андрей Иванович Машков — в городе Соль-Илецке Оренбургской области. К сожалению, нам не удалось пока выяснить дальнейшую судьбу командира взвода Бойко. Поиск продолжается.

...Зеленая прибрежная зона реки Сакмары. Покой и тишина. Рядом — крупный индустриальный центр Южного Урала, столица российской житницы город Оренбург. Мы не спеша идем по заросшим тропкам Караваевой рощи. Здесь, на высоком берегу Сакмары, рядом с бывшим деревообрабатывающим заводом «Орлес» в 1924 году рабочие возвели памятник товарищам, павшим в боях против белоказахских войск атамана Дутова и Колчака. На одной из плит именован 54 герой гражданской войны. И среди них — имя почетного красноармейца Оренбургского рабочего полка Владимира Ильича Ленина...

«Помериться В науках Горных...»

Нина
ШИРОКОВА

«Съехались со всех концов Урала добры молодцы да девицы красивые — помериться умом-силою в науках горных. Выстроились они на поляне перед «царем-батюшкой» — начальником штаба — да и другими судьями, все нарядные, при параде: кто в костюмах цвета изумрудного, у кого одежда, как рубин, красная, а у иных, как малахит, зеленая... И молвил начальник штаба громким голосом о делах ратных и достойных, и поднялся лазоревый флаг над царством геологическим, объявлено было о начале соревнований трудных. Разложили юные геологи клады свои несметные да труды писанные...»

Так рассказали ребята из Алапаевска в своей стенной газете об открытии V Всеуральского слета юных геологов, который проходил нынче в августе на территории пионерского лагеря «Искорка» в Верхней Сысерти под Свердловском. Говоря их сказочным языком, «и допустили добры молодцы алапаевские маленькую ошибку»... Не только со всего Урала съехались отряды, — приняли участие в этом слете семь гостевых команд: из Туркмении, Таджикистана, Армении, Башкирии, Украины, послали свои отряды города Куйбышев и Тюмень.

Слет был посвящен 60-летию образования СССР. Геологи-наставники из других республик и краев воспользовались приглашением, чтобы «обкатать» свои команды, познакомиться с правилами соревнований. Они были допущены к участию во всех

зачетных видах, к состязаниям на личное первенство, так же награждались призами и грамотами, получили от уральцев памятные подарки; только их общекомандные места не учитывались в финальных результатах.

Программа слета включала защиту полевых материалов по экспедициям 1981—1982 гг., геологические отрядные выставки и шесть видов конкурсных соревнований: геологический маршрут, радиометрические наблюдения, шлиховое опробование, экзамен по минералогии и петрографии, геологический разрез и гидрогеология.

Победителем V Всеуральского слета юных геологов стала юношеская партия Дома пионеров города Первоуральска (геолог-наставник и руководитель Николай Алексеевич Мамин). Этот отряд, сменивший уже не одно поколение и сделавший своим девизом слова академика Ферсмана «Не игра в труд, а труд!», известен на Урале давно — своими многопоисковыми работами на золото, геоботаническими исследованиями, на его счету также два месторождения олигоценовых руд.

Как всегда, на слете не обошлось без сенсаций. Нынче одной из них стал пьомонит, обнаруженный в районе реки Чауж юношеской геологической партией клуба «Полюс» из Нижнего Тагила. Это красивый поделочный камень, соединивший в своем рисунке пятнистость ишмы, заревой цвет орлеца и крапчатость гранита.

Своей находкой поразил всех и отряд юных геологов из города Копейска Челябинской области. На старых терриконах шахты «Капитальная» ими найден редкий минерал нашатырь. Он образуется в местах подземных пожаров, вулканической деятельности. Известны проявления этого вторичного минерала на Камчатке, в Монголии. У нас в стране нашатырь впервые был обнаружен в 1977 году, тоже юным геологом, ныне студентом горного института Александром Безумовым, — обнаружен в виде корочек. Находили нашатырь и в мельчайших кристаллах — до 2—3 миллиметров. Нашатырь в крупных кристаллах, до 4,5-сантиметра, найденный ребятами из Копейска, в СССР обнаружен впервые.

Обе заявки поданы в комиссию по делам первооткрывателей.

Солидны находки юных геологов. Значительны бывают открытые ими месторождения. Яростны споры, которые затевают ребята на защите своих полевых материалов. Но при всем при том эти маленькие люди, ведущие такую серьезную работу, остаются детьми. И на слете все было продумано, чтобы дать ребятам отдохнуть после трудных соревнований, карт, графиков, нелегкого пути в маршруте.

Как ребята пели песни, играли в «ручеек» у прощального костра!.. И, наверное, редко увидишь такую «чехарду»: на спине у какого-то уральца записывает в блокноте адрес нового друга юный геолог из Башкирии, а у того на спине построился армянский мальчишка, а еще выше пишет девочка с Украины... Светят фонарики, строчат шариковые ручки, из рук в руки передаются адреса...

Когда-то вот так же обменялись адресами Батыр Юзбашев из Туркмении и Валера Масленников из Нижнего Тагила. Было это много лет назад. Погиб на Кольском полуострове бывший юный геолог Батырка... А друзья его остались: в мраморную плиту на могиле молодого геолога в Ашхабаде вкрапляются все новые и новые минералы — их присылают, привозят со всех концов Союза те, кто подружился с Батыром Юзбашевым. И Валерий Масленников придумал для своего сына имя — Батыр...

Это дружба на все времена.

Места победителей после первоуральской партии распределились так: юношеская геологическая партия Свердловского Дворца пионеров (руководитель Г. С. Черноскутова), ЮГП клуба «Полюс» Нижнего Тагила (руководитель С. Г. Карякин), ЮГП Калининского Дома пионеров Челябинска (руководитель Т. И. Питолина) и пятое место — ЮГП школы № 8 города Североуральска (руководитель Н. А. Гуцина).

Пятидесяти четырем ребятам из Свердловской, Челябинской, Пермской и Курганской областей вручен значок «Юный геолог Урала», а восемнадцати — знак «Юный геолог СССР». Владение этим знаком дает преимущество при поступлении в горные вузы страны.

СЕРПАСТЫЙ, МОЛОТКАСТЫЙ!

Казимир
ТРИФОНОВ

начальник паспортного отдела УВД
Свердловского облисполкома

Тебе шестнадцать. Ты — самостоятельный человек. И свидетельство твоей гражданской зрелости — паспорт. Тоненькая алая книжница, «серпастая, молоткастая».

Советский паспорт — именинник.
Ему — пятьдесят!

Слово «паспорт» стало международным. Оно произошло от слияния французских слов «пассэ» — проходить и «порт» — гавань. Паспорт первоначально означал разрешение на выход морскому судну. Потом — и на выезд человеку с места жительства.

В России в XVI—XVII веках паспорта контролировали выезд подданных за границу и назывались проезжей грамотой. В дальнейшем — с установлением налогов, рекрутской повинности — ввелись ограничения в передвижении людей и внутри империи. Петр I установил правило, что никто не может отлучиться от места своего жительства без письменного свидетельства: «Чтоб никто никуда без паспортов или проезжих и прохожих писем не ездили и не ходили, но каждый бы имел от начальников своих паспорт или пропускное письмо». Задержанных без паспортов брали под стражу, проверяли, жестоко наказывали и либо возвращали помещику, либо как бродяг ссылали в Сибирь. Вот, например, какой паспорт был выдан в 1772 году Е. И. Пугачеву, направленному на жительство в Симбирскую провинцию: «Объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собою при Добрянском форпосте, веры раскольнической, Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию его для житья определен в Казанскую губернию в Симбирскую провинцию к реке Ир-гизу, которому по тракту чинить свободный пропуск, обид, налога и притеснений не чинить и давать квартиры по указам, а по прибытию ему явиться с сим паспортом в Казанскую губернию в Симбирскую провинциальную канцелярию. Тако же следучи и в прочих провинциальных и городских канцеляриях являться. Праздно же оному нигде не жить и никому не держать, кроме законной его нужды».

Вообще паспорта выдавались разные, в зависимости от положения в обществе. Главы «Устава о паспортах» так и назывались: о паспортах для дворян, о паспортах для мещан, о паспортах для лиц духовного сословия. Дворянам, купцам, почетным гражданам бессрочные паспорта выдавались полицией; чиновникам, офицерам, духовенству — начальниками по месту службы; ра-

бочим паспорта выдавались полицией на определенный срок; крепостные крестьяне жили без паспортов, а при временной отлучке с места постоянного проживания виды на жительство им выдавали сами помещики.

Например, А. С. Пушкин в доверенности от 20 ноября 1834 года писал помещику Пеньковскому, управляющему Болдинским поместьем: «Крестьян от обид и притеснений защищать, для работ и промыслов по Вашему рассуждению отпускать с законными видами, а также и дворовых отпускать по паспортам с наложением оброка».

С крестьянскими паспортами запрещалось проживать в столицах (Петербурге и Москве). Евреям запрещалось постоянное проживание за чертою оседлости. Жена записывалась в паспорт мужа, неженатые (незамужние) дети — отца. Самостоятельные документы они могли получить только с разрешения мужа, отца.

Максим Горький в книге «Литературные портреты» рассказывал интересный случай из жизни крестьянского сына литератора Агафонова. Отец разрешил ему выехать в город с условием выплаты 10 рублей в месяц. Агафонов заболел и не мог посылать денег. Отец через полицию потребовал сына домой и выпорол розгами. Когда тот стал снова проситься в город, он обложил его оброком 15 рублей в месяц. Агафонов снова задолжал, и вот приезжает мужичок из родной деревни, подает сверток с розгами и письмо отца: «Вот тебе паспорт. Если не заплатишь 60 рублей, вытребую домой прежним порядком, и этот паспорт будет прописан по твоей спине».

...Стремясь усилить борьбу с нараставшим революционным движением, царское правительство после 1903 года Уставом о паспортах обязывало прописку при всяком перемещении.

Это, конечно, хорошо помогало охране преследовать большевиков. Руководящие органы партии и сам Ленин многие годы находились за границей. Для поездок большевики пользовались фиктивными паспортами. Например, В. И. Ленин, кроме своего паспорта, в разное время проживал по болгарскому на имя Иордана Иорданова, германскому — на Эрвина Вейкова, финскому — на имя доктора Фрея, по удостоверению на сестрорецкого рабочего Константина Иванова. Крупская также проживала по паспортам на имя Марицы Иордановой, Прасковьи Онегиной, по удостоверению на имя Агафьи Атамановой.

В. И. Ленин в одной из своих

статей писал: «Все оказалось негодным... с тех пор, как революционное движение настоящим образом проникло в народ и неразрывно связалось с классовым движением рабочих масс,— все, начиная от требования прописки паспортов и кончая военными судами... Поистине полное банкротство полицейского порядка!»

После победы революции одним из первых был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 24 ноября 1917 года. В нем говорилось: «Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно все гражданские чины упраздняются... Устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики».

В дальнейшем был издан декрет, которым отменяли прежние паспорта. Вместо них вводилось удостоверение личности, выдаваемое по желанию. Но позже обнаружились трудности. Маршал Советского Союза Мерецков, который в 1922 году работал в рабоче-крестьянской милиции, писал: «В условиях острой классовой борьбы отсутствие документа, свидетельствующего личность, казалось мне фактором, помогающим нашим недругам. Беспаспортная система себя не оправдала. На местах это чувствовали очень остро и принимали свои меры... Одни сотрудники милиции вводили легитимационные свидетельства, фактически являвшиеся паспортами. Другие пытались наладить гражданский учет на основе до-reволюционных паспортов, на основе трудовой книжки. А в общем царил неразбериха, что было на руку только антисоветским элементам». С образованием Союза Советских Социалистических Республик особенно остро чувствовалась необходимость единых паспортных правил взамен республиканских.

И вот в 1932 году издается постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». Первые советские паспорта выдавались в 1933 году.

Оттремела война. Великая, горькая... Благодаря паспорту сотни тысяч родных и знакомых смогли найти после разлуки, потерь адреса, восстановить связь. Правительство СССР поручило милиции учет детей, оставшихся без родителей, и розыск граждан по заявлениям родственников. Он осуществляется поныне. Только адресное бюро Свердловской области, например, ежедневно выдает более тысячи справок об адресах.

Со временем, однако, некоторые паспортные правила перестали соответствовать экономическому и политическому развитию страны, пришли

в противоречие с демократическими преобразованиями. Создавало трудности то, что для селян в отличие от горожан существовали особые паспортные правила. Слишком короткими по времени были сроки действия паспорта, наконец, в нем отсутствовала запись о советском гражданстве.

В 1974 году Советом Министров СССР утверждено «Положение о паспортной системе в СССР», которое действует и сейчас. Введен новый образец паспорта — бессрочный, установлены единые правила прописки. В новом паспорте впервые указано о советском гражданстве его владельца. Теперь главный документ гражданина страны вручается торжественно, чем воспитывается, особенно у молодежи, чувство советского патриотизма, гордости за Родину, личная ответственность перед обществом.

Дорожите паспортом! Он — гордое, надежное свидетельство зрелости. Зрелости гражданской, личной, человеческой.

НАЗАРИХА

Василий
АНПИЛОВ

Рисунки
С. Сухова

Из конюшни тянет запахом сена и дегтя. Коных, дед Свирид, держа в зубах трубку, чистит Орлика, тот острит уши, вскидывает голову, ржет, рвется к другим коням, которые стоят в соседних стойлах.

Вдоль прохода конюшни — обтесанные четырехгранные столбы. В столбы заколочены железные штыри, а на штырях висят хомуты, шлеи, седелки с ремнями и широкими пряжками, дуги, свернутые в жгуты ременные вожжи с баранчиками, кнуты.

На этих же столбах, повыше штырей, прибиты таблички с кличками. У каждого коня своя сбруя, своя кличка...

Бригадир Ехимок предложил мне в летние каникулы взять воду на Орлике. И вот я стою у распахнутых ворот, жду бригадира. Без него мне Орлика никто, конечно, не даст.

А вот и бригадир. Поздоровался за руку — и в сарай. Вывел под уздцы брюхатую рыжую кобылицу, кивнул мне:

— Давай!

— Кому это?

— Тебе, кому же еще! — пояснил бригадир, заводя лошадь в оглобли.

— Вы ж обещали Орлика.

— Я и Назариху не всякому доверяю.

— На кой мне ваша Назариха!.. Давайте какую-нибудь, но только не ее.

— Ты нос шибко не задирай! — одернул бригадир. — Назариха, милый мой, все стежки-дорожки выходила. Подвиг сотворила... Как-нибудь я тебе расскажу. А пока — поезжай скорее к амбару. Там кухарка ждет. Повезешь ее на табор. Учетчик растолкует, что надо делать...

Я сел на телегу, дернул вожжи, взмахнул хвостом. Назариха поплелась еле-еле, опустив голову чуть не до земли. Обманул Ехимок, вместо Орлика черепаху подсунул.

Всю дорогу я оглядывался. Увидят ребята, поднимут на смех — на такой кобыле только мертвяков возить...

У амбара тетя Стеня, немая кухарка, узлы караулила. Мы погрузились, двинулись в поле. Назариха шла медленно, пылила растоптанными копытами, сорила без зазрения совести.

Несколько раз я хотел хлестнуть ее как следует, но тети Стени стеснялся...

Табор, куда мы приехали, находился возле Старцева леса.

У кряжистого дуба, росшего на просторе, стоял голубой фургон на колесах. Рядом с ним — бочка, а еще дальше, к лесу, на кирпичках — большой закопченный котел.

Я выпряг Назариху, пустил на зеленую лужайку между лесом и полем. Назариха пастись не хотела, возле поварихи отиралась. Тетя Стеня ей что-то в ведерке подсунула. Очистки, наверное.

Назариха опорожнила ведерко, стояла довольная, шевелила губами.

Из фургона вышел, улыбаясь, дядя Гриша, сосед наш. Нагнулся, провел ладонью по моим вихрам.

— Запрягай, Васек. Водичка нужна. Только будь осторожен, не шлепнись в колодец... Возле него лужи кругом, скользко...

Назариха крутила головой, боялась, наверное, что я не той стороной хомут начну надевать.

А мне давно известно, что хомут надо клешнями вверх надевать, чтобы голова лучше в дырку пролезла, а потом перевертывать. Хватаю оглоблю, поддеваю гужом, толкаю конец дуги с вырезом в петлю гужа, перекидываю таким образом, чтобы колечко на дуге было со стороны хвоста...

Дядя Гриша и тетя Стеня наблюдают за моими действиями, переглядываются. Одобряют!

Колодец

Лесная дорога вся в колдобинах. Желудей старых, почерневших насыпано — под колесами хрустят. Ведерко, подвешенное на конец оглобли и привязанное ремненным поводком, дребезжит, аж в ушах больно.

Бочка подпрыгивает на водомоинах, того и гляди меня сбросит. Хомут слезает к ушам Назарихи, кудлатит гриву. Назариха дерет голову, чтобы хомутом не сдавливало горло, упруго переставляет мосластые, в наростах, кривые ноги.

Колодец — под горкой, сруб замшелый, зеленый снизу.

Назариха сдала назад, как раз бочку впритык к срубам подкатила. Колеса в грязь залезли. Глянул в колодец — вода близко, небо голубое отсвечивает.

Отвязал я чересседельник, зацепил один конец за дужку ведра. По ладоням скользнул ремешок, ведерко плюхнулось на воду, звякнуло, легло набок. Вода зарыбила, заплескалась.

Перехватывая ремешок, я дотянул до верхней кладки ведерко, схватил за скользкую дужку. Часть воды хлынула через край, забулькала в колодец.

Услышав привычный звук, Назариха прерывисто заржала и повернула голову в мою сторону.

По старшинству ей полагалось пить первой.

Обхватив ведерко руками, я поднес его — Назариха, нетерпеливо покряхтывая, обмакнула губы. Продолговатая голова ее все глубже и глубже лезла в ведерко.

Звякнули колечки недоуздка в ведре. Назариха тряхнула головой, фыркнула, отчего во все стороны полетели брызги. Настуженные челюсти со скрипом двигались, капельки влаги падали с губ.

Я выплеснул остатки воды лошади на спину, вспугнув целый рой мух и слепней. Мокрая шерсть слиплась, залоснилась, блеснув на солнце слюдянистой пленкой.

Я тоже попил, и сразу есть захотелось. Не подумал утром сунуть в карман горбушку, спешил, боялся, что Ехимок пошлет водовозом кого-нибудь другого.

Назариха задними ногами, то одной, то другой, отгоняла надоедливых слепней, дергала бочку. Струя воды из ведра проливалась мимо отверстия, переполняла лужи, из которых пили осы и пчелы.

— Стой! Закусали тебя! — кричал я на Назариху и вытирал рубахой пот с лица.

Семьдесят семь потов сошло, покамест вода дошла до края, обмывая поцарапанную ветками клепку и порыжевшие от ржавчины обручи.

«Как же теперь в гору забраться? Эх, сюда бы Орлика, — подумал я. — Он бы мигом вымчал наверх. А Назариха попытит».

Вся надежда на хорошую палку. Выломал в кустах длинный хлыст, обломал сучки, рубанул по воздуху — свистит, как острая шашка. Я обошел вокруг телеги, проверил чоп, гайки на осях, супонь, потрогал гужи. Выдержат ли подъем в гору?

Отвязал конец вожжей от сруба, только раскрыл рот, чтобы гаркнуть, как Назариха преспокойно выдернула колеса из грязи и без особой натуги потащила бочку в гору, легко взяла разгон, и я еле успевал бежать вслед, подбирая концы вожжей, чтобы они не путались под ногами.

Назариха тяжело дышала, искоса поглядывала на меня, державшего длинную палку. Мне стало жалко ее. Я подналег плечами на бочку, изо всех сил уперся. Ободренная Назариха, почувствовав хоть маленькую, но подмогу, веселее застучала копытами, напряглась так, что жилы под кожей выступили синими веревками.

Возле котла Назариха вдруг остановилась, легонько заржала, закивала головой: не то мух отгоняла, не то повариху приглашала брать воду.

Тетя Стеня подбежала и, распатав чоп, подставила эмалированное ведерко. Струя пальнула в звонкое дно, ведерко жалобно застонало.

Наполнив котел, тетя Стеня сунула что-то вкусное в рот Назарихе, кивнула мне: «Поезжай».

Подошел дядя Гриша, спросил, как самочувствие. Я ответил, что все в норме.

— Молодец! — похвалил дядя Гриша. — Быстро налил. Поезжай на Роговое поле. Там Ледачонок работает. Трактор у него старый, радиатор худой, обеспечь его водичей. Захвати кружку, баб напоить мимоходом. Да гляди, в овраг не свались. Там дорога по-над обрывом тянется...

— Ладно! — крикнул я, цепляя на гвоздик медную, позеленевшую кружку, дернул вожжи:

— Но-о, малышка!

Назариха встрепенулась, хлестнула хвостом меня по лицу, покатила бочку по степной, заросшей травой дороге.

Солнце так прилекало, что до обручей бочки невозможно было дотронуться. Из-под ног Назарихи прыгали во все стороны большие и маленькие кузнечики, словно их из рогатки выстреливали.

Выпорхнул жаворонок, затрепыхал крылышками-клинышками, завенел сверху, как школьный звонок. Запрокинув голову, я щурился от ярких лучей и наблюдал, как жаворонок, словно на веревочке, рывками взмывал в небо и вскоре скрылся из виду.

Свекловичное поле парило, нагретый воздух струился прозрачным дымком, и казалось, будто это не земля, а расстеленное для просушки мокрое одеяло, выстроченное зелеными рядками.

Бабы тяпками рубили сорняки, рыхлили почву, обирали вокруг стебельков крупные камешки, удаляли лишние росточки. И все это быстро, ловко, проворно, как только умеют крестьянские руки.

Назариха остановилась, крутнула головой, заржала. Что это с ней? Уж не перегрелась ли?

И тут, побросав тяпки, бабы понахватали из своих узлов бутылки, бидончики, кувшины, кружки, налетели, как сороки, окружили бочку, зататорили:

— Дай сюда кружку!

— Не толкайся!

— Посторонись, Кулина, — пироги тулила!

— Ой, бабы, дайте в горле промочить, а то сохну!

— Меньше селедок трескай!

Изморенные духотой и палящим зноем, бабы черпали кружками воду из квадратного отверстия, пили, передохнув, снова тянулись к кружке, плескали друг дружке в лицо, взвизгивали.

На загорелых до черноты шеях поблескивали бусы. Из-под белых, куреньком надвинутых на глаза косынок сверкали разноцветные, яркие, как ночные звездочки, сережки.

Утолив жажду, бабы принялись изучать меня.

— Бабы, а чей это?

— Мотри Бесовой сынок, аль не узнала? Нос-то курносый, ее нос.

— А-а! Гляди, большой какой выбухал. Подмога матери. Мотря без мужика троих вынянчила.

— Спасибо тебе, детенок, ублажил, холодняком упоил...

— Ехимок слово сполнил, водовоза молоденького выбрал.

Бабы, досыта напившись, обступили Назариху, обнимали за шею, гриву расчесывали, ласкали словами:

— Умница.

— Она все понимает, только говорить не может.

— Сроду не минет, остановится, покличет.

— Сколь годков поит.

— Вроде бы на птичник ее ладют...

— Пуцай попробуют замену найти.

— Такой трудяги нигде больше нет.

— Закаленная, как русская баба!

— Ха-ха-ха!

«Куда тебе, знаменитость! — неможко завидовал я Назарихе. — Подумаешь, подвиг сотворила, воду привезла. А кто наливал, плечом подталкивал?..»

Дорога обогнула обрыв, повела к вершине большой лощины. Показались заросли глета-боярышницы вдоль овражка. Где-то здесь, в зарослях, должна стоять железная бочка, куда надо сливать воду.

Я соскочил с бочки, раздвинул ветки и увидел на противоположной стороне лесопосадки, в тени под рослым кленом, дядю Сеню Ледачонок. Он стоял возле трактора и возился с какой-то железкой. Руки и лицо его были в мазуте, брюки лоснились, как хромовые, кепка еле держалась на макушке, а выгоревший русый чуб шевелился от легкого ветерка.

— Здравствуй, дядя Сеня! — приветливо поздоровался я, соскакивая с бочки. — Водички вам привез.

— Водичка нужна! — оживился Ледачонок. —

А то в моей бочке уже ничего не осталось.

— Вот вам холоднячок! — сказал я и поднес полную кружку воды. Ледачонок сорвал несколько зеленых листочков орешника, обернул кружку, чтобы не испачкать мазутом, пил крупными глотками, вода струйками скатывалась по уголкам рта.

— Хоро-оша! — сказал Ледачонок, возвращая кружку. — В Старцеве брал?

— Ага.

— То-то холодна! Нигде, наверное, в мире нет такой сладкой водички, как в нашем лесном колодце... А? Все время будешь возить или только сегодня?

— Еще не знаю, — ответил я.

Дядя Сеня подошел к Назарихе и, улыбаясь, сказал:

— Ну что, голубушка, подморилась? Ты, наверное, чутьем чуешь, когда трактор самоварит и холодной воды требует... А?

Открыв чоп, я отлил немного чистой воды в бидончик для дяди Сени, подвесил его на сучок в тени. Остальную воду выпустил всю до капли в железную бочку.

Дядя Сеня взял мятое ведро, зачерпнул, понес к трактору.

Накинув мокрую тряпку, чтобы не пекло руки, Ледачонок отвернул пробку радиатора и, подняв ведро, залил радужную воду в горловину бурлящего радиатора.

— Оставайся насовсем на таборе, — промолвил дядя Сеня, завинчивая пробку. — У нас тут хорошо... Трактор водить тебя обучим... А?

«Оно бы все ничего, — думал я, — да только неповоротлива Назариха. Если бы Орлика дали — другое дело».

Тетя Стеня

Проголодавшись, Назариха щипала траву на полянке.

Мне тоже хотелось есть, поэтому я помогал кухарке, чтобы она скорее стряпала обед. Притащил сухих веток, накидал в костер. Пламя косматыми языками лизало засмоленный кашеварник. Вода в котле булькала, пузырилась, выплескивалась на огонь, шипела. Ветерок подхватывал белые пушинки пепла, развеивал по траве, словно снежную порошу. Дыму почти не было. Вместо него колыхался над костром нагретый фиолетовый воздух да вздымался столб зыбкого пара.

Тетя Стеня насыпала из белой полотняной сумки пшено в эмалированный таз, залила водой, принялась тереть руками желтоватые крупинки. Вода тотчас сделалась серой, мутной, наверх всплыли шелушинки, золотистая россыпь необтрусенного проса. Тетя Стеня несколько раз сменила воду и только после этого опрокинула пшено в котел, выскребла ложкой прилипшие крупинки.

Попав в крутой кипяток, желтые крупинки теряли цвет, кружились, кувыркались, словно гонялись одна за другой, постепенно набухая до размеров спичечной головки, лопались, разваривались в густой наваристый кулеш.

Смотреть в котел я уже не мог — слюнки бежали так, что пришлось удалиться, рубить в сторонке дрова для следующего раза.

Тетя Стеня раскраснелась, глаза ее блестели. Прикрыв лицо тыльной стороной ладони, она помешивала кулеш, чтобы тот не пригорел, не передел и не превратился в кашу.

Не знаю, кому как, а лично мне нравился кулеш в обварочку, чтобы был не слишком густой, но и не особенно жидкий.

Тетя Стеня первому мне подцепила половничком со дна погуще, шлепнула розового свиного мяса с хрящиком. А хрящик, как и мягкая корочка свиного сала, мне больше всего был по вкусу.

Я пристроился под кустиком в тени на «пузаках», как у нас говорят, и начал уплетать ку-

леш с таким аппетитом, какого у меня отродясь не было. Хотел добавку попросить, да побоялся, что лопну. А потом ведь тетя Стеня — Иркина мать. Еще расскажет, какой я прожора. Ирка, чего доброго, будет в школе дразнить...

Дядя Гриша ударил несколько раз шкворнем по рельсу, подвешенному на ветке дуба. Это означало, что настал обеденный перерыв. Чумазые, запыленные, загорелые, в кепках с повернутыми к затылку козырьками, трактористы и прицепщики первым делом окружили бочку с водой, по очереди брали скользкий брусок пахучего печатного мыла, терли его в мазутных ладонях, отчего мыло делалось черным. Попав под струю воды, оно снова розовело, как только что взошедшее солнышко. От белоснежной пены трактористы делались похожими на клоунов — одни глаза да зубы блестят. Утирались длинным, вышитым полотенцем, которое тетя Стеня привезла из дому, и тут же, торопливо разобрав миски, гуськом подходили к котю.

Тетя Стеня черпала половничком с длинной ручкой, стараясь каждому поймать кусочек мяса, осторожно, чтобы не обжечь руки, наливала полные миски. Устраивались как кому удобнее: кто держал миску на коленях, подложив под нее мятый блин-кепку, чтобы не припекло, кто улегся бочком, кто сидел по-цыгански, подогнув под себя ноги, кто растянулся на животе, подсунув миску под самый нос.

— Эй, подруга! — подзывали ребята Назариху. — Иди к нам за компанию.

Назариха не заставляла себя долго ждать, подходила, легонько ржала, уминала корочку хлеба, картофелину, зеленую луковичку, оладушку, ватрушку, вареник — словом, все, что давали.

И только сало, понюхав, не брала в рот.

— Постничают, каналья! — шутил дядя Сеня. — Хочет в рай попасть!

Трактористы хохотали, а Назариха преспокойно обходила круг, стараясь никого не обидеть вниманием.

Когда солнце скрылось за лесом, я запряг Назариху в телегу, настелив свежего сена. Тетя Стеня уложила опустевшие корзины, пристроилась в передке, рядом со мной. От нее пахло земляничным мылом и топленным молоком.

Веселая, в белой косынке, тетя Стеня посматривала на трактористов, сдавших смену и тоже собравшихся ехать на отдых, прижимала меня к себе, улыбалась, показывая большой палец.

Решительно ничего не понимая, я спрашивал у мужиков, о чем она толкует.

— Да что же тут непонятного! — переводил дядя Сеня. — Она говорит: «Это мой зятек».

Мне было неловко. Хотя Ирка мне и нравилась, но это вовсе не значило, что про меня в присутствии взрослых можно плести всякую всячину.

Пропахшие керосином, прокаленные солнцем,

трактористы усаживались в телегу и, скрестив свешенные ноги в салагах, смазывали их сазанных дегтем, дымили сигарками.

— Трудно и подсчитать, сколько годков возит нас Назариха. Не будь ее, мерили бы пешком эти версты.

— Я так думаю, — рассуждал дядя Сеня Ледачонок. — Назариха рождена для этой работы. Ни одна коняга не выдюжит столько наверх, ежели еще дождик покрапывает. А она вытянет... А?

— Вытянет! Это ж чья она не кобыла... На нее трактор взвали, все равно попрет. Сколько она дров из лесу перетаскает. Двужильная! Она, вишь, и не стареет, расцветает ее, как бочку... Тьфу, сплюну, а то еще слышишь ненароком...

Назариха словно бы не замечала, что ее нахваляют, легко и спокойно встала телегу в село, обгоняя бредущее стадо, свистела. Ее ждало ночное, часы спокойного, заслуженного ею отдыха.

Пруд

В полдень на табор заявился Ехимок, в белой косоворотке, с негорящей сигаркой в зубах. Из кармана парусиновых штанов торчала свернутая трубочкой зеленая тетрадка, длинный карандаш с мундштуком.

Ехимок бригадирствовал в первых дней, как возник колхоз, все лето провалялся в полях. Ходил всегда напрямик, по посевам, по пахоте, по колкой стерне жнивья. И горюему, кто из пахарей допускал огрех. Ехимок был беспощаден, жесток к лодырям и бракоделам, стал их такими словами, каких ни в одной книжке не встретишь.

Похлебав кулешку, Ехимок начал расспрашивать о Назарихе: слушается ли она, не брыкается, не кусается, не удирает ли с табора в посевы. Выпытав все подробности, только бочек привожу, умариваюсь сильно или наоборот уже, Ехимок подошел к Назарихе, которая наслась на зеленом пятачке, провел ладонью по гриву, сказал, отряхивая ладонь:

— Замурзалась. Надо бы тебе выкупать.

— Где?

— В пруду, — пояснил Ехимок. — Пока время есть, поезжай верхом... Сама купнешься и ей бока потрешь... Она купаться любит...

Мне страсть как хотелось поплескаться, понырять в жаркий полдень, но без разрешения отлучаться с полевого табора не след.

А тут сам бригадир разрешил. Пришпоривая пятками Назариху, я лугами стезжкой двинулся к пруду.

Ехать верхом было удобно — спина у Назарихи выгнутая, мягкая, крутая, сидишь, как в седле. Назариха, почуввав рваную прохладу, энергично ковыляла ногами, делая вид, что страшно торопится, так и рвется вперед.

На берегу в полдень всегда отдыхало стадо. Вот и на этот раз коровы лежали, пережевывали наспех нахватанную траву. Некоторые из них стояли по брюхо в воде, нахлестывали себя мокрыми хвостами, оставляя на спине темные полосы.

Молодые жеребята-стригунки, отделившись от табуна, скрестили шеи, чесали друг друга оскаленными желтоватыми зубами, и слышно было, как они усердно скребут холки.

Раздевшись и спрятав одежду в лозе, я, сидя нагишом, погнал Назариху в пруд. Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться, Назариха прошла метра два, наклонила голову, дотронулась губами до воды, как бы пробуя, не кипяток ли, не обвариться ли, и смелее двинулась дальше.

— Назариха! Назариха! — заорали выбегающие из зарослей ивняка ребятишки, попрыгали в воду, как лягушата, окружили, принялись плескать воду руками, обливая Назариху и меня.

Здрав вверх голову, Назариха стояла на месте, боясь, как бы вода не налилась ей в уши.

Я открыл рот, хотел шумнуть сорванцов, но на меня обрушился шквал воды, и я чуть не захлебнулся. Ребятишек вокруг — туча: черные, рыжие, стриженные, губастые, с облезлыми носами и плечами, рябые, все в веснушках, будто их кто маком обсыпал.

«Надо спасаться, — подумал я, дергая недоуздок. — Иначе утопят».

Назариха, поняв мое намерение, устремила на глубокое место, погружаясь всем своим крупным телом в воду. Вытянув вперед морду, она фыркала, сопела, выдыхая струи воздуха, плыла рывками, словно пытаюсь единым махом выскокить на противоположный берег.

Уцепившись за гриву, я испытывал такое блаженство, словно летел по воздуху во сне. Было и приятно, и боязно, что лошадь вдруг скроется, уйдет с головой под воду. Остановилась у мостика.

Я старался подогнать ее поближе к берегу, чтобы обмыть, потереть бока, а Назариха уперлась и не хотела двигаться. Я дергал оброть, толкал лошадь пятками под бока, кричал: «Но-о!». Назариха как прикипела к месту.

Тут, обрадовавшись, нагрянули опять ребятишки. зашумели, заплескались, обнимали Назариху за шею. Один карапуз залез сзади на круп и нырнул вниз головой, как с бревна. Другой шустрый пострел уцепился за хвост руками, бултыхал ногами, учился плавать, высвечивая морщенные от долгого купания розовые свои пятки.

Я взглянул на солнце. Оно склонилось за полдень. От берега уходило стадо, разбредаясь по ярам и овражистым лощинам. Мне надо было спешить на табор, а Назариха будто окаменела — не вытянешь из пруда.

«Может, ей ноги ревматизмом свело?» — подумал я в отчаянии и вышел на берег, чтобы

обсушиться, согреться. Присел у насыпи, сжался в комочек, дрожу, не попадая зуб на зуб.

От досады я готов был разреветься. Никак не ожидал от Назарихи таких фокусов. Неужто придется выламывать хворостину?

Только я успел об этом подумать, как на дороге затарахтела телега. Это со стороны конюшни ехал на Орлике дед Свирид. На возу подпрыгивало деревянное косье. Видать, конюх ехал за травой на луг.

Я выбежал на дорогу, замахал руками. Дед Свирид, с трудом сдерживая нетерпеливого Орлика, спросил, что случилось.

— Дедушка Свирид, помогите Назариху из речки вытянуть.

— Тянуть бесполезно, — изрек старый конюх, не вынимая изо рта трубки. — Охолонет — сама выйдет...

И, тронув вожжи, дедок умчался вихрем на лихом вороном жеребце, который скакал так красиво, что все прохожие останавливались и с восхищением смотрели вслед.

Есть же красивые кони на свете! Вот бы на каком хоть раз прокатиться! Везет деду Свириду, ездит на нем каждый день и еще чем-то недоволен, ворчит, ругает Орлика, когда чистит его по утрам...

Пока я смотрел вслед Орлику, тут и Назариха на берег вылезла.

В поисках

Назариха исчезла внезапно. Паслась на зеленой полянке между рошей и полем, фыркала, отмахивалась от слепней, и вдруг ее не стало.

Я обшарил все вокруг — Назариха как сквозь землю провалилась.

Бегу к дяде Грише. Опустив очки на нос, дядя Гриша средним пальцем перекачивает туда-сюда костяшки счетов, щелкает, достает из-за уха карандаш и ставит на бумаге цифирки: двойки, тройки, единицы, нули, как учитель в классе.

— Дядя Гриша, Назариху украли!

— Украли? — Дядя Гриша поднимает голову, снимает очки и смотрит на меня в упор. — Кто украл?

— Не знаю, — отвечаю уныло, — все облазил — нигде нет.

— Да-а, дела! — протянул нараспев учетчик. — Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Прозевал, не укараулил...

— Я тете Стене ложки мыл...

— Ложки мыть — не грех, — перебил учетчик. — Но и за кобылой надо приглядывать. Назариха может заваяться — за неделю не найдешь. Она, бестия, знает, где овсы посеяны... Заберется в траву, уляжется, и попробуй найди ее...

Дядя Гриша помолчал, подумал, потрогал себя за длинный нос:

— Как-то один раз мы ее почти день искали, все кругом облазили, а она в ста метрах от табора в зеленях вылеживалась... Пожалуй, сейчас она в Яружке.

Бегу в лес. К Яружке надо пробираться мимо колодца, где воду беру, потом наверх, и там, на окраине рощи, находится эта широкая лощина, заросшая травой. Лужок там все лето бывает заказан. Травы — в пояс. Туда иногда пускает своего коня объездчик да наезжает подкосить молоденькой травки для Орлика дед Свирид. А для всех остальных Яружка — запретная. Траву косят на сено, скирды стоят огромные, как сараи.

Высоченные тонкие дубы сомкнулись вверх. Сквозь густую листву солнце почти не проглядывает. Сумрачно, жутковато одному в лесу.

Плутая между корявых дубовых стволов, покрытых сухой паршой лишайника, я спустился под гору, решил пробраться напрямик и залез в болото.

Шлепались в воду лягушата, хрустели, ломались дудки-стволики болиголовы. Потревоженные комары зудели над ухом, лезли в нос. «Тьфу, куда занесло, — думал я. — Еще заблудишься, и дяде Грише придется разыскивать меня вместе с Назарихой».

Исхлестанный осокой, камышом и папоротником, весь в грязи, я выбрался на сухое место, вытер травой ноги. Под пятками похрустывали проплогодные слежавшиеся листья. В ногу вонзилась заноза. Кровь выступила. Я сел, промыл слюной пятку — не осталась ли заноза, не торчит ли остряк? Занозы нет, ранку притрусил земелькой. Заживет!

Сколько таких колючек повидали мои ноги! Все лето, от школы и до школы, бегал я босиком. В деревне как-то не принято таскать ботинки или сандалии. Обутка жмет, давит ногу, натирает до крови. Нет, обувь летом не годится. То ли дело босиком!

Я бегал босиком по пахоте, по стерне, лазил по болотинам, по лесу, в лугах по росной траве шастал. А что за прелесть пошлепать босыми ногами по теплым лужам, когда булькают ручейки на улице, а водица, будто молочко парное.

Случалось, нарывала пятка. На ночь прикладывал жваник — хлеб с солью, тертый хрен, намыленную мочалку. Помогало, быстрее прорывало нарыв...

На дикой молодой груше торчало продолговатое, сделанное из медких палочек гнездо. Застреготала рядом сорока. Хвост длинный, черный, а по бокам — белые пятна «сарафана».

Вспомнилось рассказанное охотником: «Сорока стрекочет, если рядом бродит зверь». Мурашки побежали по спине. Не волки ли угнали сюда Назариху и приканчивают ее?

Настороженно приглядываюсь. Нет, это не

волк, а торчит из густых папоротников обгорелый пенек. А дальше что? Нет, не медведь с задранными вверх лапами, а вывернутое бурей дерево с обнаженными корнями. Рыжее пятно вдали — не задранная хищниками Назариха, а всего-навсего красная глина возле лисьей норы.

Нога провалилась в яму, засыпанную опавшими листьями. Я страшно напугался. Не лежбище ли это гадюк? Старые люди рассказывают, что осенью все гадюки сползаются в одну яму, и горе тому, кто в нее свалится...

Глянул с пригорка — в Яружке пусто. Где же теперь Назариху искать? Уж не цыгане ли ее увели?

Я опустился на траву. Что-то прохладное под ногами. Отодвинулся, глянул — сплюснутые, раздавленные ягоды. Батюшки, да тут все покраснело спелой земляникой.

Сорвал одну, кинул в рот, придавил языком к небу — брызнуло прохладным сладким соком. Так и растаяла во рту, а пахнет — лучше всяких конфет. До чего вкуснющая! Жаль, кружку не взял, а то бы на варенье набрал тете Стене...

Наелся ягод, а сердце щемит. Назариха не выходит из головы. Как без нее быть, на чем воду возить? Делать нечего, надо бежать обратно. Глаза какая-то пелена застлала, все смазалось вокруг, как после плохой промокашки на листке...

Свалился в канаву, ушиб коленку, поцарапал руки о куст шиповника. Натолкнулся на усохшую, без макушки, старую грушу. В расщелине — дырка. Осы лезут туда одна за другой. Подлетают, скрываются в темной дыре.

Схватил палку, принялся шуровать-накручивать. Может, там мед у них в гнезде, понатаסקали на зиму... Медком неплохо бы закусить...

Растревоженные осы закружились над головой.

«Падать», — мелькнула мысль. Но было уже поздно. Несколько злоющих бестий впилась жалом в лицо.

Я перепугался: а вдруг ослепну? И тут вспомнил, что после пчелиного или осинового укуса нужны холодные примочки. Что есть духу помчался к колодезю.

Выскочил на простор, протер свои заплавленные зенки и остолбенел. У ручейка, что вытекает из-под сруба и поблескивает на солнце, стоит злобная Назариха и головой укоризненно качает. А потом, видно, пожалела, словно почувствовала, сколько я из-за нее претерпел, и тихонько направилась ко мне.

Карасий колодец

Леонид
ГОЛУБЕВ

По улице Мопровской поселка Каменушка, что находится в трех километрах от железнодорожной станции Монетка, произошло событие.

Домохозяйка пошла за колодезной водой. Зачерпнув бадью, с помощью «журавля» подняла ее. Стала переливать воду в свое ведро, как на дне бадьи заплескались серебристые рыбки. Женщина даже растерялась.

— Егор, у нас караси в колодце!

Егор — степенный мужик — был занят подшивкой заплат на сапогах. Сняв очки, внимательно взглянул на жену:

— Ты что — все еще спишь?

— Смотри! — жена выбросила из ведра карасей.

Егор тоже вытаскивал из колодца бадью с водой, затем вторую и рассерчал на жену:

— Брехунья!.. Оторвала от работы!..

Жена вырвала у Егора бадью.

— Ей-бог... караси! — И опустила бадью. И опять были караси.

— Вот те да!.. — проговорила Егор. — Знать, ты, Полинарья, колдунья?.. И, верно, караси!..

И принялся Егор вытаскивать воду из колодца. Пошла илстая, мутная, небольшие карасики попались, а в последней бадье — половина рыбы!..

— Жареха будет!.. — обрадовался Егор.

Все это было в действительности. Но откуда попала в колодец рыба? Мы делали разные предположения... Может, утки занесли икринки? Но как попали икринки в колодец?.. Егор настаивал на своем:

— Рыбаки оставили в колодце. А садок-то, поди, порвался!..

Здесь, недалеко от колодца, начинались разрезы, где когда-то завод Уралмаш добывал строительный камень, а потом эти углубления заполнились водой. И в тех озерцах были карасишки!..

Разрешить загадку помог один геолог. Осмотрев местность, он высказал свое мнение: в ближайшем от колодца озере икринки действительно были доставлены утками, а потом эти икринки, а может, даже мальки по трещинам вместе с водой проникли в колодец, из которого постоянно черпалась вода не только для питья, но и полива огорода. Колодец был вроде насоса.

Пожалуй, геолог прав.

СПАСУТ ПРИРОДУ

Логика безоглядной (с точки зрения экономиста), нерентабельной охраны природы имеет свои пределы. Бессмысленно, а быть может, и вредно призывать к немедленной защите всего живого на свете.

Это равносильно отказу от общественного прогресса. Конечно, уже теперь можно было бы, скажем, напрочь прекратить выброс в атмосферу губительного для животных и растительности газа. Только для этого пришлось бы израсходовать 40 процентов всей вырабатываемой электроэнергии. Одна энергетическая плата борьбы с выбросом газа, как видите, слишком высока, человечеству она просто не по карману. Не меньше энергии надо, чтобы уловить в отходах заводов и фабрик десятки вредных веществ.

Однако и рентабельная охрана окружающей среды, если ей строго следовать, тоже не всегда годится. Иногда нужно пренебречь экономией финансов, чтобы сэкономить здоровье людей. К счастью, мораль всегда начеку, она постоянно опережает экономику. Потому люди не перестают искать такие принципиальные способы оздоровления загрязненной природы, которые в конце концов станут выгодными.

Существует два основных решения природоохранительных проблем. Первый: продолжать совершенствовать очистку и утилизацию промышленных отходов. Второй: разрабатывать также новые, безотходные технологии и вносить экологические поправки в существующие производственные процессы, чтобы заводы впредь работали, щадя живую природу. Они ее губят, они ее и спасут. Только так.

И наш разговор о том, как институты Уральского научного центра, который нынче отмечает свое 50-летие, делают промышленность Урала не только еще более могучей, но и безопасной для природы; как они координируют усилия природоохранителей всего уральского региона — и ученых вузов, и специалистов отраслевых научно-исследовательских институтов. Несомненно, что существование на Урале, в Свердловске, единственного в стране академического института экологии растений и животных, созданного академиком

С. С. Шварцем, тоже содействует выработке верной стратегии развития промышленности.

Незадолго до кончины Станислав Семенович Шварц сделал доклад в Академии наук СССР об экологическом прогнозировании и тех изменениях, которые происходят и ожидаются в ближайшее время в биосфере. Он говорил, что конфликт между людьми и природой не в том, что человеческие потребности в вещах сильно возросли, а в том, что мы берем у природы, игнорируя ее саму, законы ее жизни. «Список обвинений против «технически вооруженных варваров» (отноюдь не самый сильный эпитет в адрес современной техники) практически необозрим. Промышленность загрязняет атмосферу, почву и воду опасными для всего живого веществами... Все эти нарушения современное индустриальное общество действительно вносит в биосферу и, главное, не может не вносить. Прогресс человеческого общества требует развития индустрии, и сквозящая во многих странах в защиту природы (как будто в охране нуждается природа, а не мы, люди) технофобия нередко оборачивается безразличием к судьбе людей. Что происходит в природе? В урбанизированной среде экосистемы упрощаются, они как бы отбрасываются в свое далекое прошлое. Пропадает многообразие природы. Растения и животные в разных географических районах почти одинаковые. Первородные эндемики исчезают, и появляются эндемики техногенных ландшафтов, увеличивается численность тех видов животных и растений, что стали стойкими к ядам. Таков схематичный образ промышленных районов. И далее Шварц подчеркивал: «Грубая, опасная, но весьма распространенная ошибка заключается в том, что экологический прогноз рассматривают как предвидение нарастающего влияния человека на природу, а вопрос о том, как ответит биосфера на наши действия, остается в тени; о нем просто забывают. Естественно, что отравление реки или внесение в почву ядовитых веществ губит природу. Но эти и им подобные акции, сколь бы широко они ни были распространены, следует рассматри-

ЗАВОДЫ

вать не как выражение стратегии поведения человека индустриального общества в природе, а как отклонение от оптимальной технической политики». Происходит эволюция природы в новых условиях, а не ее деградация. Нельзя рассматривать биосферу как пассивный объект наших воздействий. Разумеется, что нельзя также и мириться с отклонениями от оптимальной технической политики. Нужно действовать.

Таковы мысли одного из создателей теоретической экологии в нашей стране на происходящее в сфере «человек — природа».

При Уральском научном центре действуют совет по охране окружающей среды и комиссия по охране природы. Программа «Урал — биосфера» объединяет все природоохранные исследования, ведущиеся почти в 150 научных учреждениях уральского региона. Интенсификация промышленного производства Урала в 12-й пятилетке, таким образом, будет сопровождаться выработкой экологических прогнозов и рекомендаций, сдерживающих и нейтрализующих натиск промышленности на природу.

И о том, как сами заводы будут не губить, а спасать природу, говорит член совета по охране окружающей среды при Уральском научном центре, профессор Уральского политехнического института, доктор технических наук **Георгий Дмитриевич Харлампович**. Он занимается координацией исследований, результатом которых являются экологические технологии. Это самое что ни на есть активное действие в защиту природы — создание щадящих все живое технологий...

Урал, как и прежде, кузница страны. Здесь производят треть отечественного металла, а из него — неисчислимое множество приборов, машин и механизмов. Гидрометеорологи подсчитали, что промышленность Свердловской области сжигает кислорода в восемь раз больше, чем его дают растения в этом районе страны. А отвалы уже весят несколько миллиардов тонн. Чтобы они не отравляли природу, их, конечно, можно спрятать под землю. Инже-

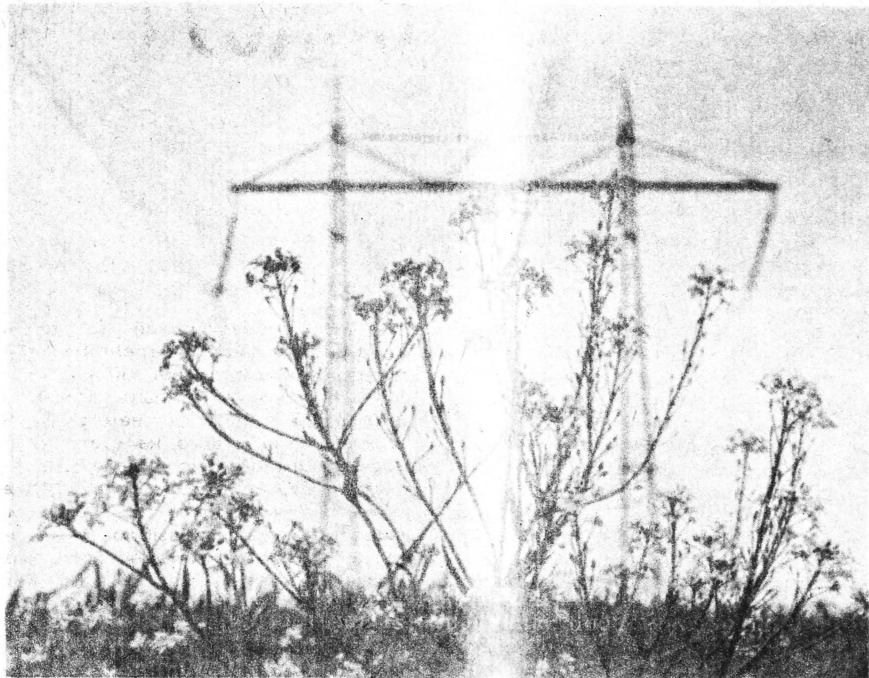

Фото Евг. Бирюкова

неры решили бы эту проблему. Однако стоила бы эта работа столько же, сколько понадобилось бы средств, чтобы значительно увеличить промышленный потенциал региона. Выход один: новые и улучшаемые технологии должны быть экологическими.

Есть в Свердловской области два небольших старинных города — Сухой Лог и Реж. Первый из них, с точки зрения экономики, живет глиной. Половина работоспособных суходоложцев трудится на цементном комбинате и на заводе огнеупорных изделий (шамотный кирпич и другое). Суходоложцы делают также асбестоцементные трубы и шифер. Только цементные заводы (один из них был заложен еще до революции) дают 3 миллиона тонн продукции в год. Это значит, что ежегодно это же количество глины (как минимум!) надо вынуть из земли. А сколько ее извлечено за семьдесят лет? Так, строя здания, мы ломаем природу. Образовались огромные карьеры. И чтобы выдавать стране цемент в еще больших количествах, надо думать о новых карьерах. Что же, отнимать плодородные земли или даже ликвидировать целый совхоз? Как в таком случае сохранить пашни и в то же время продолжать делать цемент?

Пора рассказать о другом из названных городов — о Реже. Двести

сорок лет назад на берегу реки Реж был построен железоделательный завод. В прошлом веке он, как сообщают историки, выдавал замечательной доброты листовое железо, которое экспонировалось даже на выставке в Париже. После революции, уже в 30-е годы, здесь стал действовать второй в стране никелевый завод. Весной 1935 года нарком тяжелой промышленности Сергей Орджоникидзе подписал приказ о строительстве в Реже шахтной печи для обжига, и уже в следующем году был получен первый ротштейн, а перед войной в строй вошла еще одна печь. Почти полвека работает в городе никелевый завод. Спрос на металл велик. Из него делают аккумуляторы, химическую аппаратуру, очень великолепно сплавляется с медью, железом, хромом, и такие сплавы не страдают коррозии. А техника ныне работает в самых агрессивных средах. Словом — даешь никель! И рудник выдает руду на-гора, и завод работает, и растут, и растут отвалы. Чтобы получить тонну меди, надо добыть тысячу тонн руды и пустой породы. С никелем в этом смысле не намного легче. Шлаковые отвалы занимают пахотные земли. Как бы все-таки не губить землю под этими отвалами и в то же время поставлять еще больше никеля?

В Уральском политехническом институте есть две кафедры — тех-

нологии цемента и тяжелых цветных металлов. Первой заведует доцент Василий Афанасьевич Пьячев, второй — заслуженный деятель науки и техники РСФСР, профессор Иван Федорович Худяков. Вот они и объединили усилия исследователей своих кафедр. И в результате соединились заводы Сухого Лога и Режа. Никак не думали и не гадали сухоложские цементники, что они будут крепко связаны в единой технологии с режевскими никельщиками. Что же было предложено? Ученые порекомендовали перерабатывать на цементных заводах Сухого Лога шлак из Режа. И уже несколько лет часть клинкера (обожженная масса глины и известняка) получают из этого неприродного сырья. Таким-то образом цементники в год сэкономили 50 тысяч тонн глины, а в прошлом году — уже в три раза больше. Так глиняные карьеры станут медленнее двигаться на пашни, а шлаковые горы заметно поумельшатся. Шлак стал товаром. И Реж даже увеличил на него цену. Как бы из-за этой надбавки не оказалось загубленным замечательное дело оздоровления окружающей среды...

Это пример борьбы с отходами. Однако новое поколение технологов, нынешние студенты должны знать не только то, чем опасны те или иные выбросы, но учиться видеть пути совершенствования технологии, чтобы этих выбросов не было. Выпускник вуза с такой идеологией станет настоящим защитником природы. Пусть он не вник во все тонкости устройства живой природы (это делают экологи), пусть он не слушал курс биохимии, физиологии, но зато он приобрел в институте жизнеутверждающий психологический настрой. Так мы стараемся готовить тепер инженеров. Чтобы они видели — экологические технологии осуществимы.

Вот еще пример... Со скоростью курьерского поезда тянется ныне проволока на волочильных станах. И кажется — никаких проблем. Люди научились это делать артистически. Но... Практически невозможно добиться, чтобы при волочении давление в металле распределялось равномерно. В проволоке возникают напряженные участки. В этих-то местах она прежде всего и рвется. Как избавиться от сей беды? Металл купают в ванне с горячим маслом, и его структура после этой бани становится однородной. Сотни тысяч тонн металла перерабатывают в каждом прокатном цехе. На металлургическом заводе возникает настоящее химическое производство. Над ваннами стоит, скажем помягче, неприятный туман. Вентиляторы спешат выбросить эту адскую микроатмосферу в большую атмосферу. Летят в небо пары масла, кислота, щелочи... А через некоторое время масло в ваннах надо менять. Это еще удар по природе, потому что не все его составные части сгорают в топке, и что-то приходится выбрасывать.

Исследователи много лет не могли улучшить дело. Проторенные дороги приводили неизменно в экологический тупик. И только предложение доктора технических наук Вадима Леонидовича Колмогорова и его коллег оказалось ценным. Он доказал, что можно вообще отказаться от вредоносной химии в прокатном цехе. Что, если на заготовку для проволоки, или трубы, или балки нанести тонкий слой вязкой жидкости, которая не будет взаимодействовать с металлом, но защитит его от воздуха, и не станет образовываться окалина? А самое главное, что вязкая жидкость будет равномерно передавать давление на заготовку. И не надо купать прокатанные изделия в горячем масле. Так родился новый технологический ре-

жим, использующий гидродинамический эффект смазки. Производительность стана увеличилась в полтора раза. Эта идея рушит аксиому, что природу охранять дорого. Технология уральского ученого Колмогорова реализована на многих заводах. Миллионы рублей чистой прибыли. И смягчение нажима металлургическими заводами на окружающую природу. На подобных примерах и воспитываются в нашем институте будущие инженеры.

Проблема вентиляции... На заводах и фабриках гудят тысячи вентиляторов. Очищая воздух в цехах, они дают возможность подышать производственным воздухом людям на улицах городов... И получается, что городская атмосфера — коктейль, содержащий всевозможные вещества. Определенно, что в ином цехе воздух чище, чем в городе, благодаря той же вентиляции. Значит, она, защищая здоровье одних, наносит ущерб другим. А что если воздух не выбрасывать в атмосферу, а очистить и вернуть опять в цех. К сожалению, замкнутые системы вентиляции имеют пока немногие предприятия. Например, одна из обогащательных фабрик в уральском городе Асбесте. И воздух внутри огромной фабрики чище в несколько раз, чем снаружи. К тому же не надо тратить энергию на подогрев воздуха, как это обычно делается, когда завод или фабрика дышат уличным холодным воздухом.

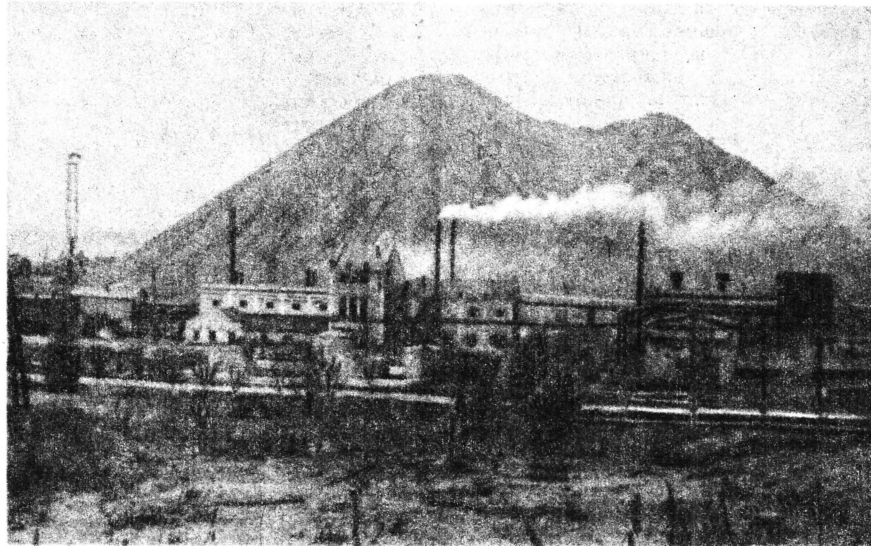
Проблема воды... Напомню: чтобы изготовить тонну металла, расходуют 200 тонн воды, а для приготовления тонны синтетического каучука уже требуется воды в десять раз больше. К тому же, каждый горожанин ежедневно расходует более 500 литров воды. Сколько же воды нужно Уралу? Больше, чем ее есть в реках промышленной зоны. Четыре пятых воды в промышленности идет на охлаждение самой разной аппаратуры. Если эта вода, пройдя через завод, вернется в природу чистой, то все равно она не безвредна, потому что нагрета и, следовательно, в ней хуже растворяется кислород. Не случайно хариус любит холодные реки.

Кто не замечал градири — огромные усеченные конусы? Внутри них по полкам переливается вода — и в это время охлаждается. Это — дорогие сооружения, но они экономят влагу. Ныне же градири проблемы не решают. Экономия воды

Отвалы асбообогатительных фабрик

Фото А. Лыскова

заботит все больше. К тому же градирни создают туман, а он ускоряет гибель от ржавчины ценного оборудования.

Давно инженеры намеревались использовать для охлаждения воздух. Однако эта идея считалась слишком смелой. Воздух в десятки раз медленнее снимает тепло с горячих поверхностей, чем вода. Словом, воздушные холодильники, так считали, крайне невыгодная вещь. Но, в конце концов, инженеры преодолели инерцию мышления. Для увеличения поверхности труб, с которых снимают тепло, к ним прикрепили металлические пластинки. Соорудили нечто похожее на гусеницу. Теперь воздушные холодильники работают в цехах объединения «Пермнефтеоргсинтез». Воздухом намереваются охлаждать могучее оборудование строящегося Тобольского нефтехимического комбината. На Синарском трубном заводе действует воздушный холодильник, сокративший потребление воды на 80 процентов.

Есть и другой способ экономии воды... Время от времени над впечатляющей панорамой Нижнетагильского металлургического комбината подымается в небо не менее впечатляющее облако пара. Значит, в этот момент тушат раскаленный кокс, заливая его водой. За год таким-то образом здесь выбрасывается в атмосферу более двух миллионов тонн пара. Сушильная башня делает настоящее облака. Это, надо сказать, гигантская работа, великая энергия. Чтобы получить такое вот количество тепла, надо сжечь более сорока составов с углем. Как же взять жар кокса в дело? Как не пускать облака над городом, потому что в них есть еще и частица вредных веществ? И вот уже разработан проект установки сухого тушения кокса. Ущерб населению, строениям, растительности от искусственных облаков около пяти миллионов рублей. Установка должна «погасить» эту цифру.

Самый надежный способ охраны природы — экономия природных ресурсов. Нужно придумывать вещи-долгожители. Людей двадцатого века называют поколением выбрасывателей. Нам надо поумерить пыл быстрого обновления бытовой обстановки. Почему быстро портятся предметы? В основном, из-за кислородного окисления. Как это происходит? Окисление начинается медленно, но вот лишь окислилась первая молекула, как ее обломки облегчают разрушение второй молекулы, процесс нарастает, как снежная лавина. Инженеры нашли вещества, которые останавливают эту лавину разрушения. Добавили их, к примеру, в резину, и она стала служить в пять раз дольше. Также значительно увеличился срок жизни полиэтиленовой пленки. А значит, эконо-

мили и нефть, из которой она делается.

По этой же природоохранительной логике был найден гипс в отходах Красноуральского и Среднеуральского медеплавильных комбинатов. Он заменил природный гипсовый камень. Однако и доброе дело, случается, медленно ширится. Медеплавильщики продолжают сливать так называемый фосфогипс в отвалы, увеличивая размеры мертвого пейзажа в окрестностях предприятий, а строители продолжают возить природный гипс издалека... С точки зрения уральских ученых проблема решена, а вот организаторы промышленности ее никак не могут одолеть. Узы, не стало еще экологическое мировоззрение достоянием всех людей...

Теперь о лесе... Горький факт: половина биомассы срубаемых на Урале деревьев не идет в дело, не вывозится, а уничтожается. Гибнут миллионы кубометров древесины. Не используется также и кора. И, наконец, при переработке древесины много ее идет в отходы. И, конечно, она теряется при транспортировке. Что предпринимается, чтобы лесопользование было более разумным? Мы уже привыкли к дрезесно-стружечным плитам. Кубометр таких плит экономит 2—3 кубометра досок. Однако обнаружилось: если плита изготовлена не строго по технологии, то она выделяет формалин, фенол, что вредно для здоровья людей. Уральский ученый Виктор Николаевич Петри предложил такой способ прессования плит, что они станут вполне гигиеничными. Так появились древесные пластики из опилок, из коры с примесью низкокачественной, даже гниющей древесины. Дешевый материал! И главное — полностью из отходов.

Говорят все чаще, что производительные силы человечества уже сопоставимы с производительными силами природы. Кое в чем люди стали даже сильнее матушки-земли. Вулканы, гейзеры, горячие источники выбрасывают ежегодно в атмосферу шестьдесят миллионов тонн сернистого газа. Промышленность в этом превзошла природу более чем в два раза. Когда же человек вдыхает воздух с примесью этого газа, то в носоглотке образуется раствор сернистой кислоты. Ощущение такое, словно ты выпил ложку уксуса. Конечно, эдакое дыхание «с кисллкой» не прибавляет здоровья. Кислые тучи летят по воле ветра на сотни километров от источника загрязнения атмосферы. Чем выше заводская труба, тем дальше они плывут. Кислые газы поглощаются листьями и хвоей деревьев, которые от этого хиреют. Сернистый газ, смешавшись с дождинками, попадает в реки и озера, и там гибнут рыбы и планктон. Наконец, кислые дожди

Верх-Исетское водохранилище

Фото Евг. Бирюкова

нарушают плодородие почвы. Например, у нас, на Урале, высокие трубы Среднеуральского медеплавильного завода исторгают каждый год более 200 тысяч тонн сернистого газа, и чаще всего он движется в сторону зеленой зоны Свердловска.

Конечно, технически возможно уловить этот губительный газ на любой теплоэлектростанции или на заводе. Надо пропускать дымовые газы через отработанную известь, а потом ее при помощи доработке использовать как строительный материал. Но... Впрочем, тут много «но»! Очистная станция была бы едва ли не такая же по размерам, как теплоэлектростанция. Затем надо где-то добывать известь, сводить при этом лес и выводить из строя плодородные земли. То есть наносить природе с другого боку ущерб.

А такие выбросы газа, оказываются, не столь уж неизбежны. На том же Среднеуральском заводе когда-то весь сернистый газ выпускали в небо. Потом из газа стали получать серную кислоту, химический продукт, без которого нельзя производить ни минеральных удобрений, ни электролита, ни смазочного масла, ни духов. Ныне значительную долю серной кислоты получают именно из дыма. Теперь восемьдесят процентов зловредного газа превра-

Ревдинские грани

**Владимир
ДАНИЛИН**

Быстрые, точные прикосновения к алмазной планшайбе — и вот уже сверкают на камне первые грани. Через несколько минут их будет 57. Затем камень поставят под механическую щетку, и, начищенный пастой (опять же — алмазной), он «заиграет». Так обрабатывают искусственные рубины в городе уральских медеплавильщиков Ревде. За один день здесь готовят несколько тысяч нарядных вставок для ювелирных изделий. В Свердловске, оправленные драгоценным металлом, камни из Ревды моментально приобретают особый «вес»: грамм ограненного рубина равноценен в украшении грамму золота.

Вожгаться с камнем, как иногда называют уральцы это дело, рабочей Ревде прежде не приходилось. И не пришлось бы, если б не случай.

Исполком горсовета занимала в последнее время проблема трудоустройства женщин. А тут как раз довелось председателю его — Николаю Ефимовичу Сидорову повидать в другом месте, как трудятся уральские огранщицы. Почему бы и нам не попробовать — решили ревдинцы.

Новое производство поручили организовать депутату горсовета молодому специалисту с кирпичного завода Евгению Воеводкину, уже зарекомендовавшему себя в разнообразных начинаниях. Воеводкин увлекся и других увлек. Цех, оборудованный под его руководством, заинтересовал многих свободных от работы жителей Ревды. За короткий срок десятки женщин в совершенстве овладели необычной для города профессией. Новый коллектив успешно освоил и автоматическую обработку камней.

У нового производства в городе медеплавильщиков хорошие перспективы. Здесь решено создать крупное предприятие по выращиванию и огранке искусственных изумрудов.

щают в полезный продукт. Однако и тот еще не укрощенный дым тоже не слабо действует на природу. И как будто бы исследователи начинают подбираться и к этим двадцати процентам неочищенного газа, чтобы решить проблему окончательно.

Инженер из башкирского города Салавата Фаннур Хабибуллович Ибрагимов разработал новые катализаторы для окисления газов даже с малым содержанием серы. Дело за перевооружением сернокислотных производств. Есть и другая идея — пустить в конвертеры и обжиговые печи металлургических заводов чистый кислород. Так удастся освободиться от спутника сернистого газа — азота, это ведь из-за него резко увеличивается объем выбросов, требующих очистки. Тогда из конвертеров будет выходить чистый сернистый газ. Значит, уменьшатся и размеры очистной аппаратуры, и весь сернистый газ обратится в полезную кислоту. А охрана окружающей среды при такой новой технологии оказывается по существу бесплатным приложением. И это все — не мечта. Кислородный процесс разработан. Проверен. Начинает внедряться. Экологически безопасная выплавка меди будет в перспективе реальностью и на Среднеуральском медеплавильном заводе, который тогда перестанет «сушить» пригородные леса Свердловска...

И в конце разговора о защите природы от загрязнений — два слова еще об одной идее. Газ горит чище, чем уголь. Преимущества газификации видны, например, в Москве, где еще лет двадцать назад в котельных сжигали сернистые подмосковные и донецкие угли. Теперь природный газ дает энергию столице, и не стало пыли, вредных газов. Такие же отрадные перемены произошли и во многих крупных городах. Как же быть там, где все еще сжигают уголь? Ответ на этот вопрос найден. Надо освоить и пустить установку внутрицикловой газификации. Что это за вещь? Инженеры предлагают сжигать топливо в два этапа. Сначала уголь вступает в контакт с небольшим количеством воздуха. Образуется углекислый газ. Он реагирует с новыми порциями угля, и получается угарный газ. Далее произойдут еще разные химические реакции, мы их опустим. Итак: вместо сгоревшего угля из установки должен выйти горючий газ (в гораздо меньших количествах, чем в обычных котельных). К тому же, из него можно извлечь попутно разные ценные компоненты. И уж затем очищенный газ будет гореть, давая энергию, и при этом не образуется никаких вредных веществ. Котельные агрегаты с внутрицикловой газификацией — ближайшее будущее теплоэнергетики. Огонь, дающий нам тепло и энергию машинам, должен быть в наш век чистым, и он будет таким!

Экологическое мышление должно стать признаком культурного человека, определять его отношение к труду и к отдыху. Нельзя успокаивать свою совесть тем, что мы научились констатировать отрицательные последствия индустриализации и можем точно сказать, в каком городе какой завод какие вредные вещества выбрасывает. Нужно пересоздавать технологии! Недавно мы были в Кемерово. Там ведется мониторинг, то есть создается автоматика, регистрирующая источники загрязнения. Составлена карта экологической обстановки. Поступает информация с датчиков, установленных в разных точках города. Кемеровцы копят опыт, который пригодится всем городам страны. Однако мы не могли также не заметить в городе и рыжий «лисий хвост», который тянулся от коксохимического завода... Увидели и автомобильные пробки у моста через Тьму. Нам рассказали, что котел для очистки горючих газов местной ТЭС не работает, потому что нет денег на его ремонт. Да, надо описывать экологическую ситуацию в городе, но необходимо также и развязывать узлы проблем. Повторю: кемеровцы ведут мониторинг не для одних себя, для всех. Говорю о противоречиях этого города только потому, чтобы показать, как необходимо соблюдать равновесие анализа того плохого, что происходит в природе под воздействием промышленности, и конкретного действия, снимающего экологические заботы. К слову, может быть, уже пора включать в оценку работы предприятия и то, какой ценой для природы добыт тот или иной продукт, определять экологическую цену произведенной продукции.

Нет сомнения, нынешние школьники или учащиеся технических училищ начинают активнее мыслить о проблемах охраны природы, а завтра они будут и действовать на своих рабочих местах экологически грамотнее предыдущего поколения...

**Записал
Ю. ЛИПАТНИКОВ.**

РОЖДЕННЫЙ БУРЕВЕСТНИКОМ

**Нина
АНДРЕЕВА**

В самом центре Свердловска стоит красивый особняк. Здесь ныне располагается мемориальный музей Якова Михайловича Свердлова. В начале века владел домом некий чин, проживавший в столицах, а дом сдавал. И, надо полагать, недешево стоило снять в нем комнату. Весь второй этаж занимал агент швейной фирмы «Зингер». На первом этаже располагалась публичная библиотека. А достаточно широкая гостиная третьего этажа была поделена на две части темным глухим коридором. Справа — комната, которую снимал рабочий (платил ему за аренду Екатеринбургский комитет РСДРП), а слева — укромный закуток, похожий на известные нам теперь красные уголки, где проходили в 1905 году занятия подпольной партийной школы.

Умно придумано. Респектабельный особняк. Публичная библиотека — якобы люди идут за книжками... Впрочем, у товарища Андрея, который руководил занятиями в школе, к тому времени уже был богатый опыт конспирации.

Пройдет год. Товарищ Андрей по заданию партии уедет в Казань. И тут же следом за ним отправится телеграмма: «Вторник выехал в сопровождении филера здешний организатор комитета демократов член областного комитета псевдоним Михайлович или Андрей личность не выяснена. Оказывается заехал Казань. Филеру указано передать вам. Распорядитесь по усмотрению допуская возможность скрыться. Полагал бы выяснить связи арестовать. Ротмистр Самойленко».

Сколько их было, этих царских ищущих, «касиных» бумаг, преследовавших Якова Михайловича Сверд-

лова всюду, где бы он ни появлялся. Розыскные губернские ведомости о побегах из ссылки, записки исправников, приказы уездных жандармских управлений, сопроводительки столичных департаментов полиции... У этого человека не было легальной жизни.

..Еще один интерьер музея. «Скоропечатная граверная мастерская». Эта вывеска принадлежала отцу Якова Свердлова, жившему в Нижнем Новгороде. Бюро-стойка. Печка «голландка». Пресс, резцы, шаблоны... В мастерской можно было заказать табличку «Дворник», вывеску «Ванильевые батоны», номер дома, печать. Под прикрытием этих бытовых нужд сын гравера Яков изготовлял здесь по заданию Нижегородского комитета РСДРП печати и штампы для поддельных документов, организовал подпольную типографию, явочную квартиру. Нелегальные заказы, нелегальные гости...

Яков Михайлович вступил в партию в шестнадцать лет. С семнадцати начались тюремные университеты.

Знаменитый снимок: Яков Михайлович сидит, поджав ноги, на нарах рядом с другими заключенными. Пермская тюрьма, уральский период революционера. Необычная эта фотография появилась чудом, вопреки всем традиционным тюремным «анфас» и «в профиль». Вместе со Свердловым в камере номер семь сидел арестованный за участие в политической демонстрации студент Вологдин. Невеста, приходившая к нему в тюрьму, как-то передала большую фунтовую пачку чая. Распечатали, а там — фотокамера «Кодак»... Так и родилась эта редкая фотография узников со Свердловым в центре.

Из ссылок и тюрем Свердлов не раз совершал побег. Наверное, поэтому в Туруханске его приказано было завезти в самую глушь, на восемьдесят верст севернее Полярного круга: Два года превел он здесь. Еще один интерьер в музее помогает представить обстановку избушки в селе Монастырском Туруханского края: стол с керосиновой лампой и пачкой книг, заиндевелое оконце, по углам — широкие лыжи, рыболовные «морды». Даже здесь, за Полярным кругом, в жгучие морозы Свердлов умудрялся ходить за десятки верст промышлять зверя и ловить рыбу. Изучал языки, писал, ждал каждую весточку из России, читал, читал... Его любимые книги — «Овод», «Спартак», «Гарибальди»...

Он и сам в короте этих героев. Такой же цельный, сильный, волевой, никогда не думавший о себе.

Урал стал второй родиной Якова Михайловича Свердлова. Трудно перечислить методы, которыми он пользовался, организовывая партию и сплачивая рабочих. Занятия в подпольной партийной школе, митинги и выступления на Кафедральной площади в Екатеринбурге, Каменных палатках, занятия боевых дружин — в лесу, подальше от людских глаз... «...Этот профессиональный революционер никогда, ни на минуту не отрывался от масс. Свердлов шел всегда плечом к плечу и рука об руку с передовыми рабочими», — скажет о нем Ленин.

Он реял подобно буревику над всем Уралом, появлялся в самых густо населенных районах, соединяя в кулак организацию; своим могучим голосом, в котором убежденность гремела, как набат, агитировал за сплочение во имя великой бури.

И следом за ним, где бы он ни побывал, поднимались шквалы забастовок, стачек, демонстраций. Бурлила, берясь за оружие, Моговилаха, останавливалась движение на железных дорогах в Уфу и Челябинск, бастовала Лысьва, митинговали рабочие Сысерти, выходил на демонстрацию Златоуст...

Бережно восстановлена в нынешнем музее старая улочка Ека-

теринбурга. Булыжник под ногами, щелявые доски забора, скрывававшего ветхий домик, в котором располагалась подпольная типография, и фонарный столб с листовкой-воззванием: «Ко всем уральским рабочим. Товарищи! Мы слишком долго терпели и молчали. Пора бороться!» Это было время, о котором В. И. Ленин писал: «Трехлетний период золотых дней контрреволюции, видимо, подходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема». Все готовилось к восстанию.

Близко бури!.. Громовые ее раскаты: слышны по всей России.

«Уральская правда» призывает: «Нужно организовать».

Как белые чайки, летят листовки к солдатам: «Берегите силы. Держитесь дружно со всей революционной Россией!»

И вот оно, свершилось: «К гражданам России. Временное правительство низложено... Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»...

В экспозиции музея Я. М. Свердлова представлен интерьер кабинета первого советского президента, Председателя ВЦИКа; он поражает своей строгостью и простотой. Свердлов выкинул всю аляповатую мебель, велел поставить обычный стол. И рассердился, когда его поставили параллельно окну — так, что свет весь падал на лицо посетителя: «Как может человек доверчиво разговаривать, если вы его так посадили?..»

Впервые за двенадцать лет он был рядом с семьей. За всю жизнь исключение составили только два года ссылки в Туруханске... Клавдия Тимофеевна Свердлова писала: «Впервые по своим документам, не опасаясь ареста, мы зажили только после Октября. Но в первые месяцы Советской власти мы жили, как на бивуаке... Мы с Яковом Михайловичем то в Питере, то в Москве, ребята у деда, в Нижнем. Семьи не было, да и не до семьи было. И наконец мы все вместе...»

«К этому времени, — писал Луначарский, — он (Свердлов), веро-

ятно, инстинктивно подобрал себе и какой-то всей его наружности и внутреннему строю соответствующий костюм. Он стал ходить с ног до головы одетый в кожу...»

Отчего это, даже внешнее, стремление к четкой завершенности? Владимир Ильич Ленин сказал о нем: «В самом начале двадцатого века перед нами был товарищ Свердлов как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера...» Как никакое другое, ленинское определение очень точно передает сущность человека по фамилии Свердлов, организатора рабочего класса, партийного руководителя, революционного творца, первого главы советского парламента.

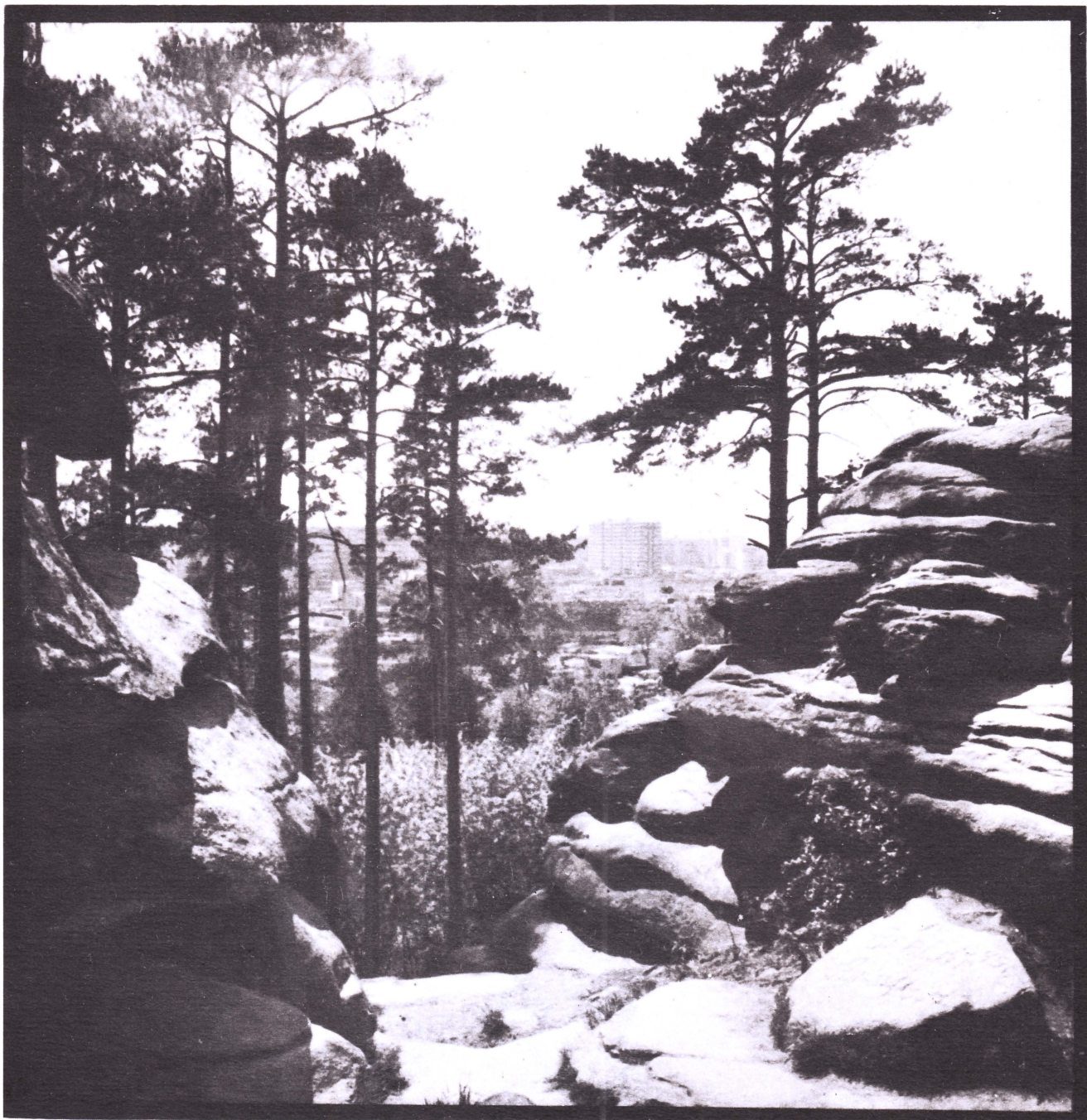
Чеканны были его мысли.

Несгибаема воля.

Четкой — цель.

И удивительной, прекрасной была его жизнь, в которой все подчинилось Великой цели.

Каменные Палатки — любимое место отдыха свердловчан. В свое время здесь проходили многочисленные подпольные собрания рабочих города, маевки. Каменные Палатки — не только памятник природы, но и памятник революционной славы.

Экспозиция музея Я. М. Свердлова в Свердловске в точности воспроизводит уголок избу, где проводил в далекой туруханской ссылке долгие дни Я. М. Свердлов.

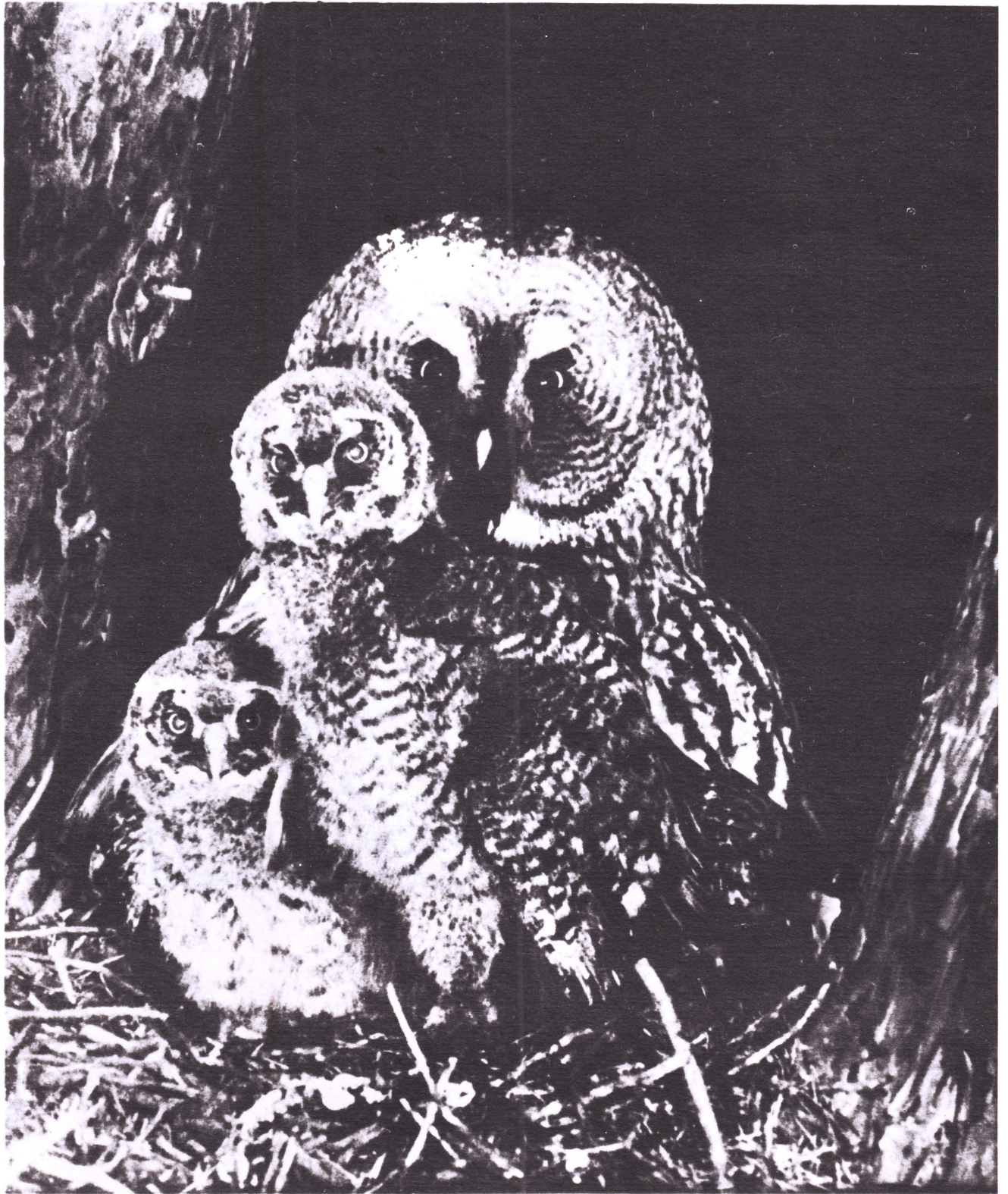
Дочь Свердлова — Вера Яковлевна (на снимке четвертая слева) — всегда желанный гость у старых коммунистов Свердловска.

Памятник Я. М. Свердлову
на площади Парижской коммуны
в г. Свердловске.

65 ЛЕТ
ОКтяБРЯ
4

РЯДОМ С СОВАМИ

По прошлогодней траве скользнула тень. Затем из редкого ельника, обступившего болотце, донеслось щелканье, сердитое урчание. Сомнений не оставалось: это — сова. Наконец-то, через несколько дней поиска, ее удалось заметить! На сосне, в том месте, где причудливо тропился ствол, виднелось темное пятно. Смотрю в бинокль. Птица видна хорошо — и глаза, и клюв, и четко выраженная под ним темная бородка, и ровные, словно парисованные, круги из лицевых перьев. Это была гроза мышиного царства — бородатая неясыть.

Что мы знаем о ней? Самая крупная из всех сов, живущих на территории нашей страны. Лишь филин крупнее ее.

Бородатые неясыти — моногамы, то есть живут парами. Они очень заботливые родители, надежно охраняют свое потомство, бывают предельно агрессивными в районе гнезда.

Все совы без исключения несут лесную службу, регулируя численность мышевидных грызунов. По подсчетам орнитологов, одна сова только летом уничтожает до 600 мышей. Разумеется, совы — полезные птицы, подлежат охране.

Находка моя была не случайной. Вот уже который год ранней весной в этих краях слышал я в вечерних сумерках за Кремлевым и Березовым болотами таинственные крики сов. Совы совершали там брачный ритуал, токовали. Велушиваясь в ночные разговоры и перекличку птиц, я засекал направление, а днем, захватив бинокль, отправлялся на поиск. Случалось, и отыскивал совиние гнезда, но все они были непригодны как объект. Гнездо же, что отыскалось на этот раз, было превосходным для наблюдений: весь день оно находилось на солнце. Смущало одно — высота. До гнезда, похоже, не меньше десяти метров.

Будем строить вышку! Мой помощник — Сергей Гладких, лесничий из Нижнего Тагила. Вырвав из блокнота листок, он набросал схему будущего сооружения. Тут же мы прикинули, сколько понадобится жердей и досок... На четвертый день, уже в полной темноте, мы закончили монтаж вышки.

А совы? Пока мы стучали, шипели, рубили, тесали, одним словом, шумели, сова-мать, сидевшая на гнезде, внимательно смотрела на нас. Сергей пошутил: «Ну, высмотрела, глазастая, как вышки строить?»

А ведь действительно совы — не строители, они вообще не делают гнезд, селятся в чужие, в готовые. На сей раз заняли гнездо канюка.

Сова-мать не одна следила за стройкой. Отец будущих совят тоже всегда находился где-нибудь поблизости. Он, видимо, не улетал далеко, потому что стоило мне или Сергею сделать попытку подняться на вышку, как сова-мать подавала тревожные сигналы, и ее супруг являлся мигом и был готов как верный страж защищать гнездо. Поэтому нам, несмотря на теплую погоду, приходилось одеваться в защитные доспехи: подшубок и каску с опускающимся на лицо щитком из оргстекла. Если же пытались пренебречь этой техникой безопасности, с бородатой неясытью шутки заканчивались плохо: мы получали глубокие царапины.

И вот наверху сбит из досок площадка, на которой установлен маленький домик: стены, крыша, двери — все из мешковины. Напротив гнезда, в нескольких метрах, развешаны рефлекторы, лампы-вспышки для ночной съемки. У Сергея заканчивался отпуск, и он уехал в Нижний Тагил, а я остался один на один с лесом, с совами.

Изо дня в день, в разное время суток, согласно разработанному «скользящему» графику, приходил дежурить к своим подошечным и с каждым приходом открывал для себя страничку птичьих тайн. Вскоре я уже

знал, какие из деревьев вблизи гнезда самые любимые для птиц, на каких они кормятся, на каких просто отдыхают, с каких падают на меня.

Семнадцать ступенек отделяли домик-скрадок от земли. Внутри скрадка тесно, удобств — самый минимум. Впереди, возле смотрового оконца, столик для фотоаппаратов и сменной оптики. Здесь же фонарик, батареи для лампы-вспышки, вешалка для каски и одежды, складной стульчик. Обязательный запас продуктов — мешочек с сухарями, консервы, фляжка с родниковой водой, термос с горячим чаем.

Дело было в конце апреля — и строительство вышки, и подготовка к съемке. В мае, а точнее, где-то числа пятнадцатого, в совином «доме» должно быть пополнение (ошибся я всего на один день).

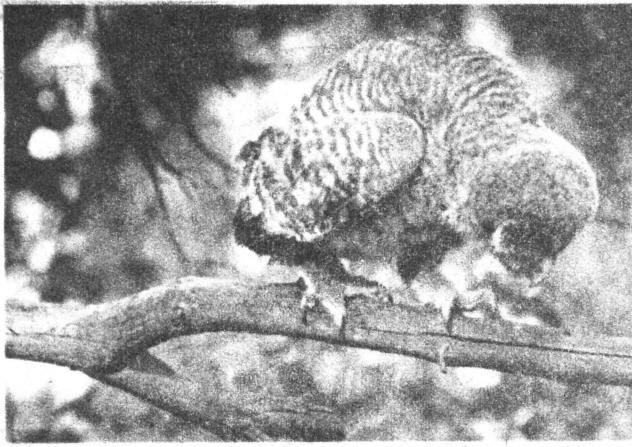
Настала середина мая. Леса, поляны, луга одевались зеленой трав и листьев. Большой лесной дом наполнился новыми и новыми голосами. В родные края пожаловали кукушка, иволга, козодой. Лес с утра до вечера гремел от птичьего пения. Дежурия в один из дней возле совиного гнезда, я заметил в нем что-то новое. Оттуда доносилось неспокойное попискивание и тонкое стрекотание. Неужели появился на свет первый совенок? Да, вскоре мне удалось увидеть его. Он был еще очень мал и больше походил на пуховый шарик. Но с первых же дней у малыша выделялись не по возрасту мощный клюв, когтистые крепкие лапы. Конечно, совенок сам еще не мог не только добывать себе пищу, но даже и справиться с доставленным в гнездо кормом. На помощь приходила мать. Она ловко рвала на мелкие кусочки добычу, прикормленную отцом семейства, и подавала клювом, словно вилок, малышу. Совенок мгновенно глотал кусочек и вновь тянулся к своей кормилице, пицал, просил добавки. Насытившись, малыш затаился, прятался под живую грелку, но нет-нет да и выглядывал из темного пуха, словно в окошко, смотрел на мир.

С появлением совенка в гнезде стало оживленнее, а мой дежурства — интереснее. Свое пребывание возле сов я увеличил с шести до восьми часов в сутки. Теперь фотоаппарат был жестко укреплен на штативе и объектив, наведенный на резкость, постоянно смотрел стеклянным глазом в гнездо.

Скоро червенец перестал быть одиноким. Строго соблюдая намеченную природой очередность, с интервалом в несколько дней появились на свет, запищали, зашевелились под грелкой-совой остальные птенцы. Старшему совенку шел десятый день, а последнему не было еще и суток.

Дежурия у гнезда, я делал в полевом дневнике записи. «Теперь, — писал я, — когда сова закончила насиживание потомства и совята растут и требуют больше корма, стало заметно, как четко распределились обязанности между взрослыми совами. На отца семейства навалилась главная забота, он обязан дено и ночью подставлять пищу к столу. Мать-сова почти не покидает гнезда или же находится в непосредственной близости, готовая в любую минуту к защите своих питомцев от любого непрошеного гостя. В число именно таких гостей оказался занесенным и я. Совы, похоже, не только не собираются, но и упорно не хотят привыкать к тому, что я ежедневно посещаю их территорию. Наоборот, с появлением всех птенцов совы стали еще агрессивнее. Они встречают меня за сотню метров от гнезда».

И действительно совы уже нападали не тогда, когда я поднимался на вышку, а и на подходе к ней. Однажды, потеряв бдительность, я пострадал-таки. Удар совы был настолько необычным и резким, что я едва устоял на ногах. При этом мне еще повезло: когтистая лапа неясыти чиркнула по щеке, и царапина прошла чуть

ниже глаза. Аптечка была всегда при мне, и я немедленно обработал раны, а затем сделал себе укол против столбняка.

...Первые дни лета преподнесли немало сюрпризов, и не только приятных. После сухого мая наконец-то пошли дожди. Двое суток, не останавливаясь ни на минуту, лило и лило. Казалось, дождь нескончаем. В лесу стало сыро, неуютно, и когда, после очередного дежурства, я возвращался в избушку, то усиленно топил печь, просушивал одежду. Но вот дождь прекратился, сразу похолодало, подул порывистый северный ветер, и разыгралась, точь-в-точь как зимой, снежная пурга. За какой-то час кусты, деревья, поляны вокруг заснежило. Для птиц наступили трудные дни. Особенно тяжело добывали пищу насекомоядные: дрозды, трясогузки, лесные коньки, пеночки, горихвостки... А мои совы переносили непогоду значительно легче. Однако в эти холодные дни я решил не беспокоить птиц. Только когда снегопад утих, решил посетить их владения. Наблюдая в бинокль, увидел, как мать-сова, вся распустившись и прикрыв разновозрастных малышек, намокшая, с жалким видом упорно сидела в гнезде. Но, как потом выяснилось, и у пеньсителей не обошлось без беды: в гнезде не стало самого маленького совенка. Может быть, не выдержал холода, сырости или погиб по какой-то другой причине?

Дожди и выпавший снег дали сухой земле много влаги, оживились болотные пачочины, ключики, а когда наконец потеплело, все вокруг зашевелилось, зазелело, задвигалось, наскучавшись по солнцу, по его ярким лучам. Пуще прежнего зазеленели молодые листочки на березах, осинах и липах, по открытым буграм зацвела земляника. Совята росли не по дням, а по часам. Их пуховая одежда менялась на серое перо.

Опять, как вчера, позавчера, приходила в лес шоньская ночь. Бледнели и гасли на небе вечерние краски. Так же шумно несли дрозды-дерябы, тянули с громким хорканьем над самой крышей скрадка вальдшнепы. Внизу, в сочной болотной траве, бегали и резко посвистывали болотные курочки-погоныши. Но темнота ночи брала свое. Лесных звуков становилось меньше, и мое внимание полностью переключалось на сов.

При свете фонарика я сделал очередную запись в дневнике: «Вот уже не первый день замечаю, что все сложнее и сложнее становится добывать корм отцу семейства. Порою кормление совят затягивается за полночь, чего не было раньше. Может, оскудели мышинные запасы на территории, которая вот уже два месяца находится под неослабным контролем сов?.. В основном, как и прежде, главным охотником является отец, а сов-мать, дабы ускорить дело, принимает от него добычу на месте охоты и несет доставить ее питомцам».

Случалось, родителям не везло с охотой: видно, предчувствуя перемену погоды, мыши неохотно покидали даже ночью свои подземные убежища. Тогда соватам оставалось одно: сидеть и ждать. Тот, кто был потерпеливее и больше не проголодался, молчал, а кто уж очень хотел есть, кричал неистово, до хрипоты.

Трудностей было предостаточно не только у сов, но и у меня. Как ни старался я всякую минуту быть начеку, чтобы отнять момент прилета совы с добычей, это не всегда удавалось. Возвращалась она домой не каждый раз с предупреждающим криком, бывало, она подлетала молча, бесшумно. Только по переполоху, который возникал в гнезде, и можно было узнать об этом. Срабатывал затвор фотоаппарата, сверкала вспышка. А сова? Уже и след простыл. Она, передав добычу, вновь была в полете, вдали от гнезда. Но одно удалось заметить: как бы ни трудна была охота родителей, первым получал корм самый маленький совенок, за ним — средний, потом — старший. Птицы никогда не нарушали этой очередности, да и можно ли было ее нарушить, когда младший кричал и требовал больше всех.

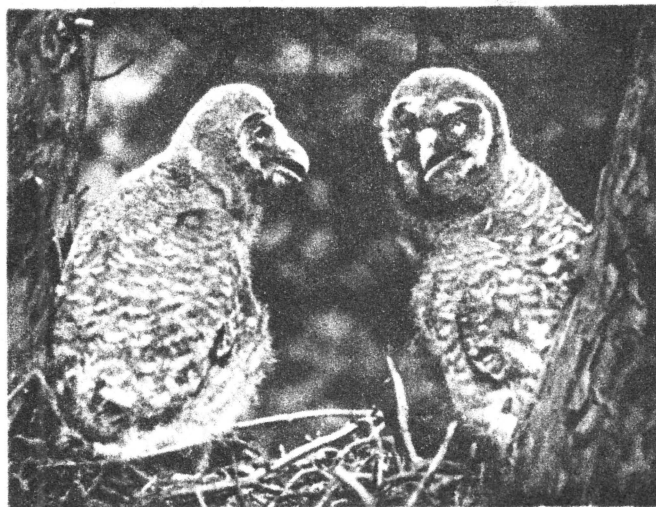
С того дня, как совята подросли, начали менять пух на перо, сова-мать уже не сидела при малышках, согре-

вая их. Я мог теперь наблюдать за птенцами и вечером, и днем. Но были в этом для меня не только преимущества. Когда солнце держалось в зените, меня не спасала и тень от кроны могучей сосны. Крыша, обтянутая на случай дождя пластиковой пленкой, нагревалась так, что, казалось, вот-вот расплавится, а внутри стояла духота. На крышу приходилось набрасывать подушубок, а со стороны солнца заслоняться спальным мешком. В жару совята не резвились, лежали в самом центре гнезда, разинув клюв, и тяжело дышали. Но только-только приходила вечерняя прохлада, как птенцы оживали, оживал с ними я, готовясь к съемкам и наблюдениям. В гнезде начинались игры, возня, а порою — настоящая чехарда. Отличался старший совенюк. Он совершал смелые прыжки от одной кромки к другой, взмахивая крылышками, а то начинал с тщательностью взрослой птицы заниматься туалетом, укладывая перышко к перышку на куцых пока что крыльях. Забавно было наблюдать, как он на правах старшего следил за самым младшим, боясь, что тот выпадет из гнезда. При опасности спешил поддержать братца клювом за пуховые штанишки или с силой затаскивал его в гнездо.

...Я решил провести в высотном домике целые сутки: в гнезде намечалось важное событие.

С утра у сов было все обыденным, а я не терял надежды подсмотреть еще не увиденное. Вполглаза читал журнал, но вскоре смотрел только на гнездо. Старший совенюк начал смело прохаживаться по самой кромке гнезда с таким видом, словно бы искал выход из него. И что же? «Дверь» нашлась. Ею оказался толстый и бескорый сук дерева, отходящий от гнезда. Совенюк осторожно ступил на него когтистой лапой, словно пробуя, выдержит ли. Глянул вниз. Замер. Странновато! Но любопытство брало верх. Сделал еще один робкий шаг, за ним — другой. Это был ответственный момент. Казалось, даже ветер стих и птицы приостановили свое движение. Я одним мигом перевел объектив фотоаппарата на сук. Но тут внезапно нарушил тишину маленький братец. Он, видя, как старший медленно, но все дальше шел по суку, поднял ужасный крик, замахал крылышками. Не знаю, действовали ли на смельчака крики малыша, но он остановился, повернул обратно. Этим закончилось его первое в жизни путешествие. На следующее утро он вновь попытался выйти из родного гнезда. И это ему удалось. Шел двадцать пятый день его жизни. Потом, последовав примеру старшего, покинул гнездо средний по возрасту совенюк. Птенцы, конечно же, еще не умели летать, но уже умели лазать по веткам. Когда наступало время кормежки, мать-сова отыскивала детей по крику.

...Днем, осматривая деревья вблизи гнезда, я нашел таки смельчаков: они сидели на сучьях. Заметив мое приближение, совята замерли, вытянулись столбиками «спрытались». И тут я услышал над головой грозное урчанье и щелканье. Сова-мать предупреждала, что она по-прежнему охраняет свое потомство...

АНДРЕЙКИНЫ

Александр
БАРКОВ

Рисунки
Е. Крутских

Запах земли

Дедушка Макар живет в деревне Таганьково. Дом у него просторный, а на крыше резной петух. За домом сад, поле...

Поле черное-черное, а над ним пар. Днем пар белый, а по вечерам — голубой.

— Так полношко дышит, — сказал дедушка. Нагнулся, взял горсть земли, понюхал: — Талой водой и ветром пахнет.

Солнышко припекает все жарче. На дворе лужи до ночам не замерзают, к лесу не подступиться — утонешь в мокром снегу. Глянешь вверх, а на высоких линах кричат, хлопочут грачи. Ремонтируют старые гнезда, строят новые...

По первым начинают чувствовать приход весны серые взборошенные воробьи. С отчаянным чириканьем они гоняются друг за другом и устраивают шумные драки.

В полдень выйдешь во двор, прислушаешься и уловишь тихий звон — это тает снег. С еловых лап катятся крупные капли: кап, кап, кап... Первые шаги близкой весны.

Как-то идем мы с дедушкой через поле, а навстречу нам трактор. Издали он похож на большого жука. Гудит, стрекочет, тянет за собой железный гребень — борону. Зубья у бороны острее-острее, а от них по земле полосы идут, будто поле причесывают.

Половодье

Наш дом стоит недалеко от реки. Ледоход прямо из окна видно. Медленно, с легким шуршанием плывут по темной воде льдины. С каждым часом прибывает вода, затопляет лодочный причал. Утром я заметил, как у самого берега против течения плыла ондатра. Она бороздила воду, как катер, оставляя за собой длинные усы.

Нежданно вода вышла из берегов, затопила овраг, низинку, луга, и тут на островке заметался какой-то зверек.

А вода с каждым часом все прибывает и прибывает — того и гляди островок затопит. Прибежал я к дедушке, кричу:

— Заяц тонет!

Дедушка вышел на крыльцо, нахмурился.

— Ну и дела! Спасать надо косога!

Отвязал он лодку, и поплыли мы к острову. А зверек взборошился, свинна дугой, да вдруг как мяукнет.

— Вот так заяц! — удивился дед. — Да это же наш кот Серый!

Не успели мы причалить, как Серый прямо мне на колени прыгнул. Весь мокрый, худой! Трется о плечо, мурлычет... Подгребаем мы как борту, а кот как вырвется у меня из рук, как сиганет в кусты. Только его и видели!

— По весне куда кота не заносит! — усмехнулся в усы дед. — И в Назарьево за двадцать верст. И в лесную глушь... Теперь вот... на остров!

А на другой день залез я на тополь, глянул на реку — островка и след простыл. Кругом одна темная вода.

Колючий полуночник

Смеркалось. Черные тени легли на дорогу. И тут из-под кучи хвороста у сарая вылез еж, худой, колючий, голодный. Забрался на бугорок, где земля посуше, поднял к небу мордочку — воздух понюхал.

— Уф! — зевнул разок, другой...

— Ну и здоров спать! — сказал дедушка. — Целых полгода из норы носа не казал!

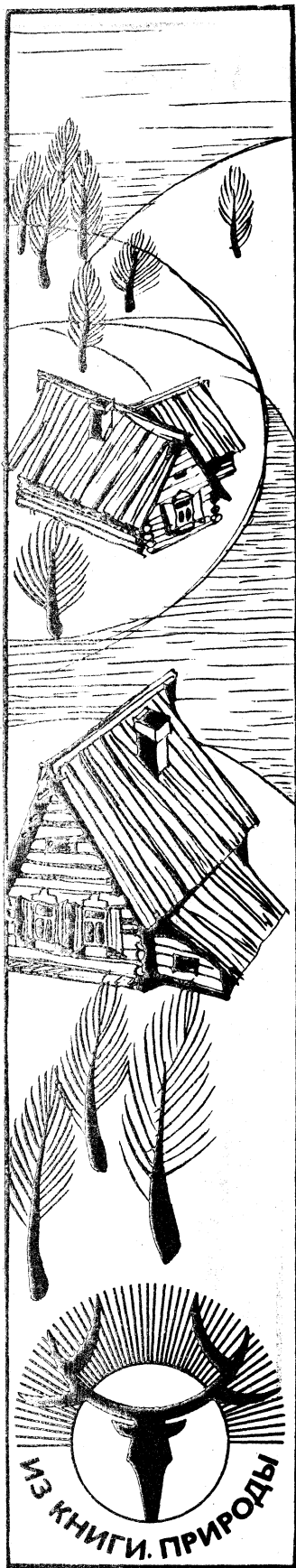
И угостил колючего полуночника молотком с хлебом.

Еж с жадностью набросился на еду. Чавкал, лакал, гремел блюдием. Потом облизнулся, фыркнул, запыхтел, точно паровоз, и куда-то исчез. Скорее всего, отправился в благодарность за угощение мышей под домом ловить.

Березкины слезы

Ходили мы с дедушкой по лесу, устали и сели отдохнуть на пенек. Дедушка мне сказку про петуха начал рассказывать: «Жил да был в нашем селе петух Золотое перо...» А березы да осинки склонились над нами и слушают.

Вдруг мне прямо на лоб: кап-кап-кап... Уж не дождик ли? Вскочил я, поднял глаза вверх, а у березы кто-то сушочек обломил. Вот оттуда, из ранки, и капало.

РАССКАЗЫ

Подставили мы с дедушкой под капель ладони и давай березовый сок собирать. Попробовал я его на язык, а он сладковатый и пахнет сырой землей.

— Сок — березкины слезы, — сказал дедушка. — Видно, прошел мимо леса, да рогом сучок и обломил.

Дедушка порылся в карманах, достал веревку и перевязал сучок. Березка сразу успокоилась, перестала плакать. А к вечеру мы пришли и замазали рану глиной. Пусть березка живет долго-долго.

Солнечный огонек

Залез я на пригорок. Глянул вниз, а там все желтым-желто. Целая лужайка цветов. И все горят, словно огоньки.

— Дедушка! Кто их зажег?

Оказывается, солнышко. Проснулось оно чуть свет, засверкало в траве, высушило росу. Обрадовалась трава теплу, да и загорелась огоньками.

Я нагнулся, сорвал один цветок и протянул его дедушке. Он взял его в руки, понюхал и сказал:

— Мать-и-мачеха, первый цветок весны...

— Почему его так прозвали?

— По листу. Сверху у него лист гладкий и холодный — мачеха. А снизу теплый и покрыт мягким пушком — мать. Вот и выходит: мать-и-мачеха.

— А где же листья?

— Пока их еще нет. Отцветут цветы — и листья вырастут. Если простудишься и кашлять начнешь, солнечный огонек тебя вылечит. Заваривай, как чай, и пей на здоровье!

Незванная гостья

Небо голубое, а по нему плывут белые, как снег, облака. Воздух пахнет тополиной смолой и почему-то арбузными корками.

— Самое скворчиное время! — сказал дедушка.

Но сколько я ни вставал спозаранок, сколько ни прислушивался к птичьим голосам, скворцов пока не видел.

Как-то раз подул теплый ветер, показалось солнце, и откуда-то сверху послышался тихий протяжный свист.

Неужели скворцы? Я глянул вверх и заметил на березе пять черных птиц. Они сидели на ветке у самой верхушки.

Потом переполюжились, закричали, быстро спялись с дерева и полетели к реке. А спустя полчаса снова пожаловали к нам в сад. Стали проверять свои прошлогодние квартиры, выбрасывать из них сор, куриные перья. Но что такое? Один черный непоседа-скворец места себе не найдет. С опаской поглядывает то на меня, то на свой дом на березе, а внутри заглянуть побаивается.

«Может, там кто поселился?» — подумал я. И правда, вскоре из лотка показалась темная мордочка.

Я схватил палку и постучал по стволу:

— Вылезай-ка живей!

Из скворечника выпрыгнула белка. Звилась по стволу кверху, перепрыгнула на другое дерево — и ускакала. Пусть незваная гостья в лесу живет. Там, в ельнике, ей места хватит.

Настовики

С мохнатой словой лапы сорвалась шишка. Ударилась о землю, всгугнула зайчонка-настовика. Слово мяч, подпрыгнул косой вверх и выкатился на проталинку. Встал на задние лапы, ушами поводит... Вдруг, откуда ни возьмись, к нему второй живой мячик пожаловал. За ним — третий. Вытянулись зайцы столбиком, потерялись носами и дали стрекоча в овраг, к ракитовому кусту.

— Теперь будут скакать наперегонки от дерева к дереву, от куста к кусту, — сказал дедушка. — Хоть весна и красна, да зайчат круглый год ноги кормят!

Муравьиная пещка

В середине апреля прогремел гром, и пошли теплые частые дожди. Лес умылся и будто помолодел. Цветки на ветку снуют пеньочки и зарянки. Далеко слышны их голоса. В сухой траве шуршат юркие ящерицы.

Шли мы с дедушкой по узкой тропе, и вдруг у старой ели я увидел большой муравьиный дом.

— Как муравейник весну встречает? — спросил я.

— Снимает с макушки снежную шапку, — ответил дедушка. — Солнышко выглянет — он шапку долой. В лесу еще снег под елками лежит, а муравейник уже макушку греет...

— А что за дом у муравьев? — поинтересовался я.

Оказывается, дом не простой, а высотный. Сколькo в нем этажей, коридоров, лестниц! Только печки не хватает. Так вот что муравьи придумали: строят свой дом под деревом. Солнышко прогревает ствол, а от него, как от печки, тепло идет... Дерево и есть муравьиная печка. Вот какие умные строители муравьи!

Голубой апрель

Бегут, журчат в оврагах ручьи. С крыши, с зазеленелых сосулек полилась на землю капель. В деревне стало звонко-звонко, точно у каждой калитки повесили колокольчик. Смотрю, на дорогу села желтогрудая птица. Скок-поскок, перепорхнула на вербу, оглянулась и пронела: «Синь-синь-синь сиин...»

Я тоже посмотрел вокруг. И правда, все голубое и синее; и небо, и пушистая верба, и ивнячок. И опушка вся голубая от цветов.

Птица посидела, покачалась на вербе и снова пронела: «Синь-синь-синь сиин...»

— Верно, овсянка! — сказал дедушка. — У апреля глаза голубые!

Медом пахнет

У дороги, что спускается к оврагу, растут кусты орешника. Ветки голые, без листьев, обвешаны желтыми сережками.

— Мещина зацвела! — говорят в деревне.

От реки налетел ветер. Качнул сережки — и по воздуху поплыло желтое облачко. Покачалось-покачалось и опустилось на дно оврага.

Когда ветер затих, я сам решил пустить желтое облачко. Нагнул ветку и отпустил. Дедушка Макар стоял напротив и тут же сделался желтым — и брови, и усы, и борода. Так его облачко разукрасило.

Дедушка стряхнул золотую пыльцу. Растер в ладонях, понюхал: медом пахнет. Значит, осенью урожай на орехи будет.

Луговики

Над заливающим лугом, над Марьиным болотом с утра до сумерек кружат быстроекрылые кулики-чибисы, писклявыми голосами выспрашивая у прохожих: «Чи вы, чи вы?» Дедушка говорил мне, что чибисы — полезные птицы. Очищают дуга от вредных жуков и слизняков. За это их и прозвали в деревне луговиками.

— Санитары лугов, значит! — смеялся я.

— И санитары, — кивнул дед — и храбрецы!

— Как так храбрецы?

— Погоди... Скоро сам убедишься.

Сперва я не больно поверил словам деду, да, признаться, вскоре и о чибисах позабыл. А как-то пошел с дворнягой Дружком на прогулку. Спустил пса с поводка, а он на радостях заплясал, лизнул меня в щеку и помчался кругами по лугу. Спугнул с гнезда чибисиху — и тут началось настоящее сражение. Чибисы сбились в стаю и обрушились на собаку. Стали пикировать перед самым носом Дружка, громко хлопать крыльями и кричать гнусавыми голосами.

Пес испугался, поджал хвост — и бежать со всех ног куда глаза глядят.

Я посмеялся над Дружком, а дома рассказал обо всем деду.

— Дружок — еще куда ни шло! — ответил дед. — Пес молодой да трусливый! А мне приходилось видеть, как чибисы ястребов да лисиц от своих гнездовых гоняли.

Подивился я смелости птиц и вышел на крыльцо, прислушался.

Над сырым лугом летали и как бы играли в небе чибисы. Песня у них протяжная и немного грустная: «Чи вы? Чи вы?» Один из луговиков отлетел в сторону, сел на дорогу и степенно пошел по лужкам. И красавец же! Большой, стройный, на голове хохолок, спина темная, грудка белая, а по шее словно черный галстук повязан.

Про сорок

— Сорока на заборе! — крикнул Петька. — Вот бы подстрелить из лука!

— Зачем подстрелить?

— Чем меньше сорок, тем лучше. — Петька надул щеки и выпятил грудь. — Знаешь, где у них гнезда?

— Нет...

— У реки, в ивняке. Я оттуда яйца брал.

— Да разве можно гнезда зорить?

— У сорок можно. — отрезал Петька. — Знаешь, какие они воровки: ложки, ножи, вилки таскают.

— Ну! — удивился я.

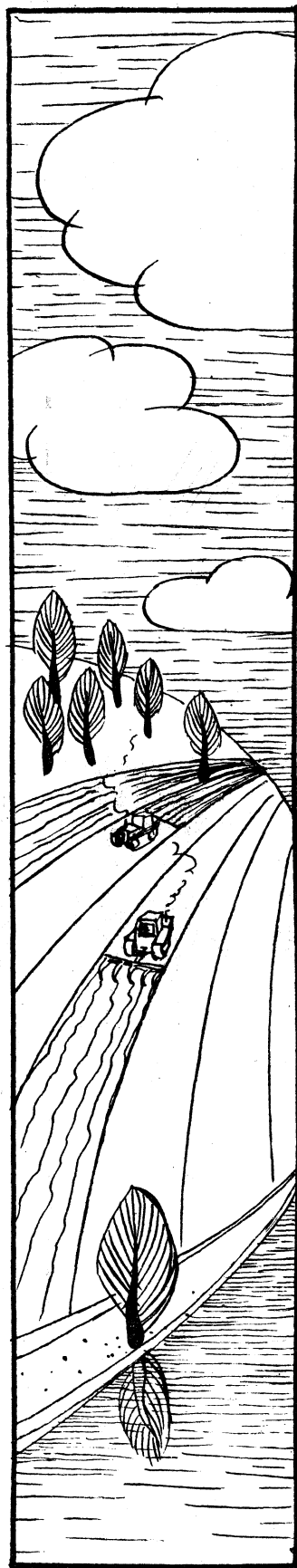
С того дня стал я после завтрака окна закрывать, а со стола ложки да вилки прятать.

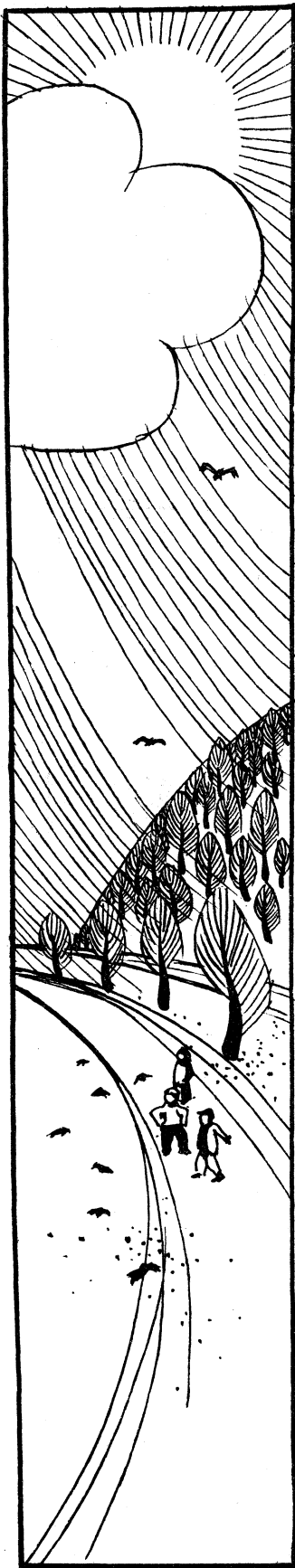
Заметил это дедушка и спрашивает:

— Чтой-то ты больно шустрый? Не успеешь щи дохлебать, уж ложку прячешь!

— Белобоки за окном! Того гляди, что-нибудь сцапают...

— Ишь куда хватил, милоч, — расмеялся дед. — От сорок пока еще никто не обеднял. Верно, есть за ними такой грешок: порой таскают блестящие предметы и забавляются ими, словно дети в игрушки играют. Зато пользу приносят немалую. Уничтожают в наших садах и лесах вредных гусениц. Даже мышле-полевку — и ту не упустият. Проворные птицы!

Комариный бал

Знаете, как дедушка научил меня погоду предсказывать? Тепло завтра или холодно будет? Вот послушайте...

Однажды вышел я после завтрака во двор, а над поленницей комары табунились. Что это им вздумалось?

Дедушка лагнулся к поленнице, а комары приметили его мохнатую шапку — и давай над ней плясать.

Подкрался я к дедушке сзади и интугапул комаров метлой — покусают еще. Дедушка с удивлением поднял брови и повернулся ко мне:

— Зря их обижашь. Чудит комар по весне. Танцует да пляшет, как говорит-ся, мак толчет. Значит, тепло будет!

Я побежал по саду и насчитал семь веселых стаек. Настоящий комариный бал!

Весенняя сказка

А теперь я расскажу вам сказку! Весной, когда еще не растаяли снега, не отшумели ручьи и не вылезли из берлог медведи, в эту пору оттаивают и оживают желтые осенние листья.

Они порхают над березами, над старыми замшелыми иями, над островками талой земли. Они ищут лужицы. И смотрите в них, и любуются собой — не налюбуются.

Знаете?! Весеннюю сказку я не придумал, а увидел своими глазами. Приходите в апреле на опушку леса и тоже увидите: в воздухе порхают желтые осенние листья. Это с теплом проснулись и ожили первые бабочки. А зовут их по цвету — лимонницы.

Вертишейка

Петька Вдовиц был в деревне грозой садов, огородов да птичьих гнезд. И вот какой с ним случай приключился.

Пошел как-то Петька в лес. А по дороге из дупла липы серовато-бурая птица выпорхнула. Величиной с воробья и страшная такая: хохолок подняла, веером хвост распушила, длинную шею вытянула...

— Гнездо у нее там, — смекнул Петька. — На обратном пути разорю...

Вырезал ореховый прут, не спеша возвращается. Малинник, развилка дорог, а вот и корявая липа. С трудом вскарабкался Петька на сук и только собрался сунуть руку в дупло, как оттуда шипение послышалось... и змеиная голова выглянула.

Перепугался Петька, скатился вниз и скорей домой тикать. Собрал соседских ребят у крыльца и объявил им новость:

— Ницце в лес ходить опасно!

— Почему? — удивились ребята.
— Там на опушке змея живет. В дупле старой липы.

Тут Митька Галошин не выдержал, да как захохочет:

— Ну и залил! Я эту змею тоже заметил. Только вовсе она не змея, а птица такая. А зовут ее вертишейка. Кто ее обидеть захочет, на того она и шипит. Попял?

— Ну... — в недоумении протянул Петька.

— Точно. А еще она разные гримасы строит, шеей кругом вертит, — продолжал Митька. — Недаром она — вертишейка. Пошли, глянем...

— Дудки, — отмахнулся Петька. — Хоть она и птица, а все равно змея. Раз шипит, значит, и ужалить может.

— Обязательно тебя хватанет, — погрозили ему ребята. — Не будешь гнезда зорить!

На вечерней зорьке

Когда солнце заходит за дальний Чугреев лес, наступают сумерки. Густой туман растекается по земле. Окутывает избы, пожарную каланчу, деревья. Все кругом затихает. Но вот над вершинами сосен потянул вальдшнеп, прокричал: «Хо-орр! Хо-орр!». А со стороны мельничной плотины донеслись протяжные звуки: «Курлы-курлы-курлы...»

Будто там, далеко вдали, заиграла серебряная труба. Когда звуки смолкают, в небе медленно пролетает клином журавлиная стая.

Дедушка проводит ее долгим взглядом и скажет вслед:

— На Марьино болото тянут.

— Зачем? — спросил я однажды.

— Ногой пробуют, скоро ли снег растает.

— А скоро?

— Вот-вот болото оживет. Заголубет. Лягушки заквакают. А у журавлей свадебные пляски пойдут.

Я слушаю дедушку и мечтаю хоть одним глазком взглянуть на журавлиную пляску. А на Марьином болоте вновь начинает звучать серебряная труба: «Курлы-курлы-курлы...»

**Анатолий
ВЛАСОВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

УБОРЩИЦА И ГАЯНЭ

Повесть

Симочка не подала виду, что удивилась приглашению, и послушно потянула Олежку за собой, стараясь идти в ногу: вот так шла она впервые рядом с девушкой небывалой красоты и стройности, на которую оглядывается не то что каждый мужчина, но и женщины удивленно вскидывают глаза.

На привокзальной площади их ждал тот знакомый лимонный автомобиль.

Окончание. Начало см. в № 10

Перед Симочкой была распахнута дверца, и она неловко влезла в табачное нутро машины, втянула сынишку, усадила на колени. Пока с другой стороны, тоже на заднее сиденье, привычно умещалась Нелька, можно было оглядеться.

Конечно, этих молодых людей она видывала у себя во дворе.

За рулем сидел высокий и тонкий парень, почти ушпавшийся белыми волосами в обшивку верха. У него были удивительно узкие плечики, даже пестрая курточка не ушпиряла их; такими видела Симочка плечи у девушек, выросших в петрудовой обеспеченной семье, или у болезненных, неразвитых физически детей. Но водитель, можно было смело предположить, не был, конечно, болен. Длинные белые пальцы его лениво покоились на баранке, оплетенной пестренькой сеткой. Лица его она не видела, а только затылок с узкой шеей, просвечивающей сквозь волосы. Рядом с ним была девица, тоже в куртке, тоже с удлинненным корпусом; волосы ее были совершенно желтые, прямые и длинные; повернутое вполборота лицо поражало изяществом и нежностью, кожа тонкая, вроде бы сквозящая, без единой кровинки, бровь узкая, носик прямой и с заметными под прозрачной кожицей хрящиками, глаз — синий, густо обложенный краской. Трудно было определить возраст девушки — что-то среднее от девятнадцати до двадцати девяти. Но более всего удивили Симочку ногти девушки: узкие и длинные, как спинка жужелицы, покрытые черным лаком. Может быть, и сквозило в этой черноте что-то красное, но какой примечательной была ручка: тончайшая белая кожа и эти красные, поблескивающие мраком стрелки ноготков.

В такие ручки не возьмешь не то что лопату, и тряпочка сырая не для них.

Симочке стало неудобно за себя: за широкие свои плечи и за низкий рост, и за толстые красные пальцы; она спрятала их.

В салоне вдруг вспыхнула музыка.

Симочка вытянула шею и увидела, что на коленях у изящной девушки с мрачными поготками покоится черный же магнитофончик, и в нем, поблескивая оргстеклом, крутились кассетки.

Девушка, не оборачиваясь, спросила у Нельки:

— Укатил?

Симочку несколько обескуражило то, что никто в машине даже внимания не обратил, что села посторонняя женщина, да еще с ребенком, с маленьким своим Олежкой, румяным, круглолицым крепышом, у которого от восторга зашлись глаза и чуть не исчезло дыхание: ведь его посадили в настоящую машину, где он ни разу не бывал! Ну, она-то ладно, так сказать, бог с ней, но не заметить ребенка, не начать если не разговаривать с ним, то хотя бы спросить о нем мамашу — такого в том кругу, в котором жила и вращалась она, не только не бывало, но и быть не

могло: где бы ни появилась она с любым из сыновей, всегда начнутся вопросы да расспросы, заговаривание с ребенком, а то и игра с ним; а тут будто посадила она к себе на ноги куклу, пластмассового этакого ангелка, так и то обычно спрашивают: где купили? сколько стоит?

То есть в этом тесном и светлом салончике она стала чувствовать себя как-то не совсем удобно, что ли, да еще с такими руками и с такими плечами грубыми... Но тут пришло ей неожиданно в голову такое: эх, кабы двадцать годиков кто списал бы с нее сейчас, чтобы оказалась она примерно ровней этого парня, и, допустим, он стал бы к ней приставать... С такой-то воробьиной грудью? С такими-то подростковыми плечиками? Да она бы его одной рукой обняла и так жамкнула, что из него бы водичка посочилась...

Разве таким надо быть молодому мужчине?

Ей стало весело от этого умственного своего представления, и неловкость с нее спала, как сухая кожура с луковицы.

Они сами по себе, но и она тоже цену себе знать должна.

Машина катила неспешно, молодежь вела разговор. И хотя Симочка сперва, занятая такими мыслями, не прислушивалась к нему, а сейчас прислушалась, она не все понимала.

Разговор был такой, вроде перебрасывания мячика. Один скажет два-три слова, потом через какое-то время — другой. Вообще-то они, поняла она, высказывали свои замечания или оценки певцам ли, пластинкам ли, но что речь возникла о музыке и записях — ей было почти ясно.

Конечно, словечки «диско», «сол», «гигант» ни к чему и никак в ее сознании не пристегивались, но одну фразу, оброненную лениво Нелькой: «За диск отдала сорок рэ», — поняла, как следует: дорогие у тебя, подруженька, игрушки! Сорок рубликов — не шуточка. Но тут водитель, эта глιστα, бросил небрежно:

— Я семь выкладывал...

Еще улавливала она незнакомые не то слова, не то названия, не то имена: «виа», «матье», которые произносились неоднократно, и другие, которые она даже не схватила, как и произносятся. Потом отчетливо и по-русски назвали женское имя Сони, но она разобралась все-таки, что никакая это вовсе не женщина, потому что у нее, этой Сони, вид блестящий, а звучание вообще божественное.

«Голос или так?» — подумала было Симочка, но здесь та, что с черными ногтями, сказала: — И этот маг у меня будет!

— Отец или мать покупают? — спросила Нелька.

Та повернулась к заднему сиденью, открыв свое прозрачное лицо, и, скользнув глазами, как по чему-то пустому, по лицам матери и сыночка, сказала:

— А куда они денутся!

— О'кей! — сказал водитель.

Нелька вытянула свою ручку и положила узкую нежную кисть на узкое нежное плечико водителя.

— У сквера, — сказала, чуть улыбнувшись.

— Гаянэ, — спросила чужая девушка, — ты с нами?

Нелька мотнула отрицательно волосами и показала глазами на пассажиров: Симочка, конечно, все поняла и удивилась.

Машина плавно затормозила.

Водитель перегнулся через спинку своего сиденья и открыл возле Симочки дверцу. Она, сняв с коленей сынишку, стала выбираться, а чужая девушка обернулась, вытянулась к Нельке: девушки поцеловались, потом то же самое проделал и парень, только он, заметила Симочка, чмокнул Савельеву внучку в губы поплотнее.

Выбравшись тоже, Нелька заиграла поднятыми пальчиками, провожая друзей.

Через деревянные ворота с высокой дощатой аркой вышли в скверик. Там от разросшихся лип и акаций было тенисто, уже светились на дорожках редкие желтые листики, а трава в газонах давно утратила летнюю яркость, и хотя не пожухла еще, но загрубела, забурела местами, была смята.

Олежка, вырвав ручонку, тотчас кинулся туда, в траву, и его пришлось изловить и снова вывести на дорожку.

— Туда нельзя, прыткий ты какой. Мы вот с тетей Нелей погуляем сейчас — и домой. Нас папа, наверно, потерял. Мы с тобой как бродячие коровы сегодня, домой не пришли. Хоть пицц нас...

А самой было лестно идти рядом с такой замечательной девушкой; она подумала даже, что ведь как хорошо было бы иметь такую невестку... Вот бы как приблизилось новое время своей шикарной стороной к ее Пете, который, конечно, отстал от него; пусть скромен и труженик, что лучше лучшего вообще-то, но нет у него такого вот изысканного вида и умения держать себя, как у всей компании, с которой ехала она в машине только что. «Ну, это дело наживное, может, армия такое Пете даст, что тоже ахну только, вон какое фото матери послал», — думала так Симочка, а сама ждала, когда заговорит спутница. Прошли вдоль всей аллеики, не сговариваясь, свернули направо на узкую земляную тропу меж акаций, за ними была тесная полянка с бездействующим фонтанчиком посередине, знаете, этот примитивный мальчик с рыбкой, изо рта которой должна бить струя? Где их только нет, в каком углу не встретишь эту аляповатую композицию, но Симочке мальчик понравился, и она сказала Олежке:

— Видишь, какой ловкий мальчик. Рыбчонку поймал.

— Она зывая? — спросил сын, упираясь, что-

бы подольше посмотреть на это необыкновенное зрелище, но Симочка тянула его дальше, за Нелькой.

— Рыбка каменная, и мальчик каменный, — сказала только.

— А ему без кулочки холодно?

— Конечно. Но он днем греется на солнышке.

Девушка повернулась к Симочке и сказала:

— Какая здесь пустота!

— Что ты, Нелечка, — обрадовавшись, что девушка заговорила, ответила ей Симочка. — И акаций густо, и липы, березки вон... Клены еще, скамеечки цветные.

Девушка вздохнула, сказала опять:

— Какое убожество!

— А я здесь давным-давно не бывала, — продолжала Симочка. — Мы со своим Мишаней здесь и познакомилась, на танцплощадке... И те березы, — она как-то пеловко махнула рукой в их направлении, — были маленькими тогда. Ну, с полдома. Меня он пригласил на вальс, на «Амурские волны»... На мне платье было штапельное, а на нем — ковбойка, знаешь, тогда в моде были клетчатые рубашки из шотландки... Он такой плечистый, коренастый подошел... Это я теперь тоже широкая в кости, а в ту пору тоненькая была, легонькая. Как травинка. Ну, думаю, закружит... А он только ходить умел и не закружил, конечно. А потом провожать пошел, а сам стесняется, молчит... А я то щебечу, то заливаюсь смехом без причины, то папеваю... «Плаваю Аму-ур свои воды несет-ет...» Ну, так вот и началось. У вас теперь, конечно, и танцующие не нашенские, и знакомитесь вы запросто...

Она замолчала, ожидая, что Нелька ответит, но та не ответила ничего, и Симочка предложила:

— Посидим?

Скамейка из желтых и красных реечек стояла в стороне, под акациями, а над ними высилась береза, но самое главное — сюда проникало закатное солнце, было уютно и укромно.

Симочка быстро протерла рейки бумажкой, села, усадила рядом Олежку.

— А ты, Нелечка, вот сюда...

И похлопала скамью с другой стороны. Когда девушка села, глянула на нее, и опять захолонуло сердце: все же, мамочка родная, до чего хороша... Солнце выскетило ее глаза, в их серо-голубом просторе увиделась вдруг и бездонная глубина, и та не то печаль, не то усталость, что были увидены на портрете. А нос, а рот... Приедет Петя, встретит ненароком, договорно ли — и потеряет голову, пропадет... Хоть пиши парню, чтобы сразу после службы оставался там, на востоке, где-нибудь на БАМе, с его руками и молодой силой ему везде будут рады.

Нелька вытянула холеные ладошки, подставила их ласке солнца.

Ты мне что-то ведь сказать хочешь, я вижу.

Нелечка... Так и говори сразу, я слушать буду.

Та коротко глянула на Симочку.

— Да. Скажу.

Олежка завозился, ему было скучно сидеть вот так, он заболтал ножками; мать прижала ему колени рукой.

— Сиди смирно! — и он затих, потому что тоже, как и все старшие его братья, уже давно привык к тому, что маму надо всегда слушаться.

— Однако ты неразговорчивая, девонька, — сказала Симочка, — а я уж тебе сколько наболтала. И вот парни у меня, особливо старший, Петя мой...

Она опять быстро глянула на Симочку.

— Вот что... многодетная мать...

Симочка даже вздрогнула, так неожиданно и так отчужденно заговорила Нелька. Пет, это была не девчонка, какую все еще представляла она себе и с какой пыталась до сих пор разговаривать. Рядом сидела взрослая женщина, совершенно не знакомая, словно бы она подошла только что вот, не виденная и не встреченная ни разу на улице или в своем дворе.

Значит, так...

Она сухо посмотрела на Симочку.

Первое. Это ваше подсватывание ко мне через деда — глупое и пустое занятие. Второе. Кто вы такая, чтобы брать на себя миссию учить меня? Третье. Кто вас просил врываться в мою комнату и устраивать там театрализованное представление перед моим портретом? Вы удивлены, Серафима Ларионовна? В столе, возле которого вы разыгрывали свою сценку, включился магнитофон и все записал. Ах, вы еще больше удивлены, у вас раскрылся ротик? Просто я иногда делаю так, он включается сразу при открывании двери. Если бы я не была выше ваших мещанских уловок, я бы сказала вам, что вы отвратительная и гадкая женщина. Вот так. И не смейте больше даже подходить к нашей квартире. Все! Будьте счастливы со всем своим вывотком!

Она встала, зябко подняла воротник курточки, втянула в него голову и пошла прочь от скамейки, от Симочки; уходила тяжело, словно все высказанное только что оказалось не скинутым прочь грузом, а наваленным на спину, и оно начало тяготить и гнуть.

Симочка все еще была растеряна, более того, она была опарашена всем этим сообщением о магнитофоне. Боже, чего, верно, она только и не городила там, глупая баба, перед старым дурнем, силясь убедить себя и его, что у Нелечки с Петей нет иного пути, как вместе.

Еще пара Целькиных шагов — и она свернет в сторону, исчезнет за кустами и вообще...

— Нелечка! Нелечка! — закричала она, схватила тяжелого сынишку на руки и побежала вслед, а Нелька не оглядывалась, не ускоряла и не замедляла тяжелого хода, словно бы не дошел

до нее всполощенный крик, словно не слышала, как настагает ее бегущая Симочка.

Она поймала девушку за рукав, дернула, сказала срывающимся от сбившегося дыхания голосом:

— Нет, Нелечка, ты послушай!

— Оставьте меня! — выкрикнула Нелька, но рукав не вырывала и даже остановилась.

— Неля, милая, — торопливо говорила Симочка, — послушай. Нет, ты послушай меня, ты культурная девушка, а я малограмотная простая работница, уборщица всего-навсего, зачем тебе меня обижать? Первым делом я извинения прошу, что, ну это самое, в квартиру вошла... Не врвалась я, входить-то робела нали...

Она наконец догадалась, что не надо держать на руках тяжелого сына, хотя он и сидел смирно, обвинив ее шею ручонками; расценив их, поставила его на землю, туринула:

— Иди, вон там посиди. И чтобы смирно! — он посугорил к указанной скамье, она же продолжала: — Ну и за это самое, за выступленьице-то... Уж не помню, чего я там и нагородила. За тмение на меня, что ли, какое нашло. Может, я не в своем уме чего там насочиняла... У меня такое бывает: как найдет говорение — останову нету...

Нелька наконец распустилась вроде, встряхнула волосы, усмехнулась чуть и съязвила даже:

— Может, и сейчас опять? Говорение-то провалос?

— Может, опять! Да нет вообще-то, Нелечка, нет. Сейчас я все говорю осмысленно. Все-все!

— Вы и там, в общем-то, глупостей тоже не городили, — сказала Нелька дружелюбнее. Когда меня тоска возьмет или напьюсь, буду вашу речь прокручивать. Вообще-то вы одну мысль интересную там высказывали, — проговорила девушка и оставила свои глазницы в Симочкины раскрывшиеся широко глазки. — Повторить? Про меня, конечно. Или для меня. Что в другой жизни, которую я не знаю, в которой работа, больше яркого и прекрасного, чем в моей... И еще, что своего журавля в небе я не нашла...

— Это я так красиво говорила?

— Представьте вы.

— Ужас! — тихо вздохнула Симочка. — И откуда что берется в моей пустой башке!.. Представляю, как падрывали животики твои приятели, меня слушая.

— Я прокручивала запись одна.

— Мам-мам! — закричал в стороне Олежка. — Мне скучно одному-у...

— погоди ты! — прикрикнула на него мать. — Счас я... Ты не сердчай на меня, я ведь без умысла. Ну, о Пете мне, конечно, не стоило...

— Не надо о нем, — попросила Нелька.

— Да я ведь придумала теперь, что как. Напишу, чтобы сразу после службы уезжал куда... Чтобы не увидел да не вспомнил все...

— Я вас просила: не надо об этом.

— Ладно, не буду. А Сергей Петрович расстроенные уехали, что у тебя вот... Не знаю, как лучше сказать, опять не обидеть бы... Да прямо и скажу. В общем, обижаются, что белоручка ты... Что сидишь дома такая молодая. Уж я напрямик все, ты не подумай, что специально говорю, но я же оправдаться перед тобой должна, что у нас за разговоры были. Конечно, и мне тоже охота тебе помочь, ведь что-то не находишь ты, в себе не нашла... Первое лекарство — попробовала бы работу какую ни на есть, ведь как в нее втянешься, конечно, не раз-раз, но все-таки, да заботы рабочие как одолеют, и ругать их будешь, да все равно бегом бежишь. Куда без работы? Тоска одна. Я вот семь лет нянькой в садике была, уж так мне в душе работа привилась эта. Чистишь, моешь, скоблишь, блеск наводишь, а уж с этими закаканными горшочками возишься! Все блестит, все сияет после тебя, все теплым вроде станет после рук твоих, и так тебе приятно, что ребятам уют и опрятность... Сердце от жалости к ним заходит... Вот и радость... А теперь я в цеховой копторе навожу чистоту. Из-за оклада перешла, ведь семья... Да и то мне интерес — после смены три часа, днем-то вольная птица. Для людей все, для других, а для меня кто-то другой что-то делает. Ведь на людях живем, не в лесной избушке... И, само собой, зарплата. Хоть маленькая, а все радуешься: то заведу своим полыгалам, другим угощу... Разве для тебя бы сто рублей в месяц лишние были... даже ради этого многие только работают, нук, что ж... Ведь всем надо жить... Вот и идут кто куда...

Она остановилась наконец. Спросила:

— Скажи, как ты на это? Что думаешь?

Нельку этот монолог, видимо, позабавил несколько, она сказала, чуть прищуривая глаза:

— Для меня такого вопроса нет. И для моих друзей тоже. Разве мы думаем о том, что вокруг нас воздух? Он есть, он должен быть и он будет. Так и остальное. Все есть и все будет. Должно быть.

— Как это? — простовато спросила Симочка.

— А так. Подумаете потом, поймете. Да и то не труд разве — форточку открыть, свежего воздуха пустить? Семь потов пролила Валька, чтобы своих предков уговорить. Лучшие в мире японские маги, шик и блеск. А у нее будет...

Вероятно, она говорила о той девушке с голубой кожей и черными ногтями.

— А-а,— протянула Симочка, делая вид, что все понимает, хотя никак не могла привязать все к форточке, помянутой сначала.

— Вот и все. Вы довольны? Будьте счастливы.

Она растряхнула волосы, подняла головку и королевой пошла прочь.

— Поговорили называется,— сказала Симочка...

В эту ночь она спала плохо, не в том смысле,

что просыпалась и прочее — нет, просто долго не могла уснуть; спала семья, тонко похрапывая рядом муж, в соседней комнате дрыхли умаявшиеся за день ребятишки; был безмолвен весь дом. А если там, на другом его торце, на четвертом этаже горит свет в Нелькиной комнате, поблескивают кассетки на магнитофоне, и девочка, лежа в постели, широко смотрит в потолок, и приглушенная музыка сама по себе, а она — сама по себе?

И думает о ее, Симочкиных, словах?

Как бы не так; это ты вот ворошишь все в памяти, сказанное ею, как загадку разгадываешь. А ей-то что? Сказала же: больше не лезь, и отрезала. Но более всего сейчас Симочку занимало не то, что получила от ворот поворот, как говорится, а те самые Нелькины рассуждения о воздухе.

И вдруг ее осенило.

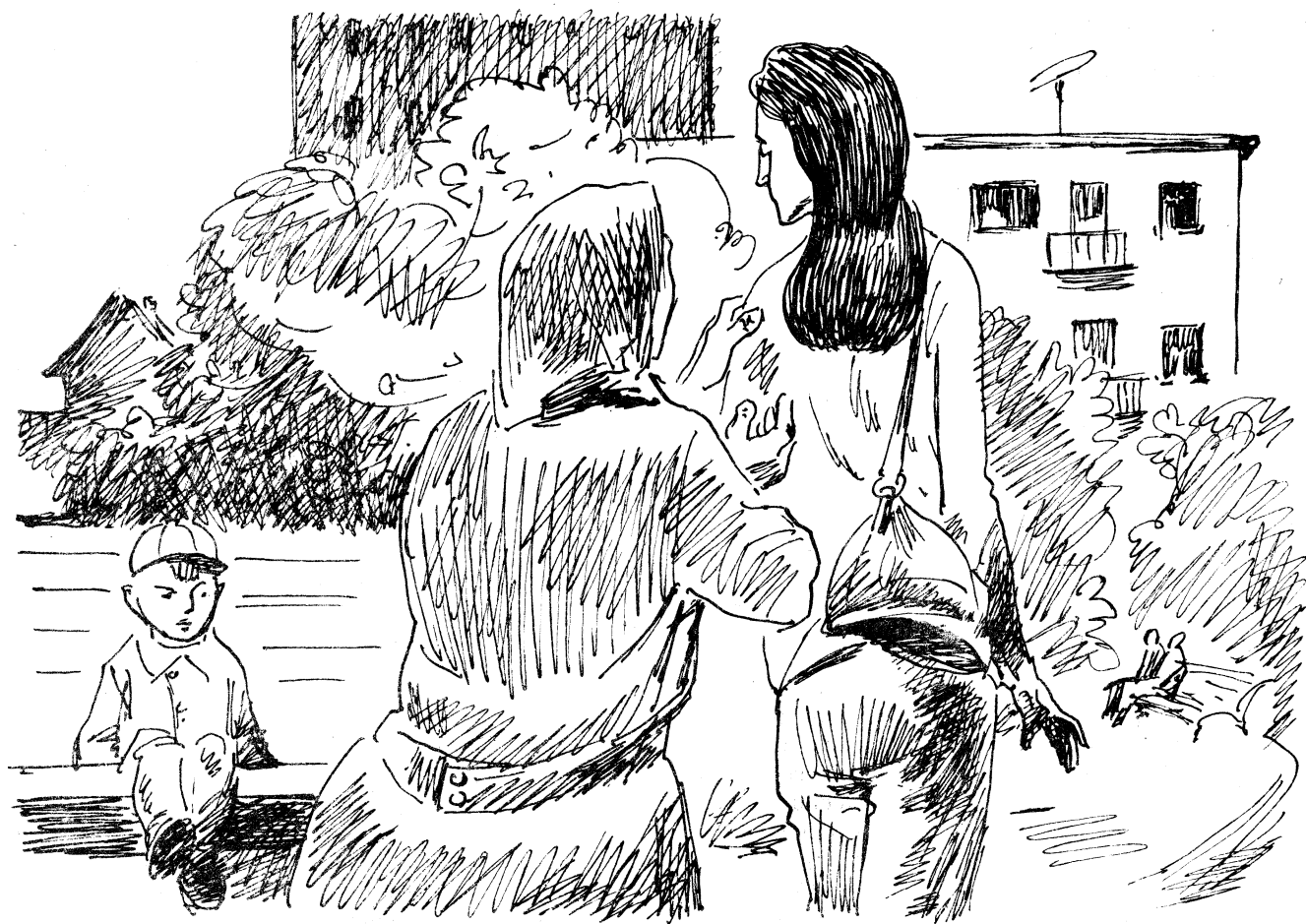
«Воздух вокруг нас есть, должен быть, будет». Вот что: все у них есть и все будет! Должно быть!

Да как она не поняла там, сразу? Симочка даже заворочалась под одеялом, печально толкнула локтем мужа, он повернулся на бок и стал дышать ровно.

— Вот как, значит,— сказала себе Симочка, не вслух, конечно,— вон еще как. Я ей — свою линию жизни, а она мне — свою? Что у нее, она считает, не только все есть, что душевныке угодно, но и должно быть само собой все; вот оно что. Во-он еще как... Комнатка, всяких платьев-кофт, юбок да брючек вдоволь, денежки мама с папой выдают по потребности. Два магнитофончика, а Вальке той, чернопальцевой, еще и японский берут. Поди, тыщу стоит. Это мне год работать. А машину — глиста тот — сам заработал? Да когда? На какие же шиши он купил ее? Вон, значит, как: все должно у них быть... Нет, девочка, не ровня ты моему Пете, не стоит, пожалуй, за одни красивые глазки такую краплю себе на шею садить. Да и забыл он, надо думать, раз не пишет писем. А ты тем более и говорить о нем не хочешь, и выяснили мы все. Так что, дорогой Сергей Петрович, мы с вами зря царпанались. Выдумали! Возомнили! Что пара будет, что Нелечка под его бочком вмиг переделается. Да какая пара! Какая пара! Это один от старого ума придумал, а другая, то есть я, от глупого ветра в голове. Так и напишу Сергею Петровичу, чтобы посмеяться старик надо мной, отвел душу...

Она все смотрела в темный потолок; от падающего с улицы света электролампы и деревьев были по нему узоры, они двигались медленно, шевелились — расплывчатыми тенями, и в одном большом округлом пятне вырисовывался вдруг тот Нелькин портрет, что висит на стенке в ее комнате: богатые волосы, огромные провальные глаза, в которых тоска.

Симочка зажмурилась, опять открыла глаза, всмотрелась внимательнее: пятно, конечно. Одна-

ко стоит чуть прикрыть ресницы — и опять кажется чудное лицо. Так и подумала: засыпаю, и вот в полудави, в полусне вижу... Вдруг подумалось с теплотой, что все равно Петя любит Нельку, не может забыть; все решается полюбовно: и уж в доме милая невестка, добрая она и внимательная, она ничего не умеет, но Симочка с радостью приняла ее и такую, учит, та старается, и все, все налаживается...

С этим она и заснула...

А под вечер, уходя на работу, взяла из школьной тетради листок, в книжке «Союзпечати» купила конверт, убрала его в сумку. Когда же все было перемыто, перечищено в последнем из семи ее кабинетов, она села на стул, отдыхая и обсыхая от легкой испарины, которая смягчила тело.

Этим последним по приборке кабинетом был всегда, конечно, кабинет начальника цеха, новый, как и все другие, отстроенный недавно. За него братья сразу никак не доводилось: у начальника всегда дел больше всех и засиживается он тут чаще.

Отдохнув, она достала конверт и бумагу, села сбоку к маленькому столику, приставленному торцом к середине двухтумбового начальника,

но, подумав, поднялась и перешла на главное здесь место. Села, положила расставленные руки на столешницу, как любит делать Андрей Саввич, огляделась профессионально: линолеумовые квадраты блестят, стулья сверкают лаком, стекла в окнах прозрачны, на шкафу, на телефончиках ни пылинки.

Осталась довольной и после тотчас же представила себя в роли того, кто по должности и по праву занимает стол.

Прищурила глаза, сосчитала стулья вдоль стен: тридцать. «Садитесь, товарищи». Мастера, начальники смен, технологи, экономисты — все уместятся. Зам, он же секретарь партбюро, предцехкома, комсомольский вождь — за приставным столиком. «Все в сборе?»

Слева телефон: белый — прямой директорский, красный — городской, черный — от заводского коммутатора; динамик селектора из пластмассы, пачки бумаг, папки. Справа у стены, на стеллажах, — образцы цеховых изделий.

«Будем начинать?»

«Да, Серафима Ларионовна».

Очень, очень жаль, что у Симочки всего-навсего семилетка, был бы хотя бы техникум... Она

бы кой с кого тоже спросила. С людьми она умеет ладить тоже, она бы разве не потянула цех?

Не сложилась такая дорога, а то бы...

Если бы вернулся с Отечественной отец, если бы не болела мать... Как мечтала Симочка уехать с девушками в Свердловск, сразу после семилетней школы, в том светлом и зеленом мае тысяча девятьсот пятьдесят пятого...

— Однако будем начинать, товарищи, — смешливо сказала она вслух, в карандашнице выбрала одну из трех авторучек: шариковые забраковала, взяла перьевую, потому что в те времена, когда училась и, естественно, писать приходилось сравнительно много, пользовалась только стальными перьями; она более всего любила «ласточку», с пупырышком на кончике; а потом завела себе Симочка даже наливную ручку.

А какой был у нее веселый светлый почерк!

Прежде всего — прямые, без наклона почти, букочки, узкие, высоконькие, как вроде девочко-подростки одна возле другой. Теперь почерк стал хуже, но вообще-то иногда она дает своим шалопаям шороху, потому что они хоть и труженики, но все равно парни, и у них никогда-то не бывают чистыми руки. Вот и намажут, вот и налезят в тетрадах каких-то чертеныт вместо букв. Правда, у старшего, у Пети, почерк приятный, отличный, на особицу, а у этих...

Вспомнив о сыне, она вспомнила в конце концов и то, для чего сидит за начальниковым столом, на его стуле, вовсе не затем, чтобы фантазировать о всякой чепухе или своим школярам делать проборку, а по делу: надо написать Сергею Петровичу письмо да сегодня же отправить, и вообще расслаживаться не то время, за Олежкой хоть и ходят старшие, но дел дома по горло.

«Многоуважаемый мой Сергей Петрович, Вам пишет Вас интересовавшая в нашем дворе болтливая женщина Симочка, Вы со мной имели много разговоров и даже варили кофе, оно было очень вкусное, и я потом варила такое же».

Она поставила точку, перечитала написанное, осталась очень довольной.

Однако, столь легко написав большую фразу, она не смогла столь же плавно и красиво изложить вторую, то есть вообще не смогла ее даже начать, хотя подумала сперва, что все напишется, как песня споется.

Но Симочка не была бы Симочкой, останься она наедине со своими размышлениями о трудностях неизвестного происхождения дальнейшего своего письма. Сперва ее отвлек стакан, стоявший на черном, с красными ромашками подносике рядом с графином. Графин хрустально сиял своими спирально витыми боками, полный холодной воды, налитой полчаса назад. Но стакан! Сбоку на него падал свет, и он высветил на тонком стеклышке отпечаток пальца! Неужели она забыла протереть стакан? Это был непорядок, это была целая оплошность, которую следовало немедлен-

но исправить. Встав и выйдя из-за стола, она взяла полотенце, протерла стакан, потом налила в него воды, выпила ее и снова протерла.

Села на прежнее место, то есть на начальниково: все блестело.

Однако лежавшее сиротливо письмо не было сразу продолжено, потому что Симочку отвлекли новые мысли — об оранжерее.

Все дело в том, что после завершения этим летом пристроя к цеху, так называемого в цеховом обиходе «южного», образовалась угловая комната — на юг и запад — с широченными и высоченными оконными проемами. Помещение было хоть и не велико, пять метров на пять, свету там было обилие. Предполагали отдать этот светлый уголок под выставку цеховых изделий.

Симочка сказала как-то технологу Соколикову:

— Будто не видели рабочие свои железки! Да всю смену об них глаза мозолят. Вы тут оранжерейку сделайте, вот что. Свету-то сколь! С зеленью, с фонтанчиком, со скамеечками деревянными. Устанут бабоньки за станками, оторвутся, придут в зеленый сад, и на душе повеселеет.

— Так тебе же только работы добавится, — ответил он.

— Я же для народа...

Соколиков прищурился в ухмылке:

— У тебя, Ларионовна, хоть и государственная голова, да должность не тае...

В общем, не то что поддержал, а посмеялся даже.

Тогда Симочка выскочила на рабочем собрании. Комсомолки и женщины ее поддержали. В конце концов выбрали не то комиссию, не то совет, группу ли, которой и поручили взять на себя всю инициативу по завершению не начатого еще дела. Естественно, что была выбрана и Симочка; более того, цеховой зам Злобин потом предложил ей вообще стать там хозяйкой, а молодых-то пособниц полно, даже по такому случаю пообещал ей от имени самого Егорова убавить ей площадь уборки до трех-четырех коридоров и предложил: ищи помощницу, молодую. «А старую-то нельзя?» — спросила она. Ей резонно ответил Злобин, что молодую-то лучше.

А с Соколиковым еще один разговор был, несколько необычный. Человек он хотя и не первой молодости и даже чуть старше средних лет, но... В общем, человек он хоть и видной наружности, и хотя у Симочки и ножки, и фигурка, особенно если посмотреть со спины или сбоку, по разне он кобель такой, не обязан знать, что она мать семерых и вообще женщина порядочная? Такую шуточку на его намек сказала, что теперь ближе метра к ней и подойти боится. Надо таких воспитывать, а то как же?

Сейчас, перебрав в голове все это, она совершенно неожиданно, как осененная чем-то, придумала: а что, если взять себе в помощницы эту самую Нельку-Гаянэ?

Молодая, красивая... Ну, опыта нет, прилежания... ничего: научить можно, помочь, если повозиться. Правда, будет такая опасность, что тогда ни одну уборку спокойно не проведешь, из каждого угла по парню глазеть будет. Да лентяйка-то с мокрой тряпкой на что? Любого изгнать можно.

А если вообще отдать оранжерейку Нельке — пусть будет цветоводом. Вот о чем она напишет Савельеву!

Ей даже и мысли не пришло об абсурдности этой идеи, что предлагать этой сахарной девушке идти в уборщицы — это вообще черт-те знает что; нет, идея Симочке понравилась. Пусть нет у нее с Петей ничего, но за трудовое воспитание девушки все равно кому-то надо браться...

Подумав еще и улынувшись себе, она вновь взяла ручку в пальцы и стала продолжать письмо, оно написалось теперь легко и заняло лицевую и обратную стороны листа.

А закончено было так:

«Писала заинтересовавшаяся Вами соседка Вашей внучки. С поклоном и поцелуем к Вам Симочка. Жду ответа, как соловей лета».

Написав по памяти адрес, у нее отлично запомнилось, как мимоходом в беседке тогдашней Сергей Петрович назвал село и совхоз, где проживает он с дочерью Катей и ее девочками, заклеила конверт, щедро облизав язычком клеевую кайму, еще раз привычно и придирчиво оглядела кабинет, передвинула чуть к центру столика поднос с графином и встала. Забрав от двери ведро, лентяйку, понесла все в свой угол, под лестницу, довольная этим вечером, и рабочей его частью, и заседавшем за начальниковым столом. А более всего — сочиненным письмом.

5.

Совершенно неожиданный отъезд из дома молодой, усталой дочери Ангелины, которую он не видел пять лет и у которой хотел первоначально побыть месяц, оказался для Савельева решающим, чтобы принять, как он понял, единственно необходимый ему шаг. Поезд вытянулся со станции, оставив позади Нельку и Симочку, кирпичный вокзальчик, глухую каменистую выемку и ту непривычную гору-пузырь.

Савельева одолела вдруг тяжесть.

Не имея сил заняться постелью — ведь за тюфяком надо тянуться на третью полку, — он лег на свое место, вытянул ноги в проход и закрыл глаза.

Стучали все убыстренней колеса, вагон покачивался и вздрагивал, Савельев тоже внутренне вздрагивал при толчках и качаниях. Голова его была не то что пуста, а словно бы пакачана густым звенящим воздухом.

На полке напротив сидели три девчонки, примерно Нелькиного возраста, в джинсиках и легких кофточках, особы по всему деятельные, но вынужденные томиться в этом узком пространстве.

Они, заметив угнетенное его состояние, заинтересовались здоровьем, хотели принять участие, но он сухо от всех услуг отказался и попросил не обращать на него внимания, что они и сделали. И он тоже остался словно бы один в несущемся и грохочущем мире.

Так лежал Савельев, не меняя позы, не отрывая глаз, до глубокого вечера, в полуяви и в полудреме, отрешенный от всего — даже от мыслей.

Кто-то, проходя по вагону, задел его ноги, Савельев вздрогнул и открыл глаза. В купе горел слабый свет, с верхней полки над ним торчала девичья головка с румяным личиком, обвешанным темными прямыми волосами, с противоположной верхней полки выглядывала рыжая головка, а напротив него сидела третья девушка и, улыбаясь, что-то говорила, возведя кверху глаза и вздержив носик.

Он сел: девушка тотчас предложила ему выпить чаю — на столике стоял полный стакан, пригнула печенье.

Он поблагодарил и выпил холодный чай. Потом девушка сходила к проводнице за бельем, достала матрац, застелила его полку, сказала:

— Теперь отдыхайте поправски. Вы сели к нам такой усталый, мы боялись вас потревожить... А мы в дороге уже третий сутки, привыкли. Мы едем в Сибирь, на стройку. Сами... Вот сговорились и поехали...

— Это хорошо, — сказал он. — А сколько сейчас времени?

— Девять вечера. Но у нас московское.

— Значит, полночь, — сказал он, отодвинул занавеску и посмотрел в темь: что-то неясно мелькало там; когда пригляделся, заметил вблизи проносящиеся в оконном свете камешные уступы, провалы — уральская земля...

— Вас провожали дочь и ее дети? — спросила с верхней полки та девушка, у которой были рыжие локоны.

— Не совсем так, — ответил. — Соседская женщина с сыночком, чужая. И еще внука.

— Красивая она у вас...

— Как ее зовут?

— Где она работает? Или учится?

Вопросики были заданы всеми, но Савельев ответил только на один:

— Нелли. — И подумал, что ничего не изменилось бы, скажи он любознательной троице иное ее имя — Гаянэ. Или удивились бы? Ведь не армянка его внука, хоть и черноволоса...

Подружки окончатительно расположились к нему. Они начали выспрашивать его о детях, а когда узнали, что было три дочери, заулыбались, затараторили. И более всего их интересовало, кто

они. Ему был понятен этот интерес: девчонки на пороге жизни, ищут свою дорожку в ней, и всякий чужой опыт для них — поддержка себе.

— А как их зовут? — и это им было почему-то важно.

— Старшая Валентина.

— Как я, — мечтательно сказала черненькая.

— Она ушла в сорок третьем на фронт... — Далее Савельев не стал говорить, смолк ненадолго, преодолевая неожиданную спазму в горле. — Вторая Катя. У нее живу, к ней и еду. Она в совхозе — экономистом. Три доченьки у нее, школьницы. А гостил у младшей, Ангелины. Эта у меня по всем статьям вышла. Выучилась, активистка. Профсоюзный теперь работник...

Что ему было не рассказать о своих дочерях? Хоть кому не стыдно рассказать. Гордиться можно.

Савельеву было хорошо с девчонками, он уже лег, и они, пригасив освещение, стали говорить о чем-то своем; он не прислушивался, но долго не спал и думал уже спокойнее о себе и все удаляющейся Нельке и вроде бы становился равнодушнее к ее судьбе. Но стоило на миг зримо представить Ангелину, устало заснувшую в кресле, вспомнить так свою милую беспокойную младшенькую, которую он, может быть, любил за двоих — и за погибшую Валю тоже, как становилось невыносимо трудно и тревожно ему, и у тревоги была одна только причина, одна, как боль, которая давит все, — Нелька, эта задавшая ему задачу внука...

С этой болью он и уснул.

День прошел легко, девочки были услужливы и предупредительны, приносили ему чай, брали у лотошницы горячий рассольник.

Под вечер он сошел, девочки проводили его как родного, вынесли чемодан и завернутую в полиэтиленовый мешочек Симочкину астру, причем стелье ее обложили мокрой ватой, дали положенные напутствия и пожелания.

Девочки долго махали ему, сбившись грудкой в открытой двери за спиной проводницы с желтым флажком, и ему было радостно за них, он тоже стоял и глядел уходящему в сибирскую даль поезду.

В автобусе же он опять почувствовал какую-то тяжесть, но отнес все на дорогу и крепился.

Семьи дома не было, это показалось ему странным. Пока автобус катил его до родимой крыши, успело стемнеть. Закат был по-степному медленный, горизонт затягивался розово-синеватой дымкой, степь вновь дарила старику свое бесконечное пространство.

Он решил, что семья уехала куда-нибудь на озеро, ведь зять держал «Москвича», вот и укатили. Еще более утвердился он в этом предположении, вспомнив, что завтра суббота.

Записки ему никакой не оставили по той простой причине, что не ждали его приезда, он же сам не побеспокоился дать телеграмму.

Приготовив глазунью и вскипятив чай, поел без аппетита, походил по пустому дому, включил телевизор — там показывался многосерийный телевизионный фильм о дореволюционной поре; будь что другое — оставил бы, а тут сразу выключил, потому что все подобные картины казались ему петыми-перепетыми, все на одно книжное лицо: мужики с бородами, бабенки в длинных подолах и с чужими мужьями по закуткам, гармошки — будто только это и было, а ничего более в старой-то жизни. А работа изнуряющая, нужда каждодневная, а вера людская? Куда большие интересовало его смотреть на современную житуху... Пусть плохо порой сделано, да без набившего оскомину бабье-мужичьего вертенья сермяжных лиц.

Вот чем не картина — черненькая попутчица. И вообще все бывшее с ним в поезде показалось коротким и интересным кино с живыми людьми и с жизненными их заботами и мечтаниями. А в начале этого кино, как заставка — Симочка и Нелька.

Вспомнил о Нельке, резко и остро кольнуло сердце.

Посидев недвижно в надежде, что неприятные эти ощущения пройдут, Савельев благодушно отнес все опять на дорожные неудобства: в автобусе было пыльно, трясло, к тому же затягивало в вагон выхлопную вонь, а это за четыре-то часа как еще отравило организм.

Чуть отсидевшись, он нашел в буфете сердечные капли, принял их и лег в постель.

Сердце болело — и все о ней, о не понятой им внучке и ее матери, его милой дочери Ангелине.

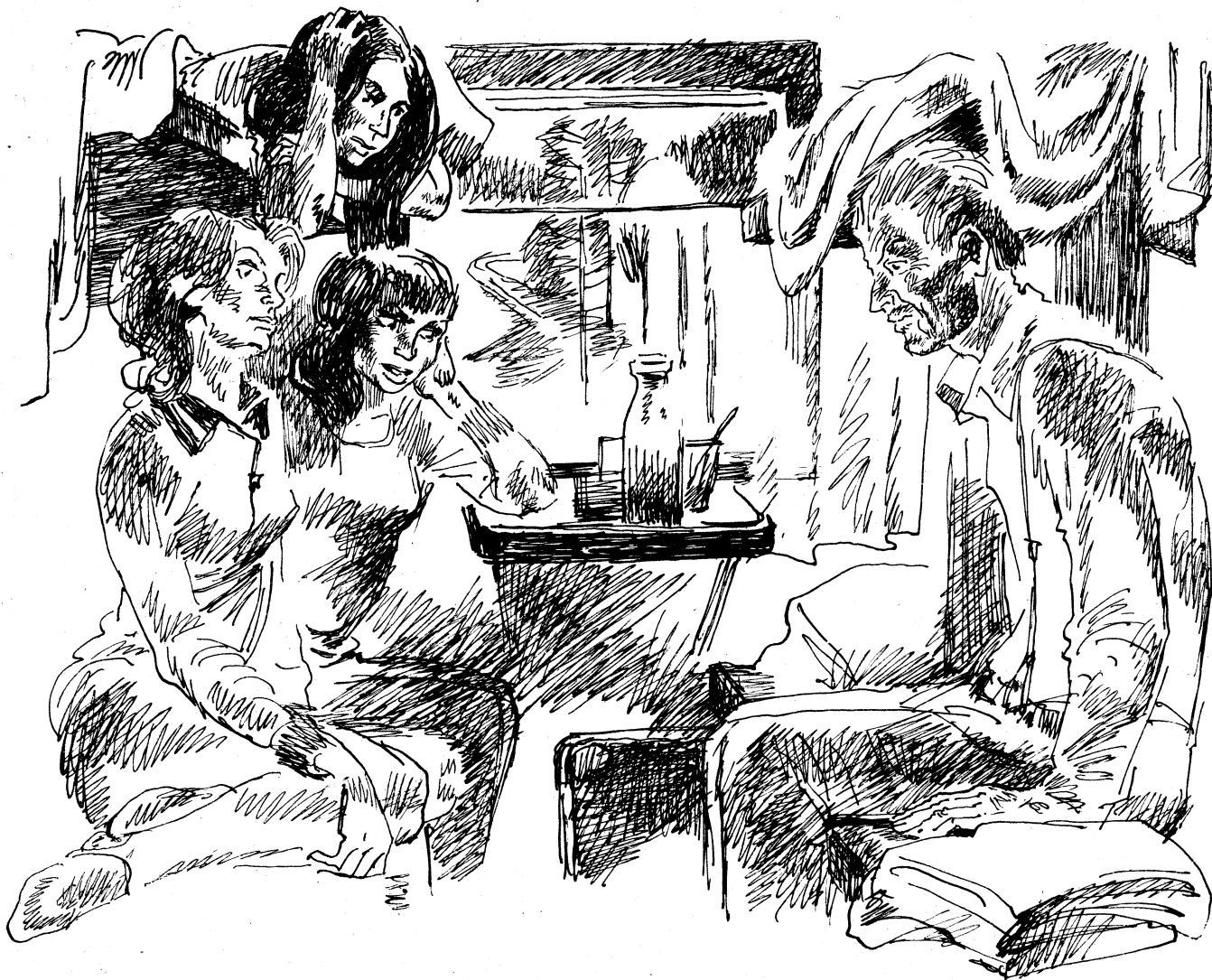
Вернулось и то, что угнетало его там, в коричневом уюте никишевской гостиной. Нечего храбриться, все отходит, нет никаких возможностей твоих что-то изменить. Вроде бы порвались исподволь все канаты, которыми был связан с жизнью, хоть она через них подстегивала тебя, но и ты, как вожжами, порой тоже мог наддать ей.

Вот оно, начало того ухода в себя, которым ты означил конец человеческого существования. Выходит, уже при жизни стареющий человек лишается почти всего, загоняет самого себя вовнутрь?

Это было спокойное, почти равнодушное размышление, это было примирение с мыслью о приближении того, во что прежде, понимая умом, сердцем все ж не верил.

Семья вернулась на следующий вечер; девочки обрадовались деду, но и испугались его перемене. Дочь Катя, подсев к отцу, увидела его немые, просящие о чем-то глаза. Он пытался говорить что-то и не мог. Врача зятек привез скоро, тот замерил давление, прослушал Савельева, поставил два укола, выписал лекарства, говорил, но Савельев не мог понять его слов.

Он задремал, и ему казалось, что он по-прежнему едет куда-то в поезде, у него там дружная семья, хоть и все чужие, но все равно свои.

6.

Опять пришли теплые августовские дни. Уже не сушит землю июльская жара, но и осень еще не дышит в лицо стужей и ветрами, а все мягко и ласково, городок млеет под добротой солнца, воздух недвижим; листья на деревьях дышат долгим покоем.

Симочка, возвращаясь с работы и обойдя магазин, с сумкой в одной руке и тугой авоськой в другой, шла по той самой аллейке, где состоялось недавнее, в общем-то малопривлекательное объяснение с Нелькой. Естественно, что именно о ней она сейчас и подумала, проходя то самое место, где стояли; да и не вспомнив, все равно бы заняла свою голову ею, потому что в стороне на скамейке увидела именно ее.

Нелька была в длинном дорогом платье, красновато-коричневом, с темными пятнами, из-под которого менее чем наполовину высовывались ее полные загорелые ножки в туфлях на пробковой

подошве. На коленях ее покоился котеночком магнитофон, голова девушки была склонена к нему, лицо почти все завешано волосами, виделось только одно ушко с малиново горящим камнем сережки.

Совершенно просто так Симочка шагнула в ее сторону, но все же, не дойдя шага три, остановилась.

Подумала даже: наверное, девчонка пришла на свидание, но тут же поняла своим пронзительным умом, что нет — так не ждут. Просто сидит, отчужденная от всего, ушедшая в тихую музыку.

А музыка была напевная, мелодичная, потом женский голос запел нерусскими словами, но страдание голоса, его жизнь и биения были понятны сегодня Симочке, они тронули ее.

Чуть поколебавшись, она подошла, скромно села рядом.

Нелька повернула лицо, совершенно не удивясь, сказала:

— А... многодетная мать.

— Ага, я, — улыбнулась Симочка.

Так же равнодушно Нелька спросила:

— Что же без хвостика?

— Старшие взяли. У меня есть кому.

Нелька опять склонила лицо, чуть прибавила громкость. Певица допела ту, понравившуюся Симочке, песню, запела другую, и опять ее голос как бы дожилася в душу.

— Я не мешаю? — догадалась спросить она.

Нелька качнула волосами — нет.

Симочка подумала о своих: вот, оболтусы, не дают ей с отцом проходу, канючат магнитофон. А она все отговаривалась, но зачем уж так сурово, поняла сейчас, с ними; не он виноват, не сам по себе плох приборчик, но что-то иное, с ним связанное, как у Нельки и ее друзей.

— Кто это так душевно поет? — спросила она.

— Мирей Матье. Франция, — сказала Нелька, то есть назвала то имя, которое Симочка услышала впервые в машине, тогда, в той компании, с которой ехала.

Опять молчали. Наконец, девушка выключила магнитофон, повернулась и спросила:

— Ну. И что вы намерены сказать мне? Мы, кажется, прошлый раз уточнили все позиции.

— Работать тебе надо пойти. Вот что, девочка.

Вот так и сказала без всяких там вступлений и околичностей самое главное.

— Да? — сказала Нелька и вздохнула.

— Так вот, милая Нелли.

— Может быть, в технички пойти? С вами на пару?

— А что? — обрадованно сказала Симочка. — Между прочим, именно это я и хотела тебе предложить... У нас в двадцать третьем цехе, где я работаю, еще одну техничку, то есть уборщицу, надо. И в цех людей тоже надо. Много. А вот уборщицу только одну. Убирать в конторе. Да мы еще такое дело выдумали: оранжерейка у нас будет, сад зимний, вот что будет! Ну, мне и велели: ищи помощницу, молодую. Да ты знаешь, как хорошо! Уж если ты придешь, так и быть — оранжерейку тебе отдам, а то сама хотела ее взять. Пальмы, фикусы поставим, каллы разведем, розы... И травку посеем в лотки, у нас как-то в одну бескормную зиму цеху задание давали: для подшефного совхоза на гидропонике овес да ячмень сеяли. Луг, ну лужайка зеленая была зимой, красота такая... Представляешь, отдых у людей там какой будет? И птичек со временем заведем. Ну, на первой поре воробышков пустим, пусть чирикают. Лето зимой будет, весна... Представляю, да если ты еще там в ухажерках будешь... От парней дверь на замок закрывать придется... А начать с уборщицы, то есть с технички, это для молодой девушки ничуть не зазорно. Куда ты там потом, в какой верх ушагаешь — дело далекое, а начинать лучше с простого. И то, уж кто-кто, а ты на виду будешь... Да и это не малое дело, может для тебя особенно и важно, что не будешь семь-во-

семь часов привязана: у нас, у техничек, смена короткая. Кто с утра, кто вечером. А день почти весь свободен, что тебе? И друзей навестить, и съездишь куда, и музыку послушаешь вволю свою... Ой, представляю... Руку мне пожмет начальник за тебя; он все говорит: не место красит человека, а человек место. Как ты не украсишь? А? Я помогу тебе...

Так выпалила она все, что хотела сказать, повторяя одно и то же не единожды.

— Вы серьезно? — спросила Нелька, глаза ее смотрели на собеседницу как-то удивленно.

«Неужели заподумывала? — спросила себя Симочка, и сердечко ее задохнулось. — Неужели уговорю?»

Она снова начала повторять в основном то же и так же быстро, но Нелька перебила ее:

— Скажите, а надо мной не будут смеяться?

— Нет! — решительно выпалила Симочка, думая о том, что надо спешить с разговором, довести его до ума, не дать порваться той ниточке, которая хоть и ненадежно, но как-то сейчас связывала их.

— Нет и нет! Даже никто. Рабочие уважают любую профессию. Все дело в человеке.

— А с чего начинают? Как оформляются?

Столь скорого согласия Симочка не ожидала, она опять быстро-быстро заговорила о том, что лучше идти не в отдел кадров, а сразу позвонить начальнику цеха Егорову Андрею Саввичу, назвала номер телефона, попросила записать.

— Запомню, — отговорила Нелька. — Я все запомню. Представляю выражение лиц наших мальчишек.

Она засмеялась, спросила:

— А магнитофон я смогу с собой приносить?

— Конечно! Конечно, миленькая. Все можно. Так ты позвони. Как договоритесь, я тебя приведу к нему...

— До свидания, — ответила Нелька и встала, огладила платье. — Я позвоню.

Она ушла, а Симочка восхищенно смотрела ей вслед — на ножки, на красивое длинное платье, на милую девичью головку, и опять в ней взметнулась другая — давняя — надежда, что не будет ли это начало Нелькиной работы и ее возвратом к мысли о Пете?

Ведь что-то гнетет девочку, что-то творится с нею...

А вообще, все еще сидя и улыбаясь, Симочка ликовала. Да и как ей было не восторжествовать, коли уговорила Нельку пойти в цех, пусть в уборщицы, да это же только первый шаг, а там если не сама подглядит другую в цехе работу, то ей непременно предложат что-то очень хорошее. Может, сразу и предложат, как придет оформляться. Да ни один человек не пройдет мимо такой девушки с такой замечательной наружностью. Конечно, нельзя будет ей никак засидеться в техничках, то есть в уборщицах, ну никак...

«Вот, Серафима, — сказала себе, чуть посмеиваясь над собой, — вот вишь как? Конечно, не раз, но все-таки... У нас, брат, осечки не бывает...»

И три дня ходила довольнешенька собой.

Особенное удовольствие в эти дни ей доставляло хождение по цеху. Ну, хождением это даже и назвать нельзя, потому что взад-вперед она, конечно, не ходила, но спускалась со второго этажа специально. Сначала шла на участок штамповочно-заготовительный, там всегда было несколько торжественно и мрачновато одновременно: стояли монументами четырехметровые прессы, в них, даже не работающих, чудилась великая мощь, да и те, что были в деле, стояли так же непоколебимо и внушительно; если что и двигалось со вздохом и тяжелым ходом, то внутри, почти незаметно; только жамкал, приохивал сдавленный металл — и вот уже вынимает из-под штампа обработанную заготовку какая-нибудь бабошка, остроносая, остроглазая, с подмазанным черным щечками...

Посмотрев на экономные, этакие свойские возле многотонной машины движения этой бабошки и поудивлявшись, шла далее; на втором участке, напротив, стояли станочки мелкие, быстренькие, а возле них все девчонки да девчонки, долгоногие и долгошеие, с ужасно раскрашенными лицами. Они были сосредоточены и увлечены, веселы и беззаботны, болтливы и молчаливы — у кого как и когда как. А вообще-то здесь была молодежная бригада, девичья, известная всему цеху. Девчонки умели работать. И шуметь умели, и с парнями успевали заняться, а особенно в конце той второй смены, когда начинали возникать на участке то возле одной, то возле другой встречатели-проводатели.

Именно эту бригаду, а точнее место в ней для Нельки, и держала в уме Симочка сначала-то. Самое бы ей место тут, если не в оранжерее-то, окунуться в настоящую заводскую жизнь.

Изредка захаживала Симочка еще в один угол, с некоторой робостью: к знаменитой Метелиной, в бригаду шлифовщиц; ее-то она знала в лицо, видывала, но говорить не говаривала, хотя слышала о ней много разного и не прочь была узнать сама, своими ушами услышать от нее; одни сказывали, что в метелинских ежовых рукавицах работницы и пикнуть боятся, другие, напротив, распространялись, что она душа-человек, ее любят и потому охотно ей подчиняются.

Вот бы где было полезно начать свою карьеру Нельке.

И еще было одно хорошее местечко — на сборке. Там тоже все молодежь, девчонки да молоденькие женщины. И тоже бригада, двенадцать человек. И учиться делу там не трудно, и работать сносно, сама бы пошла с превеликим удовольствием.

На сборке помещение было самое устроенное и светлое: высокие белые колонны, на одной стене рисованная женщина с ребенком, а на другой —

вообще целая выставка. Третья стена вся в окнах, на подоконниках зелено; сборщицы и подержали Симочку, когда она предложила сделать оранжерею, и посулили для начала отдать туда половину своей зелени.

Пройдя через участок сборки, она выходила в помещение ОТК, и там было женское засилье; да и какой цех ныне на три четверти не тянут женщины?

Можно бы Нельке и в контролеры, работа хорошая, хоть и нервная: попробуй-ка изо дня в день втолковывай человеку, что он работает не по совести или в спешке допускает всякие отклонения и считает, что сойдет.

Поздоровавшись со знакомой Анной Спешиловой, она шла дальше, замыкая кольцо, в конце которого было мужичье царство: группа цехового механика. Токаря, слесаря, сварщики, ремонтники — голимое грубое мужичье да горластые парши; если же тебе что не так или чем выделяешься ты, скажем, походка ли у тебя особая, или бедра приметные, все обсосут глазами да еще словечко негляденькое подбросят.

Из ремонтного участка — в огромный основной пролет, где за оборудованием и мужичины, и женщины, но все более зрелый народ. А уж отсюда можно снова выйти по железной лесенке на свой второй этаж.

«Этой дорожкой и проведу тебя, Нелечка, приглядывайся...»

Несколько раз спрашивала у начальника: не звонила ли девушка по имени Нелли, которая намерена наняться в цеховые уборщицы.

В конце третьего дня, завершая уборку в его-ровском кабинете и вспоминая все о Нельке и Савельеве, о письме, написанном здесь к нему, она улыбалась и напевала вполголоса.

Хорошо ей было, легко и вообще приятно.

Дома все идет своим чередом, от всех трех сынов на одной неделе прилетели весточки: Петя повторно сообщил, что ему маячит отпуск вощение за отличную службу, а гнэптэушники похвалялись успехами в овладении ремеслом краснодеревщика и монтажника.

А о школярах и говорить нечего: они при своих руках, из них еще веревочки вить можно.

Здоров и последний, Олжек:

Золотые вы-ы песо-очки-и...

Да ты... серебряна-а-река-а...

Тут зазвонил телефон и оборвал песню. Она подошла посмотреть, который звонит аппарат; если директорский, то надо обязательно ответить. Мало ли что начальству может потребоваться в этот неурочный час.

Однако звонок исходил из красного аппарата. Кто-то добивался из города.

Ради любопытства подняла трубку.

Мужской красивый, но нагловатый голос:

— Двадцать третий?
— Да. Это кабинет начальника, — вежливо и мягко ответила Симочка.

— Кто слушает?

— Его нет. Время вышло.

— А ты?

— Вы мне не тыкайте. Я техничка. То есть уборщица.

— Значит, это ты, старая тряпка? Как делишки, Симочка?

Она враз вспотела, но ответила:

— Почему вы со мной таким тоном?

В трубку ворвался острый женский голосок, явно пьяненький, пискнул:

— Привет от нашей подруги Гаянэ!

Симочке в лицо бросилась кровь, она догадалась теперь, что за собеседники: Нелькина компания.

— Если вы мне хотите сказать что-то, то и скажите по-человечески.

Хохот, выкрики понеслись из трубки, она даже вынуждена была чуть отнести ее от уха. Тонкий женский голосок издевался:

— Неужели ты настолько тупа, что не поняла розыгрыш Гаянэ? Что она смеется над тобой? Ты подумала: Гаянэ в уборщицах?!

— Да, я подумала, — достойно ответила она, владея собой. — Я знаю, что любая работа...

— Отсталая дура!

— Вы не смеете!

Та продолжала, не обращая внимания на реплику:

— Наша Гаянэ — человек тонких чувств, а ты ей хочешь дать в руки мокрый вехоть!

— Подождите!! — крикнула Симочка. — Пойдите!! Вы слышите? Если Неля с вами, пусть она подойдет к телефону!

Там стало тихо. И вот знакомый и незнакомый голос сказал:

— И что? Что же еще ты хочешь сказать мне, многодетная мать? Может быть, у тебя есть диск Джо Дассена? Или Дика Кросби? А о чем-то ином разговора у нас не получится.

— Неля! — выкрикнула она, надеясь еще, что хоть нечто малюсенькое осталось у девушки от их разговоров, что весь этот тарарам вовсе не от нее, а от противных узкоплечих существ, которые схватили в свои щупальца и не выпускают умную, но растерянную внучку Сергея Петровича Савельева. — Нелечка, как же так...

— А никак, — сказала чуть грустно она. — Разве не прекрасна моя житуха без того, в чем ковыряетесь все вы? Оставьте меня. И больше не лезьте...

И трубка стала давать короткие гудки.

Так закончился большой Симочкин праздник.

Она села на пол рядом с ведром и лентяжкой и дала волю слезам, потому что было горько и обидно. Старалась, старалась, ведь не для себя же, и вот благодарность...

Однако слезы слезами, а дело требовало ее рук, и она, вскочив, остервенело начала протирать пол тряпкой, вытянув ее из зажима...

После этого вечера она стала искать встречи с девушкой. Часто без особой на то нужды выходила во двор; на работу идя или с работы, специально двигалась медленнее, чтобы растянуть время и тем самым, так сказать, увеличить вероятность встречи с этой дрянной девчонкой по прозвищу Гаянэ.

В крайнем случае — с Ангелиной, с ее милой мамочкой.

Стала бы Симочка говорить с той или другой, поругалась бы в полное свое удовольствие — она не знала, однако встречи ждала.

Но Никишевы как сквозь землю провалились: один раз только перешел ей дорожку сам Никишев; она, выходя из двора, огибала угол дома, тут на уголке и разминулись. Никишев был мужчина гордый и отчужденный по отношению к соседям: никогда не замечал Симочку и не здоровался с ней. И теперь, оставив вперед свою шоколадную бородку, завесил глаза шляпой и прошел, как мимо пустого места.

«Ух, чистолюй! — подумала с неприязнью — она не любила таких отчужденных от людей чело-вечков. — Не видишь ничего! Так и дочку проглядишь, если не проглядел уже!»

Ровно через неделю после того звонка в цех, возвратясь к семье позднее обычного — промывала опять успевшие запылиться стекла кабинетов, Симочка накормила своих и прибиралась. Муж, возвратившись с работы «под турахом», как называла она это его состояние, бывавшее, впрочем, редко, спал. Там же возле него сон сморил и Олежку. Пятиклассник Владик оккупировал обеденный стол и стругал досочки: собрался ладить корабль. Третьеклассник Сережа был заядлым книго-челом и сейчас читал, забравшись с ногами на пустую кровать. Этот неисправимый читатель знал уже столько всякой чепухи, как считала Симочка, что можно было только диву даваться. Первоклассник Егорка не был занят ничем и маялся от того, что братья занялись каждый своим делом и не обращают на него абсолютно никакого внимания. Наконец, он сел к уголку стола и стал тыкать пальчиком в аляповатые штампованные цветочки на клеенке, пересчитывая их по клеточкам.

И тут раздался у двери звонок.

Вытерев руки о передник, Симочка пошла в коридор, стукнула задвижкой, открыла дверь и отступила.

На пороге стояла Нелька.

Эта пестрая курточка, мокро поблескивающая на тугой груди, на распущенных волосах бусинки. У девушки был просящий, немного смущенный вид.

— Я войду, Серафима Ларионовна?

— Боже! Да какой разговор! Да пожалуйста,

так. Может быть, просто потому, что меня не приучили. Или отучили. Дома моей работой всегда провозглашались уроки. Только. И отдых от них. А в школе... Все эти тряпочки, домоводство... Мне просто противно. И еще — картошка... Знаете, это всегда было так ужасно! Грязь, холод, тяжело... Я шла туда, как на каторгу. Мы выбирали клубни из грязной земли, таскали в кучи. Утром приходили вновь, а собранное вчера замерзло за ночь. Весной нас опять гнали на то же поле перебирать картошку в кучах, где она перезимовала под землей и соломой. Половина — гниль, жижа, коченеют и стягиваются руки... Это был, нам говорили, общественно полезный труд. Для меня же, для многих из нас, это была самая дикая и отпугивающая сторона жизни. А в телевизоре мы видели только красоту, задор, музыку, веселые и умные развлечения. Там показывалась праздничная сторона жизни, а будни были... Это же все очень просто. Мы — грамотные, знающие,

понимающие — разве не должны были естественно избрать праздничную сторону? Можете считать, я пришла к вам из благодарности за ваши труды. Можете думать и другое — просто потому, что я должна выговориться.

— А как же дальше-то, Нелечка... Ведь не всегда мама...

— Я думаю, что дальше тоже ничего не изменится. Вот, кажется, все... И возьмите вот это...

Нелечка вынула из кармана конверт и двинула его нежной рукой по клеенке через стол.

Симочка не сразу поняла, потому что такое было действительно трудно понять, а когда узнала на конверте свой почерк, то обомлела. Это было ее письмо к Савельеву.

— Я прочитала его, — сказала тихо Нелечка. — И больше никому не дала. Возвращаю вам.

— А Сергей Петрович...

— Письмо пришло поздно. Он...

дорогая гостьюшка... — произнесла Симочка, неслыханно удивленная этим небывалым визитом, однако ничуть не выказывая удивления.

Нелька отряхнула рукой волосы, вошла, стянула с ног туфли. Симочка тотчас придвинула ей свои тапочки.

— Надень. И курточку сним. У нас тепло.

— Нет. Я ненадолго.

В комнате, куда она вошла, на нее выпялились, как на диковинку, три пары мальчишечьих глаз.

— Марш в свое гнездо! — скомандовала Симочка, и ребяты тотчас исчезли. Взяв стул у стола, отодвинула его чуть. — Садись, Нелечка, садись, дорогая.

Нелька села и положила руки на клеенку. А Симочка быстро окинула глазами жилье. Конечно, большого беспорядка нет. Вот только на кровати смято покрывало. Быстрехонько одернула его, поправила шторы, подняла с половичка деревяшку, оброненную Владиком.

Села к столу напротив девушки.

— Вас не удивлю, что Гаянэ пришла сама? — спросила Нелька и воззрилась недвижными, особыми прекрасными ввечеру глазами на хозяйку.

— Нет-нет, — суетливо сказала та, — что ты, всегда пожалуйста. Я так рада... Конечно, ты бы заходила вообще... не раз-раз, но все-таки...

— Вы извините меня. Ну, за телефон.

— Да что ты! Я уж забыть забыла.

Нелька подняла глаза вверх, посмотрела на дешевенький пластмассовый абажурчик под потолком. Медленно опустила лицо.

— Я сказать должна, что все гораздо сложнее у меня...

Она помолчала.

— Все совершенно не просто.

— Конечно... Я вижу, — сказала Симочка первое, что пришло в голову.

Вздыхнув, Нелька продолжала:

— Я о работе. Так вот: я боюсь работы и не хочу ее. Никакую. Вам такое непонятно, но это

— Боже мой, боже мой,— вскрикнула Симочка,— да что ты мелешь-то? Что ты...

— Он умер. Приехал отсюда, и через день его парализовало. Прожил еще неделю, но неговорил. Мы с мамой уже опоздали...

— Боже мой, боже мой,— расстроено выговаривала Симочка, все еще не веря случившемуся. Вот, оказывается, куда исчезали Нелька и Ангелина.

— Вот и все,— сказала Нелька, вставая.

И Симочке, хотя она была вконец расстроена столь печальным известием, опять показалось, что ее дом наполнило нечто чудное, чего никогда здесь не было, а только мечталось и желалось всегда; все мужичье, только мужичье перед глазами, а теперь стоит пахучая и спящая глаза девушка, с которой ее, Симочку, связало что-то и держит, не отпускает.

— Что Петя лишет? — спросила Нелька, и Симочкино сердечко бухнуло в яму.

— Скоро в отпуск отпустят,— прошептала она,— за отличную службу...

— Вот вам и радость.

Нелька поставила воротник на курточке, как-то зябко сжала его на горле длинными пальцами с драгоценными ногтями. Ее левая изломанная бровь дрогнула: девушка улыбнулась, сказала еще:

— И все... Будьте счастливы, Серафима Ларионовна. Не надо нам больше тревожить друг друга. Всякому свое.

Она повернулась и тихо вышла из комнаты.

Мягко хлопнула, будто бы вздохнула, дверь, выпуская ее из квартиры.

Симочка крутила в руках конверт, все еще смятенная и сообщением о смерти Сергея Петровича Савельева, и Нелькиным рассказом о себе. Она думала о всех своих пустых хлопотах, пыталась все сопоставить, но ничего не получалось, пока не выскрилась мысль о себе, о своих сынах.

Такие парни, как у нее, дай им только срок вырасти, и заводы поднимут, и поля вспашут, и Россию, если надо, отстоят; но что им делать со своей любовью к таким, как Гаянэ?

Да и девушкам таким как быть с самими собою?

Она поднялась и хотела пойти к мальчишкам, чтобы посмотреть, как устроились спать, и сказать им на сон свои добрые материнские слова, но вспомнила остро не раз сказанные Нелькой слова: «Вот и все...»

— Нет, милая Нелечка,— сказала вслух,— не все. Ты еще придешь ко мне, придешь... И не раз. Потому что никак, ну никак не может быть, чтобы сразу и все...

Екатерина ЗОНОВА

Тихо март коснулся пристани.
И капель, и снегопад!
А я вглядываюсь пристально
В незавьюженный мой сад.

Жду. И верится — не верится,
Что ночами обмела,
Отбелила все метелица —
Так прилежно я ждала.

Так ждала, полузабытая,
В феврале и в декабре.
И казались мне открытием
Даже мысли о тебе.

Тают вновь снега обильные,
По утрам капли дрожь...
О, как верила, всеильный мой,
Как ждала, что ты придешь.

«Жизнь умнее нас — она рассудит,—
Так сказал мне человек знакомый.—
То, что было, вряд ли позабудет»...
То, что будет, не воздаст другому?

Потеряв покой души нетленной,
По весне кукушка куковала:
«То, что будет,— будет непременно».
Отчего же я затосковала?

А я опять
с тобой говорила.
Шептала тихо
тебе обо всем:
о чем мечтала,
куда ходила
и что случилось
дождливым днем.

И что еще
в этом хрупком мире
должно случиться,
произойти...
Но даже сны,
что тебя дарили,
позабывали
ко мне зайти.

● Пушкин в Оренбурге

Ранней осенью 1833 года, проехав полстраны и не однажды сменив перекладных, Пушкин добрался до степей Оренбуржья. Он хотел воочию увидеть места, где прокатилась волна Пугачевского восстания, отыскать в казацких селениях очевидцев его или участников.

С окрестностями Оренбурга Александра Сергеевича ознакомил В. И. Даль — будущий создатель «Толкового словаря», служивший тогда чиновником у военного губернатора. Пушкин побывал в станице Берды — главной ставке, «золотых палатах» Емельяна Пугачева, в станицах Нижнеозерской, Татищевой, которым суждено будет возродиться в образе Белогорской крепости... Впечатления об этой поездке помогли А. С. Пушкину в работе над повестью «Капитанская дочка» и над исторической хроникой «История Пугачева».

Именем поэта названы в Оренбургской области колхозы, улицы. В школе № 14 станицы Берды создан Пушкинский музей.

Писатели и краеведы Оренбуржья готовят всесоюзный туристский маршрут по пушкинским местам.

● Жизнь яркая, как маяк

Если вам приходилось читать научно-фантастический роман «Генератор чудес», то вы уже знаете генерал-майора Николая Афанасьевича Байгузова — он послужил прообразом главного героя в этом романе...

С именем этого человека связано развитие радиосвязи в нашей стране. Начав с коротковолновых «университетов», с первого самодельного телевизора, сконструированного в 1930 году, с любительского магнитофона, появившегося в те годы, когда об этом приборе не было никакого представления, Николай Афанасьевич Байгузов внес впоследствии неоценимый вклад в дело развития радионавигации. Он работал в качестве радиста и штурмана в экспедиции, искавшей пропавший в Арктике самолет Леваневского. В летном центре ГВФ обучал летчиков полетам по радиоприборам. Во время Великой Отечественной войны под его руководством было радиохозяйство авиации дальнего действия: радиостанции, радиоузлы, радиомаяки, радиопеленгаторы...

...В школе № 400 Перовского района Москвы есть музей авиационной техники. Многие годы следопыты школы собирают материалы о связистах АДД (авиации дальнего действия). Недаром именно к ним, к следопытам, пришли ветераны АДД — отметить 80-летний юбилей выдающегося специалиста и конструктора Н. А. Байгузова.

● Страница военных лет

Для мирных жителей рабочего поселка Троицко-Харцызска в Донецкой области война, как и для всех советских людей, началась неожиданно-негаданно. Повисли над поселком фашистские стервятники... И школьники однаж-

ды, вместо того чтобы сесть за парты, пошли рыть окопы...

А потом по шоссе, ведущему к поселку, двинулись гитлеровские войска. Шли, как идут по завоеванной земле, ничего не опасаясь, по-хозяйски поглядывали на приближающийся Троицко-Харцызск...

И вдруг... Засвистел снаряд, раздался взрыв и другой тут же следом. Раздались крики, поднялась паника, загрохотали столкнувшиеся мотоциклы. Били по вражеской колонне с холма из противотанковой пушки, оставшейся после недавних боев, мальчишки-школьники: Петя Осипов, Коля Забродский, Вася и Петя Ракитовы. Всего два снаряда оставалось при пушке, и оба их выпустили ребята по захватчикам.

Фашисты схватили мальчишек. После пыток и казни их тела были сброшены в шурф старой шахты.

...Красные следопыты Харцызского Дома пионеров собрали по крупницам сведения о ребятах, погибших за Родину, открыли в музее экспозицию, посвященную им. На скале, где ребята приняли свой первый и единственный бой, воздвигнут обелиск в честь юных патриотов.

● А когда-то было начало...

Раиса Никольевна Рысакова считает свою таласскую среднюю школу родной — она бывает в ней ежедневно, хотя и числится уже на заслуженном отдыхе. А когда-то она, совсем молодая учительница, после института приехала в Киргизию, в Таласскую долину. Ее ученики, многие из которых были детьми животноводов, охотников, завязатыми следопытами, начали водить свою учительницу в походы...

К той поре и относится зарождение школьного краеведческого музея, который сегодня насчитывает более двух тысяч экспонатов. Кокосовые орехи, пасть акулы, богатая коллекция минералов, сувениры со всего света — их присылают бывшие выпускники школы... Археология, ботаника, нумизматика, зоология... Не всякий районный музей может похвалиться таким широким подбором. И каждый экспонат интересен.

Разве не любопытно поглядеть на изображение наскального рисунка, снятого с Черного камня в верховьях Усть-Марала? У истоков реки Усть-Марал — зона ледникового периода. Юные следопыты обнаружили там множество рисунков, сделанных древними людьми. Некоторые из них до сих пор представляют загадку: откуда взялось, например, изображение колесницы в Таласской долине?! Ребята научились переснимать контуры рисунков на кальку, затем тушью наносить на затман.

В школьном музее теперь есть целая экспозиция наскальных рисунков — своеобразная картинная галерея, оставленная в наследство потомкам «гражданами» каменного века.

**Сергей
ДРУГАЛЬ**

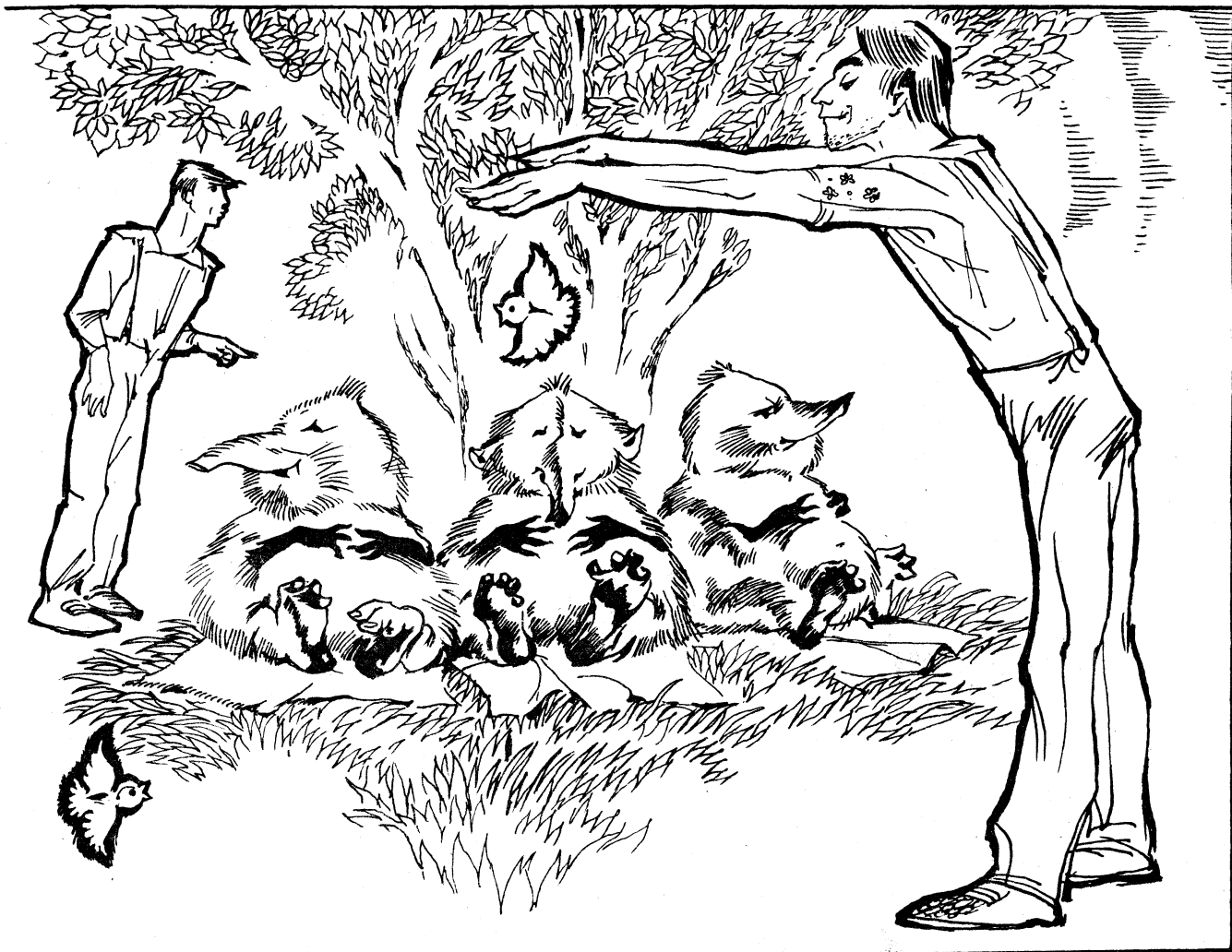
*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Особая

Капитан — он и есть капитан. О нем если писать, так только на нотной бумаге в мажорных тонах. Впрочем, не только он, каждый член нашего экипажа имеет заслуги перед человечеством. Вообще — это не трудно: помог ты кому-нибудь, накормил голодного, посадил дерево или выручил из беды — вот и заслужил перед человечеством. Оно очень доброту ценит. И неважно, сколько народу о твоём добром деле знают, хоть бы и ты один. Ты ведь тоже из человечества...

Это я все к тому, что в тот раз мой друг — физически сильный и очень волевой Вася Рамодин — спас экипаж. Именно на Сирене, так мы назвали планету, в полной мере проявились Ва-

форма

Рассказ

сины способности. Если бы не он, то не знаю, что делал бы и сам капитан. Даже капитан, попавший там под чуждое нам влияние.

Надо сказать, что Сирена вращалась в стороне от нашего пути: когда мы вынырнули из подпространства, как пес из подворотни, и огляделись, то обнаружили, что не туда прибыли. Это случается. Выяснилось, что отдельные неполадки были в системе ориентации звездолета, что один двигатель не тянул, а другой самопроизвольно впадал в форсированный режим. На всякий случай капитан подвел корабль к ближайшей планете — это и оказалась Сирена, — вывел его в инерционный полет на круговую орбиту и послал нас в обычную разведку.

Капитан же, навигатор, оба механика и ремонтник Вася остались на корабле наводить порядок.

Мы высадились на планету, поставили, как положено, защиту вокруг катера и приступили было к работе...

Тут, для того чтобы дальше было понятно, я прервусь и воспользуюсь записями в памятных браслетах. Такой браслет, фиксирующий звук, а при необходимости и изображение, есть у каждого разведчика. В него можно наговорить свои впечатления от увиденного. У Васи в коробочке лежат с того рейса эти розоватые, подобные аметистам, кристаллики, и он иногда перебирает их. При этом на его выразительном лице возникает странная улыбка, и видно, что его

обуревают сложные, вряд ли поддающиеся расшифровке чувства. Вася знает, что я пишу эти заметки в назидание грядущим поколениям, он кое-что читал, ибо я всегда дарю ему опубликованное. По моей просьбе он принес кристаллы, а воспроизводящий аппарат у меня свой. Я не стал прослушивать прием, и Вася вскоре ушел, поскольку беседа в тот вечер у нас не клеилась. Вася очень уважает меня, но все же смотрел с сомнением, словно хотел сказать: как-то ты из этого сюжета выпутаешься, хватит ли у тебя мужества быть беспощадным к самому себе, как того требует истина? Сомнения его имели почву, но если самокритика наше оружие, то пусть не скажут потомки, что мы не умели им пользоваться. Мне было трудно писать о событиях на Сирене, но я преодолел себя, как это сделал бы на моем месте каждый член нашего экипажа...

Итак, Вася ушел, а я вложил кристаллик в гнездо, нажал кнопку и услышал собственный голос. Меня легко узнать: «эль» я вообще не произношу, а вместо «эр» издаю глухое рычание. Попалась примерно середина моего разговора с капитаном.

...— Я вчера по очереди вызывал каждого из вас. Все здоровы—это видно на пульте защиты, но несут сплошную околесицу. В чем дело?

— Капитан,—раздается мой голос,—за других не отвечаю и о чем это вы, понять не могу. Лично я очень почитаю вас и как бывшему вожаку стаи,—в этом месте отчетливо прослушивается скрежет зубов капитана,—скажу откровенно: я счастлив. Мне разрешили чесать живот и шею возле нижней губы. И я чешу. Вот и сейчас... Ах, капитан, я не хочу ни с кем делиться, но прилетайте, может быть, и вам разрешат.

— Ты слышишь, Василий, они там все с ума посходили!.. Требую немедленно вернуться на катер. Всем вернуться. Объявляю общий сбор. У себя в каюте можете чесаться где угодно и сколько угодно!

— Капитан, разве я стал бы говорить об этом, если бы чесал себя?

— Корабельный биолог, космогенетик, и кого-то там чешет...

— Не кого-то! Это мой пухленький джигит. Или, как говорит Лев, пуджик. Красиво звучит, а?

— Стыжусь! Галактически стыдно!

Капитан отключается. И снова мой воркующий голос:

— Глупенький, сердится по пустякам. Видимо, завидует. Мне сейчас многие завидуют. Вон Льва Матюшина еще только до созерцания допустили, а я уже чешу. Лев с утра сидит на пенечке с гитарой и смотрит, любитесь. Я его понимаю, как не смотреть. Но мой пуджик лучше, таких пуджиков больше нет ни у кого...

Я выключил аппарат, перенес этот бред на

бумагу и заставил себя отложить воспоминания на потом. Чтобы не было хаоса в изложении. В конце концов на Сирене я был не один. Со мной одним и возникло для Васи никакой не было бы... Я вытащил из коробочки Левин кристалл и просто заслушался.

—...А биолог все чешет... Что ж, наверное, и такая, плотская форма служения красоте может давать удовлетворение. Каждому свое. Прикосновение, верю, тоже приятно, но ведь главное—это голос! Нет, гармония облика и голоса. Поразительная чистота голоса, глубина звука, нежнейший тембр при такой внешности—это ошеломляет. Великий Космос! Я и не подозревал в себе столько музыкальности, столько тяги к прекрасному. Хочется жить и петь.

Тут Лев непередаваемо поет: «Ой, цветет калина»... и без паузы переходит на: «Ой, не ходи, Грыцю». Я пропустил суточную дозу записи и снова форсировал звук. Лев пел: «Ой, на гори тай жныци жнуть»... Снова суетливый писк динамика—это я увеличиваю скорость воспроизведения и пропускаю примерно трое суток. Лев поет: «Ой, ты, Галю, Галю молодая»... Пропускаю еще сутки и словно на замедленном экране вижу, как ломается пополам журнальный столик. Радуюсь: реакция у меня, несмотря на возраст, полностью сохранилась, ибо я успел выдернуть воспроизводящий аппарат буквально из-под железного кулака Клеммы. Моего домового киберы.

— Еще одну на «ой»—и все!—помешанная на порядке в квартире Клемма даже не взглянула на обломки столика.

Я не понял, что этим хотела сказать Клемма. Решил было уменьшить громкость, но вспомнил, что Клемма одинаково хорошо воспринимает и звуковые, и радиоволны. Пришлось Льва выключить. С ним и так все было ясно. Лев в кристалле пел до потери памяти, я потом проверял. Две недели пел, пока его не украли: голодный Лев попался на земляничном муссе. Но об этом позже.

Я прослушал памятные кристаллы всех, кто был со мной на Сирене, и забытые голоса моих товарищей целый месяц будили воспоминания о прошедшей молодости. И мне захотелось отдать всю свою известность, стереть свое имя с многочисленных монументов и пьедесталов, лишь бы помолодеть хоть на десять... нет, я хочу сказать—на двадцать, нет, лучше—на двести лет... О чем это я? Ах, да, выслушал, значит, я каждого, сделал выписки, сгруппировал и систематизировал все и напросился в гости к капитану. Капитан заведовал кафедрой групповой зоопсихологии в жлобинской школе первооткрывателей, куда мы и прибыли с Васей на леталке, положенной ему как вице-президенту Академии наук.

В связи с нашим приездом капитан послал первооткрывателей — у каждого в рюкзаке 60 кг щебенки — на прогулку по сильно пересеченным окрестностям, прочитал мои предварительные заметки и нашел, что по крупному я нигде не погрешил против истины. Но отдельные моменты нуждаются в уточнениях. Потом капитан устремил светлый взор в прошлое.

— Молодость, она всегда прекрасна. Я и не заметил, как она прошла. Вася, ты помнишь матч — мы против сборной Теоры? Ты был тогда в форме. Мы все тогда на высоте были. А наши выступления на ломерейском кулинарном празднике?..

— А Лев Матюшин, — встречаю я, — сдал в типографию свою монографию «Статистические методы в условиях изобилия и дефицита» и сейчас руководит хором мальчиков в Кривом Роге.

Капитан усмехнулся моей наивной попытке управлять ходом беседы:

— На Сирене Лев пел, другие пуджикам живот чесали. А космофизик — вообще-то это был астрофизик, но за сверхъестественную бороду его звали космофизиком, — помнишь, самый дисциплинированный и фотогеничный из нас, тот дворец строил. Ты в своих записках пропустил, а мне он, помню, заявил по радию: «Пока дворец не кончу, никуда не уйду. Мой пуджик должен и будет жить во дворце».

Вася, привыкший в научных дискуссиях резать правду-матку в глаза и потому чуждый всякой дипломатии, вдруг почувствовал обиду за меня.

— Дворец еще так-сяк! Некоторые перед пуджиками вприсядку плясали.

Капитан окаменел лицом, и целую нескончаемую минуту тянулась пауза. Наконец он овладел собой, ноздри обмякли, и снова в приятные локонь улеглись волосы на темени.

— Я буду последним, кто забудет об этом. О том, что ты, Вася, для меня сделал. Да, я, можно сказать, плясал под чужую дудку, и ты остановил меня. Спасибо тебе за то! — капитан и Вася обнялись, чего раньше в принципе быть не могло. Рукопожатие перед уходом в опасный поиск — вот все, что позволял в экипаже капитан.

Мы долго сидели втроем. Уже охрип от мурлыкания и смежил очи двухголосый теорианский котенок, уже ушли спать маячившие неподалеку прапраправнуки капитана, которые еще днем прикатали для нас арбуз и принесли цветы, а мы все сидели в беседке и вспоминали.

Капитан был демократичен от природы и не относился к тем руководителям, которые любят говорить последними. Он начал первым.

— Помню, сначала все было, как заведено. Я поддерживал непрерывную связь с вами во время рейса на Сирену и первые три часа после выхода на планету. Все было в порядке, нор-

мально действовала система охраны, и мы занялись ремонтными делами. Потом я иногда выходил на связь с кем-нибудь из десантников, и не было причин для беспокойства. Знаете, как это бывает: дел много, то одно, то другое; пока прозванивали с навигатором цепи системы ориентации, и то по земному времени не менее суток прошло. Впервые заметил странность, когда проходил мимо рубки связи и услышал Васин голос. Он вслух читал перед микрофоном «Справочник гиппопотамовода-любителя», раздел «Заготовка кормов». На мой вопрос Вася ответил, что выполняет личную просьбу Льва Матюшина. Естественно, я тут же вызвал Льва. И столкнулся со второй странностью — Лев нес какую-то околесицу, говорил, что планетолога похлопали по плечу и тот перестроил программу киберовандроидов на косовицу, а инструмента нет, но это не проблема, поскольку инструмент описан в справочнике, соответствующий раздел которого ему сейчас любезно прочитал Вася Рамодин, и что лично он, Лев, пока только созерцает...

Вот тут-то я встревожился и начал поименный опрос, в результате которого установил, что физически все здоровы, но о выполнении программы никто не думает. У каждого десантника появился некоторый бзик, такой пунктик. Вообще бзик — это неплохо, если он не мешает дело делать. Но ведь мешает! Занимаются какой-то непонятной ерундой... Я потребовал, чтобы все вернулись на катер и пока установили двойную защиту. А завтра разберемся.

Утром я вызвал катер, но мне никто не ответил. Я похолодел и, не поверите, растерялся. Второй раз в жизни.

— Вася, — говорю. — Они все погибли!

— Ну уж, — усомнился он. — Наши парни не из тех, кто гибнет ни с того ни с сего. Да и откуда это известно?

— Как откуда, — отвечаю ему. — Вчера приказал всем прибыть на катер. А там никого нет. Значит, они все...

— А это? — Вася уперся растопыренными пальцами в зеленые огоньки пульта защиты.

Действительно, каждый глазок свидетельствовал, что данный член экипажа жив. Я просто не обратил внимания на пульт, ошеломленный отсутствием разведчиков на катере.

— Но ведь приказ не выполнен, а этого в моем экипаже еще не бывало. Значит...

— С этим согласен, капитан, — перебивает меня Вася. — Значит, они психически больны. Не может психически здоровый десантник не выполнить приказ. Видимо, заболели все сразу. Рехнулись всем коллективом. Это бывает, главное, чтобы кто-нибудь начал. Надо лечить. А как? Ведь второго катера у нас нет.

Я невольно залюбовался Васей, его мощью, его статью. И прислушался к его здравым суждениям.

— Ремонтник Рамодин! — говорю ему с любовью. — Готовы ли вы лететь со мной на планету в индивидуальных аварийных капсулах?

На такие вопросы надо отвечать по уставу, и Вася ответил, как положено:

— Обижаете, капитан!

Навигатор помог нам надеть скафандры и усадил каждого в капсулу, маленькую такой кораблик, у которого дюзы сзади, дюзы спереди и дюзы по бокам. Управлять им проще простого, если умеешь. Я часто говорю своим первооткрывателям, что если умеешь что-то делать, то это дело всегда кажется простым... После выброса в пространство мы с Васей сориентировались по пеленгу на катер и, словно два метеорита, рванулись к Сирене.

Катер, если помните, стоял на уютном пригорке, и мы, оставив капсулы неподалеку, пошли к нему и шли, пока не уперлись в упругое силовое поле защиты. Тут Вася, откинув шлем на спину, снял перчатки, расставил руки и вдавился всем телом в защитный слой. Слой, естественно, не виден, но зато видно было, как Васина фигура стоит под углом в сорок пять градусов, ни на что не опираясь. Нет, Вася знал, конечно, что инородное тело не может пройти через силовое поле. Но нам надо было попасть на катер — и это можно было сделать, подключив к силовому полю собственное психополе. При этом появлялись местные возмущения, и в защитном слое образовывался канал, достаточный для прохода человека. Мы пользовались этим способом крайне редко и только в аварийных ситуациях. Как правило, для образования прохода нужно было суммарное психическое воздействие минимум четырех десантников... Вася не обратился ко мне за помощью, Вася сосредоточился и справился один — и даже не взопреп. Он стал легендарным уже при жизни, наш Вася! Он силой своей негибимой воли гнул подковы, которые мы доставали для него, если удавалось...

На катере я тотчас кинулся к пульту защиты, увидел все шесть зеленых огоньков, включая уже и свой собственный, и вздохнул с облегчением: похоже, мы с Васей успели. Мы вылезли из громоздких скафандров, поскольку на Сирене человек не нуждался ни в газовой, ни в биологической, ни в температурной, ни в радиационной защите. Планета была добра к живому.

На голографической рельефной карте, занимавшей почти весь круглый стол в кают-компании, хорошо были видны прилегающие окрестности, которые напрямую достигал луч лазерного локатора. Мы увидели четыре огонька в одной кучке неподалеку от катера.

— Идем туда, — говорю я Васе. — Смотрим, но пока ни во что не вмешиваемся.

Сняли защиту, чтобы Вася по возвращении больше не напрягался, и пошли. Кругом раз-

долье, красота несусветная. Кущи райские растут, и всего в меру — и пейзажа, и фауны. Цветы разноцветные цветут, пташки изящные летают, и каждая в клюве пушинку тащит.

Глядим, луг заливной, а на лугу — великий Космос! — киберы наши идут четверо в ряд и траву косами косят. И каждый в такт взмаху хэкает этак, будто выдыхает. Постояли мы с Васей, прищурившись, в бинокль окрестности обозрели и видим: космофизик наш, голый по пояс и в глине от пяток до бороды своей рыжей, какой-то непотребный кособокий сарай, вроде хлева, глиной обмазывает. Мастерок у него в руке так и мелькает, а у ног ведро с этой самой жидкой глиной стоит.

Мы с Васей разом упали, а дальше все ползком и перебежками. Туда, где за кустами Лев голосил: «Ой, да зазнобило». Подползли. Лева стоит этаким бардом, гитара через плечо на муаровой ленте, одна нога на пенек поставлена. На свежий, между прочим, пенек, не спиленный, а срезанный лазерным резаком, что видно по отсутствию опилок. С тех пор как на Земле от заготовки зеленого друга отказались, повреждать растения на других планетах без особой на то нужды считается в среде десантников неэтичным. Полагаю, у них дерево на постройку сарая пошло... А памятный браслет у Левы на левой руке драгоценно поблескивает, неподалеку же в тенечке довольно жмурятся три незнакомые животинки. Две из них лежат в фривольных позах на ковриках из мягкого пуха, третья — Льву по плечо — стоит и шевелит усами, в беспорядке растущими на шерной морде. Глазки этак благополучно поблескивают. Птички разноцветные над ними летают, случайных мошек ловят. Идиллическая, черт побери, картина, радость миробля...

Капитан надолго замолчал. В сумерках мы не видели его лица, а свет зажигать не хотелось. Я уж было подумал, что он заснул, но тут капитан ясным и грустным голосом сказал: о том, что было дальше, пусть лучше расскажет Вася Рамодин, которому он в интересах истины и передает слово. И пусть Вася не стесняется, словно его, капитана, здесь нет. Я от себя добавил, что Вася может настолько не стесняться, словно и меня здесь тоже нет. Тему о том, что Вася может — ну, совершенно! — не стесняться, мы с капитаном жевали до тех пор, пока Вася не стал от злости светиться в темноте. Тогда мы замолкли, а Вася начал в привычной для нас мужественной тональности. Надо отдать должное, он быстро овладел собой.

— Я никому не давал оснований, — Вася засопел, — сомневаться в моей деликатности. Но из песни слова не выкинуть. Как было, так оно и было. Лежим мы с капитаном, смотрим. И чем

больше смотрим, тем меньше понимаем. Киберы, которые должны собранные образцы сортировать, косолицу устроили, планетолог с чего-то залез на дерево и ветки ножом срубает, у космофизика уже и брови в желтой глине от усердия. А тут вдруг Лев грянул плясовую, весьма темпераментно выкрикивая междометия: «Эх!.. Эх!..» Я, конечно, удивился: с какой бы стати? Хочу поделиться с капитаном, а он ритмично так задержался весь, вскочил и — вприсядку. У меня, верите, волосы дыбом стали. Более идиотского зрелища я не видел, извините. Капитан до Льва доплясал и такое вокруг пузатых начал выделять, что и вообразить невозможно. Те, которые лежали на ковриках, сели, на капитана голубыми глазками сонно моргают и хоботками поводят. Хобот так себе, если в два кулака впритык взять, то собаке на один укус останется, не более. Я еще лапки верхние рассмотреть успел. Они их крест-накрест на пузе сложили. Маленькие лапки, но, видать, загребу-

щие... Лев и ухом не повел, увидев капитана, и даже еще наподдал на гитаре.

Я, помню, засуетился, закричал что-то, стал у Льва гитару отбирать и вообще потерял лицо. А капитан мне с придыханием:

— Ремонтник Рамодин, займитесь делом! Если вы не в состоянии удовлетворять духовные запросы наших хозяев, то помогите своему товарищу строить дворец! — и на этот сарай широким жестом показывает.

Сроду мне выговоров не устраивали, но я на это и внимания не обратил. Только застряло в мозгу непривычное слово «хозяева». Действительно, думаю, почему бы и не помочь? Словно во сне, подошел я к сараю и на стенке, на мокрой глине пальцем написал: «Здесь был Вася». Отошел в сторонку, прочитал, и такая жуть меня взяла, такая тоска неумная, что заплакал я и поплелся на катер в одиночку, спотыкаясь о задники собственных башмаков. И никто меня не окликнул.

На катере побрел я в камбуз, налил в блюдечко масло подсолнечное, разрезал луковицу на четыре дольки, посолил кусок ржаного хлеба и съел его с луковицей, макая в масло. Съел и обрел способность рассуждать. Сначала о пустяках, вроде того, что все мы хозяева своей судьбы, и в этом смысле я не против слова «хозяева». Но оно имеет и другой — какой-то поганый — смысл. Думал, что капитан не шутил и даже был зол на меня. С другой стороны... Лев пел с радостью. Биолог, я заметил краем глаза, тоже не без удовольствия чесал живот байбаку. Все трудилось вроде по собственной воле. Тут я к стати вспомнил о птичках — у каждой в клюве пушинка — и о ковриках, мягких даже на взгляд... А на Земле есть такие птички — ткачики. Целое семейство...

Ну, а дальше не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: мы столкнулись с неизвестной нам особой формой паразитизма. Оговариваюсь: неизвестной в животном мире. Каждый пуджик был ласковым паразитом. Вокруг него, скотины, возникало некое гипнотическое поле. Поскольку пуджики жили стадом, поле оказалось настолько мощным, что подчинило наших ни о чем не подозревавших десантников, превратило их в покорных слуг, находящихся удовольствии в служении своему хозяину. Я понимал, что пока не разбираюсь в сути дела, что все не так примитивно. Но мне на том этапе было важно выделить главное, пусть в самом первом приближении. Ведь только я один оказался неподвластен гипнозу и потому мог спасти экипаж. Если это еще возможно. Но, действительно, так ли я устойчив? А внезапное слюнтяйство возле сарая? Ой, нет, видимо, и мне надо будет беречься...

Значит, лежи себе на пуху, другими добытом, мухи тебя не кусают, ибо их отгоняют заботливые добровольцы, сена тебе киберы накосят, а веточный корм планетолог обеспечит. Биолог пузо твое сытое почешет, Лев слух пением усладит, а капитан — сам капитан! — для забавы твоей спляшет... Славненько! Дождик пойдет, можно во дворце... тыфу... спрятаться. Интересно, сами до сарая доплетутся или их Лев на руках отнесет? Мужик здоровый...

Уяснив ситуацию, полез я в кладовку, где наряду с прочим ненужным барахлом висели на стенке разные излучатели, бластеры и деструкторы, которыми мы до этого никогда не пользовались. Отыскал некую помесь мегафона с пистолетом, взялся за рукоять — она как тут и была, сама в ладонь легла. Надел на лоб очки ночного видения, комбинезон натянул блестящий, защиту от колючек, глянул на себя в зеркало. Ну, супермен! И даже мужественные желваки... так и ходят! Явись я в таком виде на тридцать предыдущих планет, ни о каком контакте и речи бы не было: дрожите, люди и зве-

ри, я иду! Противно, конечно, однако терплю. Сижу, карту изучаю, ночи жду и огоньки разглядываю, мерцающие в такт дыханию моих товарищей. Дождалься, вышел!

Восемь лун разных размеров в беспорядке по небосводу ходят, ночь темно-голубая с серебром, тени окрест шевелятся, птаха скворчит в перелеске, словно спросонья. В такую ночь хорошо с друзьями у костра сидеть. Вообще, славная планета, вполне для людей пригодная... Думаю я так, а сам через кусты по прямой туда, к пуджикам. Очки на глаза — и вижу: лежат носатики рядком, штук десять. Длинным пушистым одеялом, с боков подоткнутым, укрыты. Хоботки поверх одеяла и верхние лапы тоже. А с четырех сторон киберы с косами недреманно в темноту таращатся, бдят. Ну, эти мне не страшны, ибо не интересуют меня носатики. Где, думаю, наши? Капитан, думаю, где?

Поднял я свое оружие, направил раструб на сарай и нажал на спусковой крючок. Рисковал, поскольку параметры гипноизлучения пуджиков мне известны не были. Я мог войти в противофазу и погасить гипнополе этих хоботоносцев, но с наименьшей вероятностью мог и усилить это поле. В первом случае мы бы посмеялись над происшествием и всей гурьбой пошли на катер. Что будет во втором случае, я не знал.

Сначала я услышал, как кто-то в сарае загремел опрокинутым ведром, а потом Лев заорал в ночи: «Ой, да ты не стой, не стой!» — и послышался голос капитана:

— Возьми гитару!

Лев выбежал еще в плавающих, но уже с гитарой. Рядом в медленном танго двигался капитан. Мимо них с ведром в руке и босиком побежал к ручью космофизик. Когда с тесаком в руке появился планетолог и, неловкий спросонья, сделал попытку залезть на дерево, мне стало тяжело глядеть на все это, и я выключил излучатель.

Капитан остановился и говорит Льву:

— Не одобряю я вашей привычки петь среди ночи. Конечно, каждый вправе в свободное время вести себя, как найдет нужным, если он не мешает окружающим. Но ведь вы разбудите хозяев! А это нехорошо.

Лев оглядел себя, вроде как смутился и молча удалился в сарай, наверное, досыпать.

Биолог укрывал пуджиков и что-то шептал успокаивающее.

С ведром, полным песка, вернулся космофизик, потом туда же в сарай ушел капитан, и вскоре все затихло. А я сел на пенек и снова стал думать.

Без анализатора излучений здесь не обойтись, поскольку угадать частоту гипнополя мне, видимо, не удастся. Анализатор, если он у нас вообще есть, валяется где-нибудь, походи найди, когда не знаешь даже, каков он с виду.

Перебить носатых? Но способен ли я на это?

Да и как я потом перед самим собой оправдаюсь? Виноват ли зверь, если он иным способом, кроме как паразитируя, пропитание себе добыть не в состоянии? Да ведь не кровь пуджик пьет, я бы сказал, не лимфу. Так, мелкие услуги, кто пушинку на матрац, кто сенца клок, да и пузо почесать не велик труд... Тут заметил я, что не столь ищу выход, сколь задаю риторические вопросы и даже вроде как оправдываю паразитов. Испугался я, поняв, что и сам слегка подвержен, ретировался в сторонку и сразу рассуждать стал по-иному, бескомпромиссно.

Ладно, думаю, гипноизлучатель, джефердар по-нашему, непригоден, и черт с ним. Но сам-то я еще на что-то годен или нет? Или воля моя иссякла, или подмок этот, как его, порох, в этих, как их, пороховницах? Я почувствовал, что порох сух, что я еще способен мобилизовать свои внутренние резервы.

Первым решил вызволить капитана. Соображаю: если его смогу, то остальных и подавно. Ибо капитан в команде имел самую сильную волю. После меня, естественно. Стал я так и этак прикидывать, на чем капитана взять можно, чтобы вышел он из сарая, чтобы на катер вернулся? Долго думал и уж под утро понял: а на чем угодно, на любой заботе. На то он и капитан, чтобы за все душой болеть.

Подошел я к сараю поближе, стряхнул с себя некоторую сонливость, сосредоточился и послал гипнограмму: «Ремонтник Рамодин болен, ему в кладовой бластер с гвоздя на затылок свалился. Дулом вниз».

Никакого результата, только кто-то захрапел с посвистом. Поднатужился я, дальше картину мысленно рисую: «Упал Вася, в глазах темно, и сосуд с жидким азотом опрокинул. В кладовке иней выпал, а Вася лежит в луже азота и уже дрожать перестал, поскольку спиной к полу примерз».

Если кто думает, что гипнотизеру эти сеансы ничего не стоят, пусть сам попробует. Мне и взаправду холодно стало, а в сарае настороженная тишина, вроде прислушиваются.

Совсем напряжился я, представив себя с проломленной головой на морозном полу распростертым. И стал я как из-за угла мешком пришибленный, все безразлично, только лечь побыстрее хочется, и голова трещит. Повернулся и пошел. Не помню, как до катера добрался. И очнулся в лазарете. Лежу на боку, голова перевязана, спина болит, а рядом — капитан.

— Ага,— говорит.— Очухался. Это хорошо. Ну, бластер ты еще мог на место сгоряча повесить, не знаю, чего тебе в кладовке понадобилось. А с азотом ничего понять не могу, сосуд-то полон, не мог же ты разлитый с пола собрать... Я тебя на трапе нашел, на голове шишка с кулак, комбинезон сзади порван, спина белая...

— Все в порядке, капитан,— говорю я. А сам тоже не все понимаю. Гематома на голове, обморожение — это я мог силой воли над собой учинить. Но комбинезон порвать, не желая того... И поныне это для меня загадка.— Давно я так?

— Да уж час, не меньше,— отвечает капитан, сооружая мне оздоровительный коктейль, гоголем-моголем именуемый.

Лежу я, мобилизовался на выздоровление. Понимаю, что пострадал за други своя, и возгордился в сердце своем. И правильно сделал, что возгордился, капитан-то мне не дешево достался. Далее рассуждаю, что капитан может выйти из катера и снова попасть под гипноизлучение, а потому надо бы его запереть. Шевельнулся я, пока капитан с миксером возился, чувствую, спина болит, но терпимо. И встать, чувствую, могу. Выпил коктейль, таблетку проглотил и говорю:

— Капитан, я там притащил в виварий какого-то зверя пушистого и с хоботом. Правда, хобот так себе, если в два кулака впритык взять...

Последние слова я говорил зря, так как капитана в лазарете уже не было, он бегом бежал в виварий, чтобы пуджика обслужить. Это мне не понравилось: значит, капитан не забыл, значит, и здесь он о них думает, значит, наличествуют остаточные явления гипноза. Плохо. Это потребует от меня принятия экстравагантных и нежелательных мер... Я услышал, как капитан хлопнул дверью вивария, и защелкнул снаружи задвижку. Для этого мне даже вставать не пришлось: зная конструкцию, телекинетически управиться с замком — пара пустяков. Естественно, кроме капитана, в виварии никого не было, но там была вода и еда...

Травмы мои были кстати не только с точки зрения спасения капитана от рабства. В галактике каждому известно: ничто так не развито в нашем экипаже, как чувство товарищества. Исходя из этого, я решил использовать шишку на голове, чтобы заманить на катер и биолога. Он был у нас вместо корабельного врача — это раз. И у него хобби — нейрохирургия, это два. Шишка, хоть и была не более, чем плод моего воображения (а укажите мне болезнь, в которой воображение не играет роли), выглядело убедительно, и биолог не мог не заняться ею, чтобы уменьшить мои отнюдь не мнимые страдания. В крайнем случае, думаю, дам согласие на трепанацию черепа, якобы для устранения последствий сотрясения мозга.

...Биолог долго рассматривал устрашающую чалму из бинтов, которую я сварганил у себя на голове. К тому же я был бледен от боли в спине (уж лучше бы я вызвал ожог, как-то привычнее). Он даже перестал почесывать шею возле нижней губы своего пуджика. Очень мне захотелось дать тому по хоботу, но я понимал, что пока еще не время.

— Бластер на затылок упал,— скривился я.— Дулом вниз. И перевязать некому.

— Дай посмотреть,— страстно выдохнул биолог.

— На, гляди! — я сел, сдернул с головы чалму и застонал. Биолог почтительно уставился на мою гулю.— Рвота была. И сейчас голова болит. И озноб...

— Сотрясение. Точно тебе говорю — сотрясение. Но куда ты? Тебе покой нужен!

— На катер. Ты чеши, не отвлекайся. А я пойду, лед на голову положу, может, поможет.

— Лед — это в самый раз...

Биолог догнал меня, когда я поднимался на катер. Он взял меня под руку и повел в лазарет, но не довел. Я буквально вдавил его в дверь вивария, которую захлопнул, не слушая громких высказываний капитана.

Все! На сегодня с меня хватит. Памятуя, что сон — лучшее лекарство, я завалился у себя в каюте и проспал весь день и всю ночь. Зато встал здоровее, чем был. Брился на ощупь, чтобы лишний раз не глядеть на себя в зеркало: берег хорошее настроение.

Пошел к лагерю. Или колонии, не знаю, как назвать. А может, правильнее — к лежбищу пуджиков. Спина почти не болела, шишка помягчела и спала, что сильно утешило меня. К поясу у меня был привязан видикортиновый лить, который ни перерезать, ни даже перегрызть нельзя. Я занял позицию в кустах возле ручья и ждал недолго. Космофизик закончил отделку сарая и, сидя на днище опрокинутого ведра, любовался содеянным безобразием. Надпись о том, что здесь был я, он замазал, и это почему-то показалось мне обидным. Я сосредоточил взгляд и легко отвалил от стенки большой кусок штукатурки. Песок с глиной — с этим и ребенок справится.

Космофизик заволновался, собрал в кучу штукатурку, схватил ведро и побежал к ручью. Этого мне и надо было. Я дал ему набрать воды и, когда он разогнулся, обездвигил его. Космофизик стоял, как памятник самому себе, пока я опутывал его линею. Передохнув немного, я перекинул его через плечо и отнес на катер. Всю дорогу ведро с водой, зажатое в его руке, болталось и било меня по бедру. Я уложил космофизика на стол в лазарете, убедился, что лить не мешает кровообращению, и вернул ему подвижность. С нею вернулась и способность скрежетать зубами:

— Ну, Вася!

— Лежи,— говорю ему.— Развяжу потом, а сейчас у меня планетолог на очереди.

— Чего я тебе сделал, а?

— Мне ничего. Но ты пошел против естества, ты презрел естественное стремление всего живого к красоте.

— Не шел я против естества.

— Шел. Ты на планете сарай построил.

— Дворец! — закричал космофизик.

— Сарай! — говорю я, а сам в эпидиаскоп для воспроизведения рентгеновских снимков голографическую пленку вкладываю. Включил аппарат, и во всю стену возник оскорбляющий взоры сарай, снятый мною в разных ракурсах.

Увидел это и сник мой космофизик, даже барахтаться перестал, только зашептал что-то детское и трогательное.

...Я долго не знал, как подступиться к планетологу. Он с утра сидел на дереве и срубал ветки, которые собирали в кучу киберы. Выключить киберов я не решался, так как это могло насторожить и планетолога, и Льва Матюшина, уже и без того, наверное, обеспокоенных долгим отсутствием капитана и двух десантников. А невыключенные киберы — как там у них программа перестроена, не знаю — могли, чего доброго, помешать мне скрутить здорового планетолога. Здорового? Ну, а если больного? Если я поне-су на катер больного планетолога, то ни киберы, ни Лев вмешиваться не станут. Значит, и надо нести больного.

...Это было божественное зрелище, когда планетолог принялся за сук, на котором сидел. Сук у ствола был толст, но планетолог старался — тольки щепки летели. При этом он затравленно озирался, видимо, чувствуя, что делает что-то не то. Я дождался, пока он тюкнулся копчиком о планету, и принял его в свои объятия.

Когда я нес его напрямик через лагерь, Лев перестал терзать гитару и, покачивая плечами, двинулся на меня.

— Он у вас больной,— объясняю.— С дерева свалился и ни на что больше не годен. А я его выхожу, и он снова сможет веточный корм заготовлять. Понятно?

— А капитан что? Тоже болен? — Лев облизал губы. Голос его был хриплый.— Это все твои штучки, Василий. Но со мной у тебя ничего не выйдет. Я буду петь, пока могу.

— Левушка,— взмолился я.— Пойдем домой, а? Умоешься, покушаешь, спать ляжешь в нормальных условиях. А завтра споешь всем нам, а мы тебе аплодировать станем. Ну что тебе здесь? Зачем тебе эти носатые?

Лев топтался передо мной, тоска застыла в его карих очах, от вздохов склонился ближайший кустарник. Конечно, ему очень хотелось домой, на катер.

— Каждому свое,— всхлипнул Лев.— Видно, судьба у меня такая. Буду петь...

— Ну, если судьба, тогда конечно.

— Еда кончилась. Ты б принес чего-нибудь поесть, а?

Естественно, на голодный желудок не поется, думал я, растирая в лазарете заживляющей мазью спину планетологу. Само собой, я отнесу тебе чего-нибудь поесть, вот только в аптеке

малость покопаюсь... Под эти мысли уложил я болезного в носилках-тележке, рядом разместил космофизика, который лежал покорно, закрыл глаза, и только бормотал:

— Ты выброси пленку, Вася. Прошу тебя.

— Считай, ее уже нет,— ответил я, вкатывая носилки в виварий с черного хода, через переходной бокс. И зря капитан с биологом поджидали меня у главного входа...

Из холодильника достал я тубу с земляничным муссом — любимая еда Льва Матюшина — и углубился в изучение справочника по лекарственным средствам. Потом нашел подходящее снотворное в аптеке, набрал из ампулы в шприц и вколал в тубу с задней стороны. Капелька мусса вышла через дырочку, но я не стал ее стирать, пусть подсохнет. Не будет же голодный Лев проверять целостность тубы.

Лев, весь в грустях, сидел на пенечке. Петь он уже не мог, но еще пытался что-то набренчать на гитаре. Пуджики сидели кружком неподалеку и хрустели корнеплодами, доставая их из ведра. Похоже, лафа для них кончилась. Я так понял, что Лев с самого начала был вроде как запрограммирован на пение, и добытчик из него не получился. Киберы наши бездельничали, и вообще не было прежней целенаправленности во всей картине стойбища. Только ткачики старались над ковриками, самозабвенно подправляли пушинки и перышки. Птички, что с них возьмешь.

Лев выхватил у меня тубу, откусил кончик. Я глядел, как он глотал содержимое, и жалел беднягу.

— Я за тобой пришел.

Пуджики перестали чавкать, раздался гнусавый переписк-перехрюк. Примерно такие звуки мог издавать поросенок, имей он полипы в носу.

Лев сполз с пенки. Я подобрал гитару и кликнул киберов. Повинуясь команде, они подобрали спящего Льва. Один спереди нес его за ноги, двое держали за плечи, а последний подерживал голову. Я замыкал шествие, снимая на пленку все подряд и крупным планом — пуджика, пытавшегося выдавить из тубы остатки мусса. Они полукругом шли следом за мной, вытягивая лапы с растопыренными пальцами. Такие милые, подумалось мне, беззащитные певучие пуджики. Их бы покормить, погладить, им бы спеть, сплясать бы для них! Вертятся эти мысли у меня в сознании, а подсознание мое человеческое борется, и понимаю я, что идет на меня массивная гипнотическая атака, а ничего поделать не могу. Так и тянет все бросить и пойти в услужение к пуджикам. И начинаю я в этом видеть высший долг свой, и начинаю понимать всю муку десантников, которых лишил возможности служения пуджикам. Хрюканье их гунявое музыкой мне кажется, а морды хоботастые благородные очертания приобретают. Согрелось

сердце мое в этойкой сюсюкающей, нерассуждающей доброте, и только на донышке сознания лежит нарастающая льдинка сомнения: а чем мои товарищи хуже? А что, разве доброта волю и ум парализует? Она их усиливать должна, доброта безадресная быть не может. Видите, я и сейчас свои мысли не очень четко излагаю, а тогда вообще был сумбур в голове. И все время я видел себя, словно со стороны: киберы поверженного Льва чесут, а я сзади тащусь в окружении пуджиков, и будто мерцающее мажево меня окутывает, и неохота, так неохота на катер возвращаться... Ребят я спас, киберы Льва на место доставят, проснется, выпустит экипаж из вивария. Пусть улетают, а я останусь, кто-то ведь должен пуджиков обслуживать, кормить, охранять, развлекать. Но, словно по инерции, плетусь еще за киберами, которые протопали по откинутому трапу. Пуджики меня в кольцо охватили, пальцами чуть не в глаза тычут, гипнотизируют. Остановился я, буквально покачивает меня, уже и ногу занес, чтобы назад вернуться, и вдруг почувствовал, что меня пуджик вроде как по шее похлопывает, дескать, не тяни давай. Почему-то я приставил ногу, а меня в спину уже вполне ощутимо толкают. Вот тут, я полагаю, система воздействия у пуджиков дала сбой. Одно дело, когда они взывали к доброте, но совсем другое, когда — по шее... Поторопились пуджики, не хватило у них терпения, а может, гипнотической силы на меня не хватило. Чувствую, меня уже и за руки тянут, отпускать не хотят, холуй им требуется. И все, что у меня в подсознании сидело, тут же в сознание перелилось, и словно прозрел я.

Что такое? Я, Василий Рамодин, человек, уважаемый на Земле и еще на тридцати планетах, позволяю бить себя по шее, по, я бы сказал, пояснице? Да будь пуджики трижды разумны, но ежели меня — по шее, то — от имени человечества говорю — на черта мне такой контакт сдался! Всему, что дышит, помочь готов, рубаху с себя сниму и незнакому зайцу отдам, но... добровольно. Без принуждения.

Подумал я так, и сразу мне весело стало. Взмахнул я левой рукой — и четыре пуджика легли на зеленую траву. Но тут же вскочили, глазки их налились злобой, морды ощерились. Ого, а я-то считал вас ласковыми паразитами всего-навсего. Видимо, ласковая личина у паразита — всегда не более, чем личина, а настоящее мурло в конце концов все равно выглянет. Двинул я правой — и еще пять пуджиков перекинулись. Завел руку за спину и последнего, десятого, ухватил за шиворот. Висит он у меня в руке, смотреть не на что. Ни кожи, ни рожи, ни фантазии в желаниях, сибаритствующий байбак с паразитскими наклонностями. К тому же хобот с одной стороны и хвост такой плоский — с другой... Нет, ему, гаду, и в виварии не место.

А пуджики тем временем собрались в кучку, злобой, чувствую, исходят, перехрюкиваются, но никто не делает попытки освободить соплеменника: к тому же еще и трусы.

Вспомнил я футбольный матч на Теоре, поставил пуджика в удобное для меня положение и разбежался...

Вот, по сути, и все. Но поскольку конец — всему делу венец, добавлю в заключение, что взлететь мы сразу не могли, так как в виварии противоперегрузочных устройств, пригодных для людей, не было. Открывать же виварий я не решался и потому почел за благо выдержать паузу, чтобы остаточные явления гипнотического воздействия выветрились из сознания десантников. Я поднял трап, дождался, пока пуджики уберутся подальше, и поставил защиту. Потом связался с виварием.

Капитан выслушал меня, не перебивая и не задавая вопросов. Когда я кончил, он сказал:

— Я одобряю ваши действия, и в этом отношении пусть вас не гложут сомнения. Объективно оценивая ситуацию, должен сказать, что мне еще временами хочется плясать... Биолога мы посадили в клетку: он визжит и царапается, требует, чтобы его отпустили чесать пуджиков. Космофизик практически здоров, но сам считает, что пока ему место в виварии. Планетолог плачет и все рассказывает, как рубил сук, на котором сидел. После вашего доклада я понял, что это у него не бред. Принимая команду на себя, предлагаю вам, ремонтник Рамодин, продлить карантин на трое земных суток. Из вивария никого, включая и меня, не выпускать, из катера не выходить.

Выслушали мы с капитаном Васю и согласились, что он рассказал все, как было. Капитан даже добавил, что ему особенно импонирует критический настрой Васи в отношении его, капитана. И непонятно, чего это Вася раньше сдерживался, мог бы и высказаться. Ему, капитану, вообще никогда не нравилось, что все в экипаже смотрели на него как на непогрешимого, ни в чем не сомневающегося руководителя. Это несправедливо: знать все невозможно... И еще капитан сказал, что ему теперь понятно, почему Вася оказался невосприимчив к гипнозу. Но говорить он об этом не станет, чтобы не обидеть Васю, который вполне заслужил.

Вести

Нам уже доводилось отмечать, что весьма характерной чертой нынешних КЛФ является их стремление к общению между собой. Мы сообщали и о первых межклубных встречах — в Перми и в Свердловске; в этом номере расскажем коротко и о работе ростовского семинара. Но вначале — письма из трех совсем молодых клубов.

Наш клуб основан 31 января 1982 года. Уже на первом заседании в ходе обсуждения задач клуба было высказано предложение об организации соревнований между КЛФ, и вы представить себе не можете нашей радости, когда ко второму заседанию мы получили № 1 «Уральского следопыта» с текстом викторины для КЛФ. Наш клуб полон решимости принять участие и победить, несмотря на трудности оргпериода.

Сейчас в нашем клубе насчитывается 30 человек, в их числе три призера и один участник ваших викторин. Возраст членов клуба — от 17 до 48 лет, образование — от среднего до высшего (рабочие, студенты, преподаватели, инженеры). Клуб получил поддержку городского отделения ВОК, центральной библиотеки им. Т. Г. Шевченко, городской газеты «Кочегарка», установил контакт с клубом кинолюбителей ДК шахты «Кочегарка».

Оргпериод мы, пожалуй, в основном завершили, и, на наш взгляд, довольно быстро, в чем нам неоценимую помощь оказали материалы о КЛФ в «Уральском следопыте». Мы не собираемся ограничиваться только внутриклубной деятельностью.

ИЗ КЛФ

В программе клуба записано: «Клуб будет всемерно способствовать процветанию научной фантастики и фантастиковедения, объединению любителей фантастики в масштабах страны и Метагалактики»...

В. ЧЕРНИК,
секретарь КЛФ «Контакт»
(Горловка).

Я уже писал вам об открывшемся в нашем городе в октябре прошлого года киноклубе любителей фантастики «Прогрессор» и о созданной при нем дискуссионной группе, которая ведет киноклуб, читает лекции и проводит заседания самых увлеченных.

Наш клуб организовал массовый показ кинофантастики в кинотеатре «Октябрь».

Дискуссионная группа (собираемся мы раз в неделю в городском Доме просвещения) провела несколько тематических заседаний, посвященных знакомству с творчеством братьев Стругацких, Ст. Лема и К. Булычева. Пожалуй, это самые почитаемые авторы в клубе. Проведены беседы о проблемах советской кинофантастики, о проблемах, связанных с «молодым поколением» советской фантастики. Обсуждались кинофильмы прошлых лет, последние книги, ведутся ожесточенные споры о фантастической жизюписи, «космической» музыке, фантастической поэзии. Готовится к выпуску первый номер рукописного журнала, который так и называется «Прогрессор».

Постоянная численность киноклуба около 300 человек, на сеансах всегда зал переполнен.

Дискуссионная группа насчитывает пока всего 15 человек. Мало... Но мы проводим агитацию, привлекаем людей, заинтересованных искренне.

А. ЗОЛЬНИКОВ,
координатор ККЛФ «Прогрессор»
(Семипалатинск).

Мурманский городской КЛФ организован в конце 1981 года. Первое открытое заседание проведено 13 февраля. Наш клуб молодежный, возраст членов клуба в основном 20—30 лет. Работу ведем в двух формах — внутриклубную и лекционную, на открытых заседаниях. Базируемся при областной библиотеке.

В составе клуба 10—12 человек,

посещающих заседания более или менее регулярно. Собираемся мы один-два раза в месяц — как в библиотеке, так и в гостях друг у друга. Специального помещения не имеем. Клубом руководит совет из наиболее активных членов. Таких четверо.

Клуб наш еще молодой, опыта нет. В связи с этим — просьба: публиковать на страницах «Уральского следопыта» материалы методического характера для КЛФ.

В. ТУРЧАНИНОВ,
руководитель ГКЛФ (Мурманск).

В разное время наш журнал опубликовал ряд материалов о работе КЛФ: 1977, № 2, с. 68—69 («Первый в Болгарии»); 1977, № 10, с. 76 («Ищем свое лицо...»); 1978, № 6, с. 72—73 («Самое интересное — впереди...»); 1981, № 1, с. 56 («Каюта-компания Мечты»); 1981, № 3, с. 43 («Вести из КЛФ»); 1982, № 4, с. 67 («Впервые в стране»); 1982, № 9, с. 28 («Свердловск: Аэлита-82»).

Мы привели этот перечень, поскольку считаем, что при отсутствии каких-либо общедоступных методических разработок опубликованные нами материалы и сегодня способны помочь в чем-то молодым, только-только возникшим клубам. Вообще же, памятуя про общеизвестное: «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», заметим, что конкретные разработки лекций и тематических заседаний — непосредственная и очень важная сфера деятельности самих КЛФ. Кое-что в этом плане уже делается. Так, пермским «Рифеем» уже подготовлены вполне солидные рекомендации по проведению лекций о творчестве Р. Брэдли и по теме «Научно-техническая революция и фантастика». Адрес «Рифея», который вряд ли откажется помочь другим клубам:

614023, Пермь, ул. Судозаводская, 8, кв. 30, Ю. П. Симонову (для КЛФ).

Что же касается нашего журнала... В силу специфики мы лишены возможности помещать на своих страницах вот такие разработки. Однако письма из клубов, живые рассказы о их работе мы с удовольствием будем публиковать и впредь.

С полной ответственностью заверив в этом своих читателей и корреспондентов, передадим слово в нашей переключке новосибирскому клубу «Амальтея».

Первое занятие новосибирского КЛФ состоялось 4 декабря 1977 года. Организатором и руководителем клуба стал писатель-фантаст Михаил Петрозич Михеев.

Сначала КЛФ охватывал лишь школьников, занятия проходили на станции юных техников. На первом присутствовало лишь пять человек, которые плохо знали друг друга, но которых объединяло увлечение НФ и желание найти свой «прайд», круг людей, в котором можно обсудить прочитанное, разобрать новые идеи и просто поспорить. Необходимость иметь такой клуб была весьма острой, поэтому ряды КЛФ стали пополняться, и начались регулярные занятия.

Но, к сожалению, большинство юных поклонников НФ были пассивны, приходили лишь послушать доклады энтузиастов, сами же «нагружаться» не хотели. Мы стали привлекать к занятиям студентов, инженеров и т. п., — страстных читателей и собирателей фантастики. Довольно скоро мы уже стояли перед фактом: на станции юных техников регулярно собирается компания взрослых фанатиков, среди которых затесались три-четыре школьника.

В 1978 году мы перебрались в помещение новосибирской писательской организации — этим мы тоже обязаны М. П. Михееву.

Поначалу это был чисто дискуссионный клуб. Мы учились выбирать проблемные темы докладов, обсуждений, такие, чтобы всем было интересно. Тем самым было организовано регулярное перечитывание, переосмысление наиболее интересных произведений отечественной и зарубежной фантастики.

Но вскоре занялись и литературной деятельностью. Сначала написали буриме, затем появилась идея организовать рукописный ежегодный журнал. Для первого выпуска написали рассказы, статьи, которые активно обсуждались и многократно переписывались; была составлена довольно подробная библиография сибирской фантастики. Практически все авторы первого номера продолжали писать и дальше, некоторые из них участвовали в семинарах молодых литераторов.

Самым значительным событием для нашего клуба было состоявшееся в мае 1979 года в Новосибирске выездное заседание советов по научно-фантастической и приключенческой литературе СП СССР и

СП РСФСР. На всех заседаниях были и мы, амальтейцы. За три дня прослушали множество интереснейших докладов и сообщений, со всеми писателями перезнакомились, разговаривали, брали автографы. Гости были приглашены на заседание КЛФ, где за чашкой чая все мы смогли задать интересующие нас вопросы как об их творчестве, так и о фантастике вообще. С того времени завязались хорошие творческие связи нашего клуба с некоторыми из этих писателей.

До 1980 года у членов КЛФ имелись отдельные публикации в периодике, а с появлением страницы «Амальтея», регулярно выпускаемой газетой «Молодость Сибири», число авторов и публикаций существенно возросло. За два года таких страниц вышло 16 и еще столько же номеров газеты — с публикациями и переводами членов клуба.

Всего в клубе больше 30 человек. Некоторые только читают НФ, но большинство к тому же активно ее собирают.

Вопрос к другим клубам. Имеется ли у вас алгоритм выбора тем, гарантирующий острое и интересное обсуждение? Или вы добиваетесь этого другим способом? Наблюдается ли у вас проблема пассивности? Как часто вы собираетесь?

Мы собираемся два раза в месяц по четвергам.

Г. КУЗНЕЦОВ,
секретарь КЛФ «Амальтея»
(Новосибирск).

Творческое начало, как видим, доминирует в работе «Амальтеи». Успехи амальтейцев несомненны: помимо молодежной газеты, их произведения дважды публиковались солидными подборками в журнале «Сибирские огни» (1980, № 11 и 1982, № 2), члены клуба выступали в журнале «Советская библиография», в «Литературной газете», в новосибирском сборнике молодых авторов «Дебют», в сборнике «НФ»...

А вот, наконец, и вести из Ростова.

Нашему клубу — пять лет. Помещение для заседаний нам предоставляет Дом культуры работников просвещения, официально же мы состоим при местном филиале ВОК.

Председатель наш, М. Якубовский, — физик, сотрудник университета, страстный любитель Булычева (в его «гусярской» ипостаси). Его основные функции — стучать молотком по столу, усмиряя наиболее рьяных спорщиков, и вести заседание. Кроме председателя, организационной и тематической работой занимается правление, куда ежегодно избираются наиболее активные члены клуба.

Детский кризис (когда со всех сторон обсуждены НЛО, Бермудский треугольник и телепатия, когда пересчитаны косточки большинства известных авторов) уже вроде бы перенесли. Не загнили и не зациклились. Выжили. Стали искать более углубленные формы работы, начали писать сами, в основном, в жанре НФ сатиры и юмора. Переводим с английского, польского и немецкого. Еще в 1977 году, до возникновения клуба, по сценарию Якубовского и Блохина студенческий театр физического факультета университета поставил «Хищные вещи века». На ежегодных юбилейных зечерах по мере возможностей мы продолжаем эту традицию — пытаемся инсценировать НФ произведения.

В клубе 50 человек, если считать и тех, кто появляется на заседаниях нерегулярно. Актив клуба, те, кто не только слушает, но и занимается делом, — человек 12—15. Коллектив у нас небольшой, но дружный и веселый.

С удовольствием читаем «УС». Конкурс в этом году — сверхтрудный: на объединение читателей в группы вы ответили резким усложнением вопросов! Но мы не сдаемся. Надеемся, что и «разминка для КЛФ» будет пользоваться популярностью. Свой ответ, во всяком случае, мы пришлем.

В настоящее время готовится к выходу в свет наш первый машинописный альманах, в который войдут произведения членов клуба, переводы, критика...

С. БИТЮЦКИЙ и В. РЫБКИН,
КЛФ «Притяжение»
(Ростов-на-Дону).

Ростовский КЛФ оказался из числа деятельных и энергичных клубов. В сентябрьском номере мы уже сообщали, что одновременно с вручением «Аэлиты-82», в те же самые числа апреля, в Ростове состоялся второй в нашей стране семинар КЛФ. Вот выдержка из итогового бюллетеня.

23—24 апреля 1982 года в Ростове-на-Дону прошел семинар КЛФ «Фантастика в борьбе за мир и прогресс человечества», посвященный 75-летию со дня рождения И. А. Ефремова. Семинар был проведен Ростовской областной организацией ВОК, областным комитетом ВЛКСМ и городским КЛФ «Притяжение». Кроме ростовчан, в нем приняли участие делегаты КЛФ Вильнюса, Волгограда, Горловки, Днепрпетровска, Новосибирска, Перми, Ставрополя, Тбилиси, а также члены московского семинара молодых фантастов.

Для участников семинара были прочитаны доклады о советской и

прогрессивной зарубежной фантастике, о работе с начинающими авторами, были организованы выступления работников Ростгиздата и ВААП, состоялись лекции о кинофантастике и о строении Вселенной. Члены КЛФ «Притяжение» провели праздничный вечер, посвященный пятилетию ростовского КЛФ. Выступившие на семинаре представители клубов поделились опытом работы, обсудили возможности КЛФ в деле повышения творческой и общественной активности молодежи, в популяризации фантастики. Были обсуждены также проблемы и формы межклубного общения...

В дополнение к бюллетеню мы получили письмо, в котором М. Якубовский, председатель «Притяжения», чуть подробнее рассказывает о семинаре. Вот что он пишет:

К сожалению, писатели нас вниманием особо не удостоили. Громдное спасибо В. Бабенко и А. Силецкому, приезд которых во многом способствовал успеху семинара. Хотя мы и сильно задержались с отсылкой приглашений, все же приехали не только наши соседи, но и сибиряки... Содержание семинара? Что ж, была официальная часть, доклады — в том числе о И. А. Ефремове (по словам москвичей — я могу быть необъективен, — очень хороший), доклад философа Г. Д. Калашниковой «Искусство и фантастика», кинолекция Ю. Л. Яновского, показали мы участникам мультфильм «Тайна Третьей планеты», который так и не увидели в Перми... Были выступления делегатов клубов, выступали наши ребята. Главное, на мой взгляд, отличие от первого — пермского — семинара (дай бог пермякам всякого здоровья за этот первый!) — более деловая атмосфера. Шли не только отчеты о работе КЛФ, обсуждали и методы работы, и межклубную деятельность. Неоднократно говорилось, что в клубах и между клубами очень быстро налаживается контакт. Да это и понятно: интерес-то общий, общие любимцы и наоборот, и язык общий — не надо никому объяснять цитаты из Стругацких, скажем... Лишний довод в пользу межклубного общения: утром на открытие семинара прибыл представитель «Контакта» из Горловки (рядом!), узнавший о семинаре от пермяков...

Расшифруем: пермякам адрес горловского КЛФ сообщила редакция «Уральского следопыта». Ну, а уж координационный центр, роль которого взялся выполнять пермский «Рифей», сумел возрвать известить горловский «Контакт» о семинаре в Ростове. Как явствует из

самых последних писем горловчан, поездка в Ростов была очень и очень кстати для молодого клуба...

Среди решений, принятых на семинаре в Ростове, обращает на себя внимание «Положение о межклубном библиографическом указателе фантастики».

Указатель ставит своей целью собрать воедино сведения о фантастических произведениях, критических и информационных статьях, появившихся в печати СССР, начиная с 1982 года.

Указатель размножается в количестве, достаточном для обеспечения всех КЛФ, присылающих информацию.

Указатель выпускается два раза в год — в октябре (сведения за 1-е полугодие) и в марте (сведения за 2-е полугодие).

Каждый КЛФ, желающий получить указатель, обязан не позднее сентября (1-е полугодие) и февраля (2-е полугодие) выслать информационную сводку о региональных и местных изданиях и публикациях (либо сообщить об отсутствии оных).

Сводка (два машинописных экземпляра) должна включать: по книге (сборнику) — ФИО автора, название, издательство и город, объем, тираж, цену (указать также — роман или сборник; если в целом сборник нефантастический — отдельно названия НФ произведений); по журналу (газете) — название печатного органа, место издания, № выпуска, №№ страниц, дату для газеты, ФИО автора, название произведения, жанр (повесть, рассказ, статья, заметка, информация), при необходимости — данные о переводе.

Составлением, выпуском и рассылкой указателя занимается ростовский КЛФ «Притяжение» с помощью областной организации ВОК.

Приведя эти параграфы из «Положения», сообщаем адрес ростовчан:

344018, Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 72а, кв. 12, С. П. Битюцкому (для КЛФ).

Надеемся, что и клубы, не участвовавшие в ростовской встрече, действительно откликнутся на столь, несомненно, актуальный призыв о создании исчерпывающей библиографии отечественной и переводной НФ.

В заключение — письмо из Волгограда.

Наш клуб провел свое первое заседание 19 ноября 1981 года. Помог в создании клуба областной комитет комсомола. Нам выделили помещение для встреч в Доме молодежи — собираемся каждый чет-

верг. Первые встречи были организационными — разрабатывали устав, программу клуба, план работы на 1982 год. Большинство голосов решило назвать наш клуб «Ветер времени».

В клубе пять секций: литературно-художественная, детско-юношеская, контактов, информации и секция материально-технического обеспечения. Каждый может принимать участие в работе любых секций — по желанию. Руководители секций входят в совет клуба и координируют всю работу клуба.

Количество членов пока невелико — 20 человек. Но нас это не огорчает: ведь клуб молод, и многие любители фантастики нашего города просто не знают о его существовании. Это со временем, мы твердо верим, изменится.

Состав клуба разнообразный: и школьники, и студенты, и рабочие, и инженеры. Средний возраст членов клуба — около 30 лет.

Стараниями детско-юношеской секции в городской школе № 8 мы провели конкурс фантастического рисунка под девизом «Будущее глазами школьников». Авторы лучших работ были награждены НФ книгами. Рисунки были вывешены в фойе Дома молодежи в дни зимних каникул, и с ними познакомились школьники более 30 городов, в том числе и Свердловска.

Сейчас мы работаем над новым конкурсом, на более высоком уровне — при Дворце пионеров, с охватом всех школ города и детских изостудий. Надеемся, что при поддержке обкома комсомола справимся с этим ответственным делом.

Литературно-художественная секция разработала клубный проспект. Выпустила первый номер клубного журнала фантастики, работает над вторым. Подготовила материалы для очередной страницы в молодежной газете.

Секция контактов наладила переписку с целым рядом клубов. Правда, некоторые из них почему-то не отвечают на многократно посланные запросы... Между тем из собственного опыта знаем: расширяя переписку, клуб помогает не только другим клубам, но и себе.

**Б. ЗАВГОРОДНИЙ,
председатель КЛФ
«Ветер времени»
[Волгоград].**

Мы уже упоминали в сентябрьском номере об активности волгоградцев, озабоченных — ни много ни мало — созданием общеклубной премии по фантастике. Многие клубы, обсуждая НФ продукцию минувшего года, пытаются выделить лучшее среди вышедшего, поощрить это лучшее собственной премией. По-видимому, первым такую пре-

мию учредил — еще в 1976 году — хабаровский «Фант» (см. об этом в июньском номере нашего журнала). И у пермского «Рифея» есть своя премия, и у других клубов... Одно плохо: эти премии почти не получают резонанса — во всяком случае, на данном этапе развития клубного движения. И вот на встрече в Ростове волгоградский «Ветер времени» взял на себя почетную и одновременно сверхсложную обязанность: списавшись с вошедшими уже в «Великое Кольцо» клубами, суммировать мнения по фантастике 1981 года, изготовить приз и торжественно вручить его перзому лауреату новой — межклубной — премии... Удастся ли волгоградцам справиться с этой действительно сложной задачей? Будем надеяться на лучшее — и ждать вестей...

Учитывая несомненный сегодня интерес КЛФ друг к другу и неизмеримо выросшую их активность, повторяем, дополнив, наши вопросы к клубам любителей фантастики.

1. Каковы «анкетные данные» вашего КЛФ: его численность, возраст самого клуба и возрастной состав его членов, его название, эмблема, девиз, устав?

2. Связан ли ваш КЛФ с местным отделением ВОК, комитетом ВЛКСМ, библиотекой? В чем эта связь выражается?

3. Что, на ваш взгляд, составляет характерную черту вашего КЛФ, отличая его, быть может, от родственных клубов?

4. Поделитесь опытом: расскажите (желательно — живо, с подробностями) о самом интересном заседании вашего клуба.

5. Существует ли в вашем КЛФ литературная секция, наметился ли уже у нее выход за пределы клуба? В какой форме?

6. С какими трудностями столкнулся ваш клуб в пору своего становления? Преодолели ли вы их? Каким образом?

7. Как вы решаете в своем КЛФ вполне земную проблему нехватки НФ книг?

8. Беспокоит ли вас проблема «молчаливого большинства»? Или вам удается «задействовать» каждого члена клуба?

9. О чем хотели бы вы спросить «братьев по разуму» из других клубов? Возможно, у вас найдутся вопросы и к нашей редакции?

Ждем ваших писем, друзья! Помните, от вас самих зависит, насколько частой будет переписка КЛФ на страницах «Уральского следа»!

КНИГА ДЕКАБРИСТА

**Виталий
ПАШИН**

На томике, одетом в старинный кожаный переплет с золотым тиснением на корешке, значилось: «Записки, касательно составления и самого похода Санктпетербургского ополчения против врагов отечества в 1812 и 1813 годах». Автор — «Флота капитан-лейтенант и кавалер Б. В. Шт».

Экслибрис, приклеенный к форзацу, был роскошный — герб какого-то, судя по форме короны, графского рода. Щит с геральдическими знаками поддерживали по бокам средневековый воин и конь, стоящий на задних ногах. Внизу по ленте девиз: «Без лести предан».

Эти слова пользуются на Руси печальной известностью благодаря едкой эпиграмме Александра Сергеевича Пушкина:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? Преданный без лести,
... грошевой солдат.

Значит, книга эта принадлежала когда-то Аракчееву? Аполлет солдатской муштры и шпицрутена, шеф военных поселений, человеконенавистник и садист, именем которого пугали детей...

Книга начиналась кратким предисловием «от сочинителя». В конце его стояла подпись автора: «Барон Владимир Штейнгель». Владимир Иванович Штейнгель — член Северного тайного общества!

Не часто нашему брату-книголюбу выпадают такие счастливые минуты. Заполучить в свою коллекцию такой уникум! Удивительна судьба этой книги. Изданная в 1815 году тиражом, не превышающим 500 экземпляров, она быстро разошлась по частным библиотекам. Это ж память на века! Книга рассказала о славном походе пращур-ополченца, об участии его в битве под Полоцком, на реке Березине, при взятии Данцига. Книгу хранили, берегли как семейную реликвию вместе с медалью, специально выбитой на Санктпетербургском монетном дворе и пожалованной дворянам-ополченцам.

Но прошло всего десятилетие, и

круто повернулась история. Книга, бывшая в чести, вдруг извлечена из шкафа и предана огню: ее автор оказался государственным преступником. Так поступили «истинные верноподданные», насмерть перепуганные быть привлеченными по делу декабристов. Но книга, попавшая ко мне, сохранилась каким-то чудом. Уж ей-то, стоявшей в библиотеке «без лести преданного» престолу Аракчеева, полагалось быть уничтоженной в первую очередь. А она избежала аутодафе и дождала до наших дней прекрасно сохранившейся. Почему? На этот вопрос трудно ответить. Можно только строить предположения.

Известно, что Аракчеев собрал богатую библиотеку в своем имении Грузино Новгородской губернии. Но, видимо, никогда ею не пользовался и потому не знал, какие книги хранятся в шкафах. «Записки о Санктпетербургском ополчении» Владимира Штейнгеля попали в библиотеку в год издания. Были читаны (или, по крайней мере, бегло просмотрены Аракчеевым), ибо на их страницах кое-где имеются жирные карандашные пометы, что дозволено делать только хозяину...

Потом книга была поставлена в шкаф и забыта. Аракчеев, ставший вскоре после Отечественной войны всемогущим временщиком, разумеется, не тратил свое драгоценное время на пустяки — книги своей библиотеки. А поскольку жил он бобылем, наследников не имел, единственный близкий Аракчееву и по духу и по уровню развития человек — экономка (по совместительству — наложница) в грамоте не шибко разумела, то книги в библиотеке вели затворнический образ жизни до самой смерти хозяина в 1834 году. Временщик задолго до своей кончины в завещании предоставил право распоряжаться своим движимым и недвижимым имуществом ни более ни менее как самому российскому императору.

Николай I распорядился передать имущество своего покойного любимца кадетскому корпусу в Новгороде. А вместе с имуществом — и аракчеевский герб с известным девизом. Правда, графский герб к тому времени был самим владельцем несколько изменен: теперь геральдический щит на нем придерживали с боков не

средневековый витязь и конь, а солдаты.

Штамп с новым гербом Новгородского кадетского корпуса был приложен и к книгам аракчеевской библиотеки, перевезенной из Грузино. На моей книге штамп этот тоже имеется. Воспитатели российского воинства, принимая аракчеевскую библиотеку, полностью доверились авторитету патрона и не стали делать книгам ревизию «на лояльность».

Потом Новгородский кадетский корпус перевели в Нижний Новгород. Но прежде в Твери было образовано кавалерийское юнкерское училище. Ему «на обозвение» Новгородский кадетский корпус передал свое имущество, в том числе и часть бывшей аракчеевской библиотеки. Так на книге Штейнгеля появился еще один штамп: «Тверское кавалерийское юнкерское училище».

После Великого Октября училище было упразднено. Книжные фонды его, видимо, распределили между городскими библиотеками и читальнями. Какая-то часть литературы была списана. В отсев ушли и штенгелевские «Записки о Санктпетбургском ополчении»...

Владимир Штейнгель бароном был только на бумаге: кроме этого титула, ничего за душой не имел: ни крепостных крестьян, ни имения. Родился он 13 (24) апреля 1783 года на Урале в городке Обвинске. (Ныне село Верх-Язья Красновишерского района Пермской области). Отец его был тамошним капитаном-исправником. Семья жила в бедности. Главва семьи в надежде на повышение жалования вскоре переехал с семейством на Камчатку, а оттуда в Иркутск.

В следственном деле В. И. Штейнгеля, хранящемся в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, есть формулярный список о его службе. С 1792 по 1799 год — учеба в Морском кадетском корпусе. Потом служба мичманом на Балтийском флоте. В 1802 году переведен на восток в Охотскую морскую команду. Через четыре года направлен продолжать службу в Иркутск. Здесь ему присваивают чин лейтенанта и дают должность командира роты.

В 1809 году вновь переведен на Балтику, но ненадолго: через год Штейнгелю пришлось отправиться в Иркутск в качестве прикомандированного к сибирскому генерал-губернатору для особых поручений. Видимо, эти непрерывные скитания по России надоели молодому человеку. Получив очередное звание капитана-лейтенанта, он увольняется с военной службы. Но ровно через полтора года Владимир Иванович вновь надел военной мундир и вступил в петербургское ополчение: надо было защищать Родину, на которую напал Наполеон.

В Отечественной войне 1812 года

капитан-лейтенант Штейнгель проявил себя как храбрый, толковый офицер. Он отличился при освобождении Полоцка, за что был награжден орденом Анны второй степени. Орден Владимира четвертой степени с бантом получил Владимир Иванович за сражение на реке Березине. Участвовал также Штейнгель и в штурме Данцига, после чего был переведен адъютантом к Московскому губернатору генералу Тормосову.

Н. П. Чулков в книге «Москва и декабристы» отмечает большую роль Штейнгеля в сохранении памятников старины, пострадавших во время московского пожара 1812 года. В круг обязанностей адъютанта губернатора входило рассмотрение проектов отстройки города, реставрации и восстановления зданий.

Особенно сильно пострадал Кремль. Главный начальник дворцового ведомства Валуев — совершенный профессор в архитектуре и в истории — добился у Александра I разрешения снести всю старину. В. Штейнгель приложил все силы, чтобы если уж не добиться полной отмены варварского проекта, то хотя бы оттянуть время проведения его в жизнь. И эта «задержка» спасла для потомков уникальные здания Кремля. К счастью, Валуев умер, не успев осуществить свой замысел. Однако у него нашлись влиятельные единомышленники. Обер-полицеймейстер Шульгин — взяточник и лизоблуд — почуял великую поживу при проведении работ по сносу старых зданий. В свою компанию он попытался втянуть и Штейнгеля, но Владимир Иванович наотрез отказался потворствовать казнокрадству. Тогда Шульгин очернил Штейнгеля в глазах Тормосова. Генерал невзлюбил своего адъютанта, и это вынудило подполковника Штейнгеля в 1817 году оставить военную службу. Но московское общество, поднятое усилиями В. Штейнгеля и архитектора Ф. Соколова на борьбу за сохранение архитектурных памятников старины, одержало верх над невежеством административной.

Выйдя в отставку, Штейнгель оказался не у дел. Шульгин сделал так, что Владимир Иванович везде получал отказ: его прямота и добропорядочность, неумение льстить и угождать снижали за ним репутацию неуживчивого человека. Чтобы кормить семью, а она у Штейнгеля была большая, ему пришлось заниматься несвойственными делами. Одно время он даже работал управляющим винокуренным заводом.

Но Владимир Иванович не пал духом. Он с жаром берется за пополнение своего образования: штудирует историю, литературу, юриспруденцию.

В 1817 году Владимир Иванович составляет несколько проектов, касающихся улучшения торговли, городского управления. Он резко выступает против телесных наказаний,

продажи крепостных, казнокрадства, бюрократизма. Ряд официальных записок с предложением пересмотра устаревших законов направляет на высочайшее имя. Однако они остаются «без последствий» — оседают в бездонных архивах государственных канцелярий.

В конце концов Штейнгель приходит к убеждению: при существующем порядке никто из власти имеющих не заинтересован в переустройстве внутренней жизни России. Это убеждение и приводит его к декабристам. Путь в тайное общество открыли ему Рылеев и Пущин. Штейнгель принимает деятельное участие в подготовке к восстанию. В день выступления декабристов на Сенатской площади Штейнгель пишет по просьбе Рылеева проект Манифеста к русскому народу.

Следственное дело Штейнгеля содержит ценные сведения, касающиеся причин и истоков формирования идеологии декабристов. Из каземата Петропавловской крепости Штейнгель пишет два письма царю. Нет, не с покаянием, не с просьбой о помиловании. Письма рисуют картину законности выступления декабристов. «Истинный корень республиканских порывов скрывается в самом воспитании и образовании, — пишет Штейнгель... — Преследовать теперь за свободомыслие — не то ли же будет значить, что бить слепого, у которого трудной операцией сняты катаракты...»

И далее: «Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведающих про оное, сколько бы многих по сему преследованию не лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования». Надо было иметь немало мужества и веры в святость своего дела, чтобы бросить в лицо разгневанного самодержца такие крамольные слова. «Чтобы истребить корень свободомыслия, — пишет дальше Владимир Иванович, — нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование».

Штейнгель был осужден по третьему разряду за то, что «знал об умысле на царство-убийство... принадлежа к тайному обществу со знанием дели и участвовал в приготовлении к мятежу планами, советами, сочинением манифеста и приказа войскам». Верховный суд приговорил Штейнгеля к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторгу на 20 лет.

Необыкновенный был человек Владимир Иванович Штейнгель. Пожалуй, нет среди декабристов другого такого человека, объехавшего Россию вдоль и поперек — от Петербурга до Охотска, от Астрахани до Архангельска. Долгое общение с простым народом, знание его нужд, языка дали Штейнгелю большие преимущества перед своими товарищами по тайно-

му обществу. Не случайно «Манифест к русскому народу» Рылеев поручил написать именно ему. Ох как хотелось следственной комиссии узнать, что содержалось в том манифесте! Но тщетно, Штейнгель уничтожил его, а восстановить по памяти «не сумел». Точнее — не захотел.

В июле 1826 года Штейнгель был заключен в крепость Свартгольм, а через год закован «в железа» и отправлен в Читу. В 1830 году декабристы из Читы были переведены в Петровский завод. Здесь получили они некоторые послабления — смогли заниматься науками, литературным трудом.

По истечении срока каторжных работ Владимира Ивановича посылают сначала в деревне Елани под Иркутском, затем переводят в Ишим. В

1840 году Штейнгелю разрешили поселиться в Тобольске, но кто-то донес генерал-губернатору Сибири князю Горчакову, что «государственному преступнику» слишком вольготно живется в Тобольске. И декабрист был тотчас переведен в глухое село Тару, где прожил восемь лет.

Лишь в 1856 году декабристам было дозволено вернуться в европейскую часть России. «Но и тут не без отравы», — записал Штейнгель в своих воспоминаниях: въезд в Москву и Петербург был им запрещен. Только в возрасте 76 лет Владимир Иванович обрел желанную свободу. Но воспользоваться ей уже не было сил. Он умер в 1862 году.

есть любимый писатель. Я люблю, например, Грина...

А позже сам Стукалов мне признался:

— Когда бывает трудно, я перечитываю «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Судьбу человека»... Сколько переживали шолоховские герои, а не падал духом, не сдавались. Почему? Мне кажется, все они были очень мужественные — а это главное в жизни.

Не раз я бывал в известной всему миру старинной казачьей станице Вешенской, что вольготно раскинулась у самого Дона на бескрайних степных просторах. Когда-то она служила вехой на пути из Москвы в Азов, отсюда и название ее — Вешенская. Сейчас она, образно говоря, стала заметной вехой на всех литературных перекрестках. Да и не одних литературных, но и житейских. Широкая народная тропа пролегла к дому М. А. Шолохова.

Во многих колхозах и совхозах Верхнего Дона приходилось бывать мне, и всюду я наткнулся на добрый шолоховский след.

Вот только один пример. Во время пребывания в совхозе «Бирлик» Фурмановского района Уральской области Шолохов обратил внимание на высокопродуктивных овец эдильбаевской породы. Приехав на Дон, он сказал руководителям совхоза «Кружилинский», что хорошо бы иметь такие отары и в Вешенском районе. И вскоре сюда завезли 50 эдильбаевских овец. Примерно через 2—3 года писатель заинтересовался, как его земляки выращивают и умножают поголовье, и остался доволен: овцы росли быстро на донских выпасах, вес каждой достигал 90—100 килограммов, а это вдвое выше упитанности местных пород.

Председатель колхоза «Заря», что недалеко от Вешенской, В. С. Агарков, рассказывая о достижениях хозяйства в десятой пятилетке, раскрыл главный секрет этих успехов:

— Я всегда учил людей жить и работать так, как Михаил Александрович Шолохов: не спеша, но глубоко прокладывая борозды на пашне, неторопливо, но настойчиво выращивать урожай... И к людям стараюсь относиться так, как он: требовательно, но отзывчиво, строго, но по-доброму...

У меня есть книга Шолохова «Тихий Дон» с его автографом: «Журналисту, собрату по перу — с дружбой и любовью: М. Шолохов».

Этот дорогой автограф нелегко было получить. Но мне повезло: по заданию редакции требовалось написать отчет с собрания в областной драмтеатре, где Шолохов должен был встретиться, как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР, со своими избирателями. Выступали колхозники, рабочие, ученые, партийные работники... И на этом собрании я

Валерий
МОГИЛЬНИЦКИЙ

Автограф Шолохова

Судьба журналиста уводила меня много раз далеко от родных донских берегов. Но где бы я ни находился, всюду со мной Шолохов — мой земляк, его книги. Всегда со мной блокнот, в нем — высказывания людей о писателе.

Вот одна из моих записей: «1969 год. Дальний Восток. Туман. Шторм. Фотографии Шолохова». Тогда я вместе с рыбаками вышел в Тихий океан с острова Путятин на сейнере «Вылюй». Мне надо было написать очерк о капитане Владимире Стукалове, которого наградили орденом «Знак Почета». Не успели мы отойти от причала и десяти миль, как в заливе Америка начался шторм. Нас так швыряло, казалось, ещё миг — и судно пойдет на дно...

Я поспешил высказывал из каюты, карабкался по трапам вверх, пока не попал в штурманскую, и только тут убеждался: все идет нормально. Покачивался на далеком острове маяк, метался по экрану эхолота синий луч радара, а Владимир Стукалов спокойно перекачивал с руки на руку штурвальное колесо. И я снова спускался в каюту.

Ночью с книжной полки, наглухо привинченной к стенке, упала лодция. Я поднял ее, машинально поли-

стал и увидел среди истрепанных страниц фотоснимки Шолохова... Их было много: я разложил все веером, и жизненный путь писателя предстал передо мной. Вот Михаил Александрович в рабочем кабинете — сосредоточенно правит рукопись, а за его плечами бронзовая статуэтка буденовского коня. Снимок военных лет: Шолохов в гимнастерке вместе с Александром Фадеевым и Евгением Петровым осматривают на передовой, в 1941 году, приборы, снятые с подбитого танка. Вот он вернулся в станицу Вешенскую, мнет пальцами золотые колосья пшеницы первого послевоенного урожая. А затем — встречи, встречи... С Вандой Василенковой, Юрием Гагариным, Сергеем Бондарчуком... А здесь писатель — в триумфе мировой славы: ему вручают Нобелевскую премию 1965 года. С обратной стороны на этом снимке шолоховские слова: «Мы рождены для жизни и будем жить!».

Почему так много этих снимков у Стукалова? Отдыхавший в каюте рядом со мной рыбак охотно пояснил:

— Наш капитан давно собирает все про Шолохова. Поначалу я думал, что Стукалов с Дона, потом узнал, что он родился здесь, в Приморском крае. Наверно, у каждого человека

еще раз убедился, как велика любовь народная к писателю.

Мы, журналисты, дождались выхода Шолохова из театра, тут нам удалось и получить автографы, и поговорить с ним. Писатель только что приехал из Москвы. Михаил Александрович вспомнил своих давних московских друзей — Ефима Пермитина, Михаила Шкерина, Василия Кудашова, погибшего на войне, тепло отозвался о творчестве московских писателей Всеволода Кочетова, Анатолия Софронова, Сергея Смирнова, Вадима Кожевникова, Михаила Алексеева...

Автограф Шолохова... На скольких книгах можно увидеть его! Михаил Александрович не жалеет теплых слов для людей. Интересно, что среди его корреспондентов очень много молодых — комсомольцев и пионеров. Захотели ребята из новочеркасского детского дома заложить в своем саду Аллею любимых писателей, и первое письмо они написали в Вешенскую... Михаил Александрович не замедлил откликнуться: «Доброе, хорошее дело. Приезжайте за саженцами». Послали ходяков к Шолохову, и тот подарил два дубка, яблони, тополя...

Ребята из Северодвинска подарили Шолохову альбом «Соловецкие острова». Он не остался в долгу — выслал им «Судьбу человека» с автографом. Хорошая дружба связывает писателя с пионерами московской школы № 504, которые создали у себя литературный зал, посвященный его творчеству.

Однажды с высокой трибуны М. А. Шолохов сказал: «Замечательная у нас молодежь. Страна многим обязана ее молодому энтузиазму, ее героическому труду».

муарах об этом замечательном человеке, авторе «Молодой гвардии». В преддверии юбилея — 80-летия А. А. Фадеева — в надежде узнать у Максимова что-то новое о нем, еще ни где не опубликованное, я навестил старейшего ростовского литератора в его квартире, чем-то напоминавшей музей, — столько здесь было старых газетных подшивок, журналов, книг и писем — целый архив!

Мы легко разговорились, и я сразу понял, как глубоко и преданно любил Максимов своего именитого друга, товарища юности, соратника тех незабываемых лет.

— Вы не можете себе даже представить, — горячо говорил Павел Хрисанфович, — какой это был обаятельный человек и свойский товарищ! Если бы он был другим, то, наверно, написал бы куда больше! Но свое драгоценное писательское время Фадеев щедро тратил на всех — он не мог не помогать своим товарищам по перу и в работе, и в издании их книг.

Тут Павел Хрисанфович протянул мне небольшой пожелтевший листок бумаги — неопубликованное письмо Фадеева... С душевным трепетом я взял этот листок. Александр Александрович писал:

«Дорогой Павел Хрисанфович!

Посылаю тебе отрывок из повести для помещения в очередной литстрианичке. Надеюсь, что ты постараешься напечатать как можно скорее. Очень прошу не делать никаких изменений и сокращений. Отрывок не велик, займет не более полстраницы. Кроме того, надеюсь на твою внимательность при просмотре корректуры.

Читали мы прошлую литстрианичку. Ничего. Пиши нам, адрес знаешь. С товарищеским приветом. А. Фадеев.

24. VI, 25 г. Нальчик.

Р. S. Привет кому следует. Где Артем? Собираешься ли писать?»

Меня, конечно, удивила пометка под текстом: «Нальчик». До этого я нигде не читал, что Фадеев когда-то бывал в тех местах.

— Да как же — бывал! — загадочно улыбаясь, сказал Максимов. — И не один, а со своими товарищами-писателями, молодыми рабочими Бусыгиным и Кацем, о которых я писал в своих мемуарах.

Летом 1925 года Фадеев через крайком партии добился предоставления творческого отпуска ему, Бусыгину и Кацу. Они жили и работали в хуторе Долинском, под Нальчиком, более трех месяцев. За это время Фадеев завершил «Разгром», Бусыгин — повесть «Поселок Кремневка», а Кац — сборник стихов. Это было чудесное лето. Фадеев радовался тому, что наконец-то он свободен для литературы, может писать спокойно и сосредоточенно. Все газетные дела на время остались позади...

К моменту написания «Разгрома»

Александр Александрович уже был вполне сформировавшимся писателем. За его плечами остались годы борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Он прошел хорошую школу партийной работы на Кубани, где работал некоторое время секретарем райкома партии в Краснодаре. Еще в 1923 году появились в печати его повесть «Разлив» и рассказ «Против течения». И хотя эти произведения не были отмечены критикой, в них уже просматривался талант партийного писателя, сумевшего по-своему осветить актуальную тему народного подвига.

Когда отпуск подходил к концу, а работа над книгами в основном завершилась, Фадеев с друзьями побывал в Пятигорске. Он давно хотел повидать этот старинный городок, который был местом вдохновения для многих писателей и поэтов России. Здесь он посетил лермонтовские места: грот Печорина, место дуэли, побывал на кладбище, где первоначально похоронили великого русского поэта, заходил в маленький домик с камышовой крышей, в котором жил М. Ю. Лермонтов. О том, что Фадеев бывал в заповедных лермонтовских краях, свидетельствует письмо к Р. С. Землячке, написанное им 13 июля 1925 года. На письме есть его пометка: «Пятигорск».

— Когда вы расстались с Фадеевым? — спросил я.

— Если точно, то в конце 1926 года. Именно тогда Фадеев уехал в Москву... Но я не потерял связи с ним. В 1928 году я послал Фадееву своей очерк «По земле Нохчи» для публикации в журнале «Октябрь» — в то время он вместе с Шолоховым и Панферовым был членом редколлегии. Очерк был напечатан во втором номере журнала за 1929 год.

А потом Максимов с Фадеевым встретился лишь в конце лета 1944 года на фронте. Александр Фадеев вызвал его из воинской части, стоявшей тогда под Тирасполем, и при этой встрече, в разговоре о разных делах сообщил печальную весть, что лучшие его литературные друзья по Ростову Александр Бусыгин и Григорий Кац погибли в боях...

Их переписка возобновилась и продолжалась какое-то время после войны. Последнее письмо Максимова уже не застало Фадеева в живых...

У Максимова сохранились десятки писем А. А. Фадеева, и жаль, что не все они вошли в собрание сочинений. Ведь каждое письмо проливает какой-то новый свет на образ большого советского писателя.

Письмо Фадеева

С ростовским писателем П. Х. Максимовым я познакомился, когда ему было уже 85 лет. С 1922 года он работал в газетах, был в свое время участником первого съезда писателей СССР. Его переводы с адыгейского фольклора когда-то отметил сам А. М. Горький, с которым Павел Хрисанфович несколько лет переписывался.

Был он близко знаком с А. А. Фадеевым и подробно писал в своих ме-

Журнал «Рабочий отдых»

Степан
ЧЕРНЫХ

В справочнике «Периодическая печать СССР 1917—1947 гг.» есть такая запись: «Рабочий отдых», Нижний Тагил, 1929. Приложение к газете «Рабочий». В Нижнем Тагиле издавался журнал, когда еще не было ни вагоностроительного завода, ни металлургического комбината, ни других предприятий.

В фондах библиотеки Нижнетагильского краеведческого музея хранится несколько экземпляров этого издания. Литературно-художественное бесплатное приложение к городской газете выходило дважды в месяц. Под заголовком указывается орган издания: ТАПП — тагильская ассоциация пролетарских писателей. Выпуски «Рабочего отдыха» невзрачны на вид и своеобразны по содержанию. На восьми страницах каждого номера размещены стихи, рассказы, советы домохозяйкам, информация об открытиях науки и достижениях техники, консультации врачей, критические заметки, публицистика. В каждом выпуске всего понемножку и вперемежку.

В первом номере напечатаны стихи пролетарских поэтов В. Александровского и Я. Бердникова, статья литературоведа Д. Горбова о Грибодове — к 100-летию со дня смерти. Это перепечатки. Дальше идет местный материал: путевые заметки уральского журналиста Ст. Морозова, статья «Наука должна служить делу строительства социализма», подписанная явным псевдонимом — Аливер. Позже я выяснил, что так подписывался Алексей Иванович Пермикин, в то время заместитель редактора газеты «Рабочий» (теперь — «Тагильский рабочий»). И вообще псевдонимы в «Рабочем отдыхе» были в моде, как и в любом подобном издании тех лет. В следующих номерах встречаются, например, Леоридче, д-р Эльте, Стриж-Кукарский, Новин, Нап...

В наши дни, когда большинство горожан повсеместно пользуется центральной отоплением, наверное, покажется бы странным и даже смешным,

если бы в каком-то современном журнале стали дискутировать о качествах русской печки. Но в 1929 году большая статья печника Огибенина «Преимущество русско-голландской печи системы Шитова» была весьма актуальной и читалась в первую очередь. О важности ее говорит даже то, что она напечатана под рубрикой «Наука и жизнь».

В нескольких номерах печаталось анонимное историческое повествование «Отец Пахомий и К^о». В № 3 была опубликована подборка стихов Нины Аркадьевны Поповой (она же «Нап»), в №№ 3—7 помещена повесть А. П. Бондина «Уходящие».

Атеистическая тема в журнале увязывалась с подготовкой ко второму всесоюзному съезду союза воинствующих безбожников. Съезд открылся 10 июля 1929 года вступительным словом Максима Горького, только что приехавшего из Италии. А на второй день на съезде выступал Владимир Маяковский. Перед пасхой в журнале был набран крупным шрифтом броский лозунг: «Еврейская и христианская лоза — праздники эксплуататоров. Единому фронту равнинов, мулл и попов противопоставим союз трудящихся всех наций. Порывай с религией, иди в ряды безбожников!»

В одном из номеров была помещена статья «Нижнетагильский вагонный завод», знакомящая с проектом намеченного к постройке огромного завода большегрузных вагонов. С интересом читается очерк, посвященный памяти Я. М. Свердлова, воспоминания «В Николаевских ротах» — о политических заключенных царских тюрем.

Редактором «Рабочего отдыха» был журналист и поэт И. Д. Леонов (псевдоним — Леонидче). Журнал прекратил существование после 12-го, июньского номера.

Был такой город — Плеснеск

Светлана
ИППОЛИТОВА

Неподалеку от села Подгорцы близ Львова во время пахоты плуг вывернул из земли старинный меч...

Предание гласит, что здесь стоял когда-то древний славянский город Плеснеск. Еще и сегодня сохра-

нились высокие земляные валы, облицованные камнями.

Живописные, поросшие густым лесом холмы Вольно-Подольской возвышенности издавна привлекали к себе людей. Уже в VII веке на одном из них возникло поселение славян. В XII веке Плеснеск стал одним из крупнейших городов Восточной Европы. Процветанию его способствовало выгодное географическое положение: город стоял на скрещении торговых путей. Мощные оборонительные сооружения — валы, глубокие рвы, частоколы, сторожевые башни — охраняли его. На вершине горы находился детинец, т. е. укрепленная часть города, где жил князь с дружиной, чуть ниже — посад с жилищами ремесленников и купцов.

Все это известно из древнерусских летописей XII—XIII веков. История города связана с феодальной борьбой князей за объединение и укрепление Галицко-Волынского княжества и войнами с иноземными захватчиками.

Упоминается этот город и в замечательном историко-литературном памятнике Древней Руси «Слово о полку Игореве». В вещем сне князя Святослава есть такие слова:

...Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плеснеска,
У предградья стоял лес Кияны,
и понеслись они, вороны, к синему морю...

Автор «Слова» считал совершенным, что великому князю Святославу снился именно Плеснеск и его живописные окрестности — дремучий бор, ристалище, овраг... Ведь город находился на самом западе и первый принимал удары врагов.

В начале 1241 г. Плеснеск был разрушен полчищами Батые. С тех пор летописи молчат о нем. Лишь слой пепла, открытый археологами, свидетельствует о горестной истории города.

В 1946—1954 годах здесь расплано более семидесяти жилых и хозяйственных построек, остатки крепостных укреплений, некоторые курганы — погребения княжеских дружинников.

Предполагается превратить древний город славян в историко-археологический заповедник.

ТОЛЬКО МОРЕ, ТОЛЬКО ВЕТЕР...

Лия
ГЛАЗУНОВА

Письмо из Североморска пришло от Володи Симонова. «Климат здесь не очень-то благоприятный, но ничего, жить можно. А вчера ночью было северное сияние. Захватывающее зрелище. Конечно, для местных жителей оно уже не з диковинку, а для меня ново...»

Замполит Владимир Дмитриевич Ширшов, подполковник запаса, выпускник ленинградского Высшего военно-морского училища, улыбаясь, предложил:

— Хотите подарю фразу? — И на мое согласное «хочу»: — Здесь даже стены пахнут морем.

Море?! В Свердловске?! Казалось бы, более сухопутного города и представить себе невозможно. Все наше море — пасмурный Верх-Исетский прудик среди Уральских гор.

Но в центре города — здание с оповещающей табличкой: Свердловская морская школа ДОСААФ...

— Встать! Товарищ преподаватель! Группа в составе 20 человек к занятиям готова. Дежурный по группе — курсант Полюхов.

В феврале 1949 года решением Всесоюзного оргкомитета Добровольного общества содействия флоту был организован в Свердловске Морской клуб первого разряда. И юные призывники 1930 года рождения заполнили учебные классы клуба, начали изучать морское дело, осваивать флотские специальности.

А в 1940-м на базе клуба была создана единственная в Союзе школа, готовящая специалистов связи для Военно-Морского Флота СССР.

«...Служу на далеком Севере. Кругом сопки, море, ветер...» Письма в адрес школы идут с севера и юга, с запада и востока.

Теряюсь в массе непривычных слов. Раксбугель¹? Степс²? Шпор³? Наконец, что-то знакомое — рея (кажется, именно на ней кончали жизнь некоторые флибустьеры и авантюристы).

— А где же плавают курсанты?

— Курсанты ходят, а не плавают, — снисходительно поясняет В. Д. Ширшов. Кстати, они здесь не только «ходят» по воде, но еще «драят палубу» (а не моют пол),

взбегают по трапу (а не по лестнице). В общем живут необычной для уральцев жизнью.

...Преподаватель Юрий Николаевич Тетеркин ведет занятия по военно-морскому делу. Сегодня изучают устройство корабля.

— Корабль — сооружение сложное. И должен он быть прочен, чтобы никакие ветры и бури ему не были страшны...

Вихрастые мальчишки-допризывники торопливо записывают з тетрадках.

— А 34 узла — это сколько километров⁴?

В застекленных витринах макеты кораблей, на стенах — таблицы, у окна — настоящий шестивесельный ял (не шлюпка), у двери — магнитный компас (не компас). Прямо на полу (простите, на палубе) изображение картушки — указателя основных (норд), половинных (норд-вест) и четвертичных (норд-норд-вест) направлений.

Здесь же флаги для передачи сигналов.

«...Сбылась моя мечта. Я попал на хороший корабль, и уже успел увидеть много интересного. Из Севастополя шли через Черное море, пролив Босфор, Мраморное море, пролив Дарданеллы, затем Эгейское и наконец Средиземное море. По службе все в полном порядке. Привет молодому пополнению, как у нас здесь говорят, жму «краба»...»

В морскую школу попадают по направлению военкоматов. За пять с половиной месяцев (свердловчане) и за два месяца (ребята из области) под руководством опытных педагогов М. Н. Буравовой, В. М. Розенбаума, А. Т. Родина и других получают необходимые на флоте знания по электрорадиотехнике, обслуживанию современной радиоаппаратуры, в том числе телеграфной, знакомятся с морским уставом, с устройством корабля, морской терминологией, учатся вязать узлы, ходить на веслах и под парусом (пока на Верх-Исетском пруду). А впереди их ждут синие просторы морей и океанов, водные рубежи нашей Родины, а того, кто хочет навсегда связать свою судьбу с морем, — высшие военно-морские учебные заведения и курсы мичманов флота.

¹ Устройство для подъема паруса.

² Место, куда вставляется мачта.

³ Нижний конец мачты.

⁴ Узел равняется 1852 м/час.

Комдив Азин

В. М. Азин прожил короткую, но яркую жизнь. Счетовод мануфактурной фабрики, солдат саперного батальона, командир Латышского коммунистического отряда, командир 28-й стрелковой дивизии Красной Армии — такова его биография.

В городе Чернушке Пермской области именем Владимира Мартыновича Азина названы улица, пионерская дружина, конный завод. Юные следопыты переписываются с родственниками В. М. Азина, композитор Л. Л. Мелем написал о нем песню.

Недавно на привокзальной площади

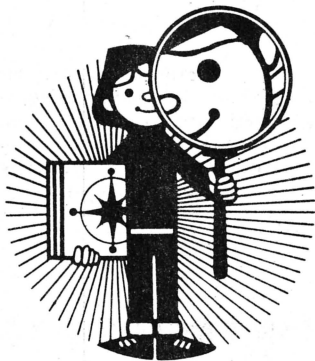
города открыт памятник легендарному герою. Он установлен на том месте, где в марте 1918 года проходила линия обороны азинцев.

Автор памятника — уральский скульптор Ю. П. Клещевников, он сделал его по эскизу художника М. П. Латышева.

И. ТУРИН

На снимке: фрагмент памятника В. М. Азину в Чернушке.

Фото А. Бурцева

МИР

НА ЛАДОНИ

Раны Кутузова

В исторической литературе говорится об одном ранении Михаила Илларионовича в бою под Алуштой в 1774 году. И было это так. Кутузов шел впереди батальона со знаменем в руках, и его ранило в левый висок. Турецкая пуля вышла у правого глаза, которого он лишился в этом кровопролитном бою. По заключению врачей, рана была смертельна. Но молодой герой выжил, и его наградили высшим знаком боевого отличия — орденом Георгия 4-й степени. После излечения Кутузов участвовал в боях на Крымском полуострове, получил звание генерал-майора в 1784 году.

Через четыре года при осаде Очакова, мужественно отражая вылазку турок, Кутузов был вторично смертельно ранен. Пуля вошла в щеку и, пронзив голову, вышла в затылке. Его опять вынесли замертво с поля боя без всякой надежды на благополучный исход. Поэт Державин посвятил этому редкому случаю следующие строки.

Смерть сквозь главу его промчалась,
но жизнь его цела осталась...

Л. ЯШКИН

Терем-теремок

В начале 1930-х годов учительница рисования одной из свердловских школ художница Маргарита Иосифовна Тихачек, проходя по нелюдной улочке Радищева, обратила внимание на домик, стоящий на углу еще более тихонькой улицы Добролюбова. Хотя старых строений в городе тогда было еще немало, на этот теремок заглядывались многие. Художница зарисовала домик. Познакомилась и с хозяйкой, Анной Ивановной Шамшуриной, которая рассказала, что дом этот — ровесник Свердловска, построен был, когда завод еще только сооружался. Об этом ей рассказывала ее мать, Екатерина Васильевна, умершая в 1932 году в возрасте 103 лет, а та, в свою очередь, слышала рассказы своего деда, тоже дожившего до преклонных лет.

Семейные предания — источник для истории не очень надежный, но, судя по архитектуре, дом, несомненно, был построен не позднее середины XVIII века. Несмотря на возраст, он был еще крепок, внутри сохранился паркетный пол. Вот только ограда и ворота стали ветхими.

И наверняка стоял бы дом еще десятки лет, а при заботе и уходе и много больше, принимая экскурсии, «позируя» художникам и фотографам, если бы... В июне 1934 года газета «Уральский рабочий» сообщила, что дом доживает последние дни — его решено снести, так как он, дескать, мешает уличному движению. И снесли. А уличного движения, между прочим, здесь и до сих пор почти никакого нет...

Б. ЕФИМОВ

Как лечили патриарха лесов

На плитке, установленной близ огромного дерева, начертаны пушкинские слова:

Гляжу ль на дуб
уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век
забвенный,
Как пережил он век отцов.

Патриарх лесов — это трехсотлетний дуб Тригорского парка в поселке Пушкинские Горы Псковской области. Ему и посвятил стихотворные строки поэт.

Несколько лет назад весной после зимних тре-

скупих морозов ветви дуба остались безжизненными, что очень встревожило сотрудников Пушкинского заповедника. Решили лечить его водой и удобрениями.

Между рекой Соротью и парком курсировали две машины — пожарная и поливочная. Они лили воду к подножию дуба, окатывали крону. Каждые день-два дерево получало по тысяче литров воды. Подкармливали дуб и удобрениями. И патриарх лесов снова зашумел листвою.

Озеро во льдах

Своеобразное озеро во льдах Антарктики обнаружено с помощью искусственных спутников Земли. Впервые его зафиксировали почти десять лет назад. С тех пор гигантская полынья то исчезала, то появлялась вновь. В один из

моментов ее площадь превысила 265 тысяч квадратных километров.

Удивительное озеро расположено на самом юге Атлантического океана в замерзшем море Уэддела. Пока никаких точных сведений о причинах образования

свободного ото льда пространства в паковой зоне нет. Одни ученые предполагают, что это влияние сильных ветров в районе, другие — что в этом месте более теплая подповерхностная вода моря поднимается и вытесняет холодный

поверхностный слой. Некоторые ученые предупреждают, что озеро во льдах и утечка через него тепла может привести к охлаждению Мирового океана.

СНИМКИ В. БАЛЫБЕРДИНА

В альбомах краеведов, в фондах Свердловского историко-революционного музея хранится немало фотографий, сделанных одним мастером. Об этом можно судить по надписям на негативах — почерк весьма характерен.

Обращает на себя внимание то, что фотограф любит историю, старину, свой край.

Удалось установить, кто был автором этих интересных снимков 30-х годов — В. И. Балыбердин, адвокат по специальности. Фотография и краеведение были его увлечением.

На снимках В. Балыбердина: истинный меридиан, установленный близ Свердловска; так была оформлена к 1 Мая одна из площадей города, на втором плане виден памятник К. Марксу (сейчас его нет).

Городские пчелы

Однажды в мою квартиру залетела пчела. Полетала-полетала по комнате, а потом нашла отверстие в ящике комода. Там она устроила гнездо. Форточку мы не закрывали. Утро, чуть свет, а пчела уже работает. Очень инте-

ресно было за ней наблюдать. Прошло с неделю, и я решила заглянуть в комод. Открыла ящик, а там лежит маленький кувшинчик из воска...

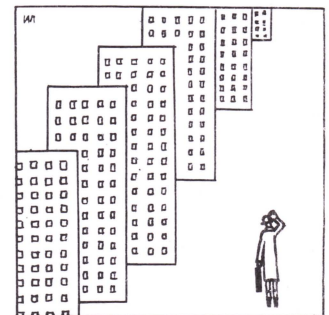
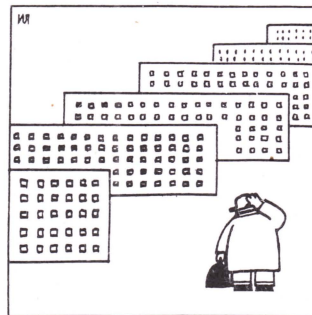
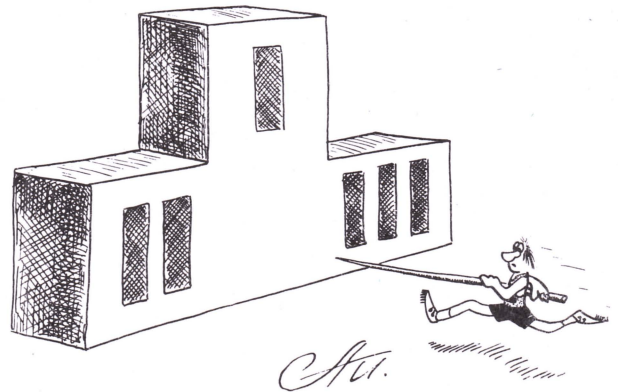
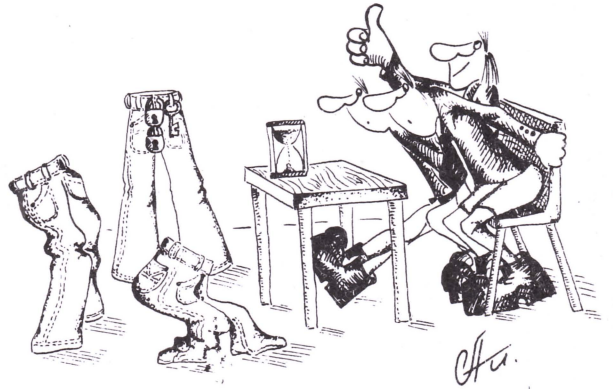
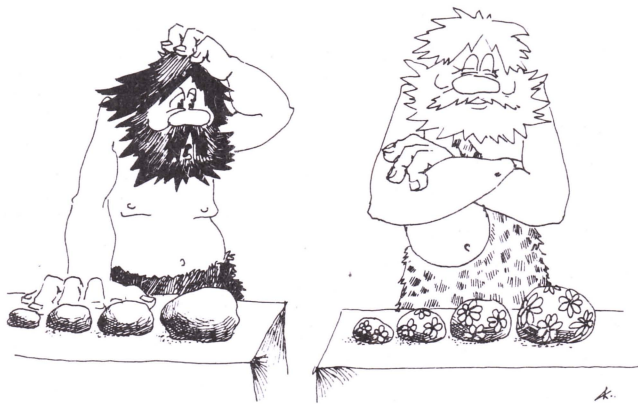
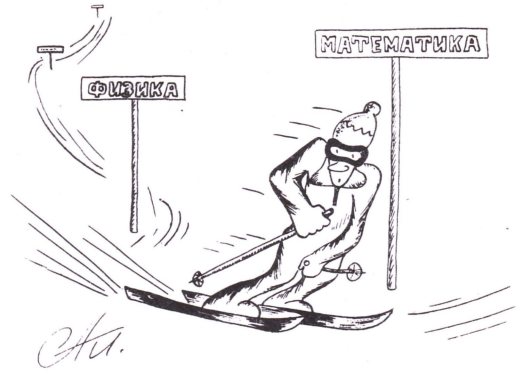
Прошло еще недели две, и из комода стали вылетать маленькие пчелки.

Полетают, порезвятся над комодом и снова лезут в ящик. Затем их количество удвоилось, затем утроилось. Время шло, пчелы подрастали. Первенцы уже стали вылетать на улицу. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы я однажды не наруши-

ла пчелиный покой. Открыла резко ящик, и они набросились всем роем на меня. Еле успела скрыться в другую комнату. А на следующий день пчелы покинули квартиру.

В. ГОЛЬЦЕВА

Рисунки А. Копырина,
С. Айнутдинова (г. Свердловск),
И. Лизуро (г. Нижний Тагил).

прежде...

...и теперь.

РЕДКИЕ РАСТЕНИЯ РЕКИ ЧУСОВОЙ

ОРХИДЕЯ УРАЛЬСКИХ ЛЕСОВ

По влажным лесным местам, под сенью густой хвои и листвы растет ятрышник, наша орхидея: целая кисть розово-лилово-фиолетовых цветков, похожих на крохотные шлемы. Царь-трава, ядрокорень, сатир мужской — зовут его в народе. В Малороссии старые люди дали ему даже такое поэтическое прозвище: «Люби меня — не покинь». А еще ятрышник величают «салеп бухарский». Когда-то давно на Востоке изобретено было успокаивающее и обволакивающее лекарство, растительные слизи для которо-

го добывались из клубней орхидных, в том числе и ятрышника. Так что у клубней нашей лесной орхидеи давняя лечебная практика.

А вот секрет использования цветков знают, наверно, только старожилы Бухары, где умели корневые чашечки сушить, прожаривать, молоть и заваривать... как кофе.

Услышав тонкий аромат ятрышника или его родной сестры — белоснежной любки двулистной, не спешите рвать их: это очень ценные и редкие растения.

Фото В. Ветлугина